

4

2007

РОСССНЯ XXI

4.2007 июль-август

Общественно - политический

Теория и практика политических игр

Сергей Кургинян

Тупик прагматизма. О подлинной причине, порождающей все новые сбои в российской внутренней и внешней политике _____ 4

Геоглобалистика

Олег Гриневский

Как начиналось объединение Германии (продолжение) _____ 66

Страницы истории

Валентина Марьина

Георги Димитров – советский
гражданин. 1934–1945 гг.

По материалам дневников

Г.Димитрова (окончание) _____ 94

Исаак Розенталь

Прогрессист Голицын

и его дневник _____ 118

Ярлыки и мифы

Дмитрий Антонов

«Безобразные образы»: к эволюции
древнерусских представлений

об ангелах и демонах в XVII веке

(окончание) _____ 140

Джеймс Рассел

Святылище под волнами _____ 156

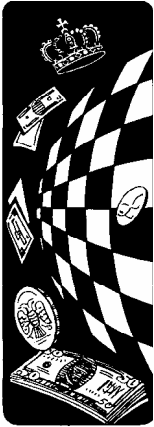
Представление, что люди не хотят приносить жертвы, заведомо неверно. Когда Черчилль в начале Второй мировой войны заявил, что ему приходится требовать от англичан крови, пота и слез, он не пугал своих соотечественников; напротив, он взывал к глубоко укоренившемуся стремлению приносить жертвы, жертвовать собой. Реакция англичан – так же как немцев и русских – на тотальные бомбардировки населенных пунктов является свидетельством того, что общее страдание не сломило их дух; оно усилило их сопротивление и доказало неправоту тех, кто считал, будто ужас бомбежек может деморализовать противника и ускорить окончание войны. Как, однако, прискорбно, что в нашей цивилизации не мирная жизнь, а скорее война и страдания мобилизуют готовность человека жертвовать собой;

периоды мира, по-видимому, способствуют главным образом развитию эгоизма. <...> Как следствие господствующей в нашем обществе эгоистической установки, наши лидеры считают, что поступки людей могут быть мотивированы лишь ожиданием материальных выгод, то есть вознаграждений и поощрений, и что призывы к солидарности и самопожертвованию не вызовут у людей никакого отклика. Поэтому, за исключением периодов войн, к таким призывам прибегают крайне редко, так что мы не имеем возможности наблюдать их вероятные результаты.

Эрих Фромм

Сергей Кургинян

ТУПИК ПРАГМАТИЗМА

О ПОДЛИННОЙ ПРИЧИНЕ,
ПОРОЖДАЮЩЕЙ ВСЕ НОВЫЕ СБОИ
В РОССИЙСКОЙ ВНУТРЕННЕЙ
И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ¹

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИГР

The author analyzes the peculiar way of political behavior which requires detaching ideals and motivations connected with them from a social system. Stability and soundness of a society depend on presence of ideals in this society. A system can be destroyed by employment of its inherent properties. It is very much like destruction of a bridge by a detachment marching in step. The author detects the cause of the USSR state collapse disaster precisely in initiation of the war against ideals of socialism and the ideal in general. In particular, this process activated certain syndrome which had been generated by the Western intellectuals' encounter with the Nazi ideology. During WW2 the pathology of the Nazi ideals system could be stopped only by the opposite wave of the Soviet society's ideal. The regrettable format of our reality is explained by erosion of the Soviet ideals and lack of any other intelligible ideal.

¹ Журнальный вариант доклада на заседании клуба «Содержательное единство» 31 мая 2007 года.

Введение

Я часто говорил о внесистемном заимствовании как принципе поведения, вытекающем из некоего превратного прагматизма. Я вынужден снова об этом говорить. Что

значит вынужден? В отличие от многого другого, что я намерен обсуждать, меня феномен такого внесистемного заимствования, взятый как вещь в себе, не очень интересует. Но этот феномен порождает определенное политическое поведение. А это поведение создает систему рисков для действующей российской власти. А значит, для страны и общества.

Я практикующий политолог. И, кроме того, гражданин данной страны и данного общества. Я не могу не понимать, что, порождая риски для действующей власти, этот феномен внесистемного заимствования (дита тупикового прагматизма) порождает риски для страны и общества. А значит, и для меня лично. Моя профессиональная и гражданская обязанность в том, чтобы обсуждать эти риски. Если я перестану их обсуждать, я должен поменять профессию.

И я, может, ее и поменял бы. Но у меня нет никакого желания менять все остальное. Место проживания, причастность к данному историческому субъекту. Вытекающую из этого экзистенциальную ответственность, то есть судьбу. Профессиональные обязанности можно скорректировать, не потеряв самоуважения. А как быть с гражданскими обязанностями и тем, что из них вытекает?

Потому я вынужден теоретически осмысливать внесистемные заимствования определенных – в том-то и дело, что особых, – вещей. Для того, чтобы это обсуждать, я должен выделить класс вещей, в пределах которого внесистемное заимствование особенно опасно. А чтобы это сделать, понадобится хотя бы короткий теоретический пассаж. Пассаж этот посвящен, как вы увидите, очень конкретному поводу. Но оторвать повод от теории невозможно.

Внесистемное заимствование – это способ политического поведения, при котором слова, принципы оценки, способы полемики, другие социоалгоритмы отрываются от той системы, которая все это использовала.

Итак, есть (а) сама Система, (б) нечто, используемое этой Системой, и (в) само это использование (рис. 1).

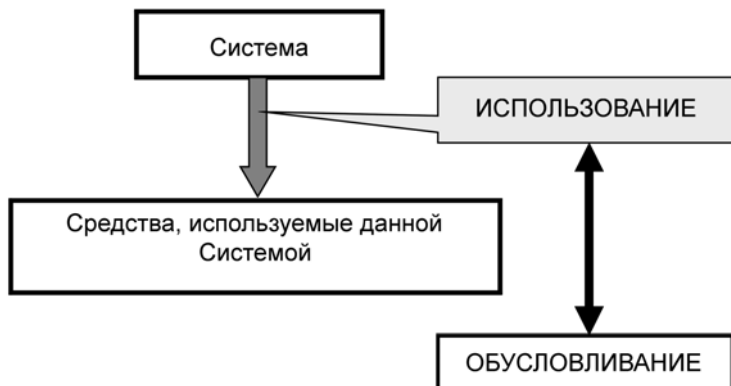

Рис.1

Как только есть использование, есть все то, что это использование обуславливает или детерминирует. Между обуславливанием и использованием существует прямое и обратное соответствие. Нет нормального использования без обуславливания. И нет обуславливания без использования (рис.2).

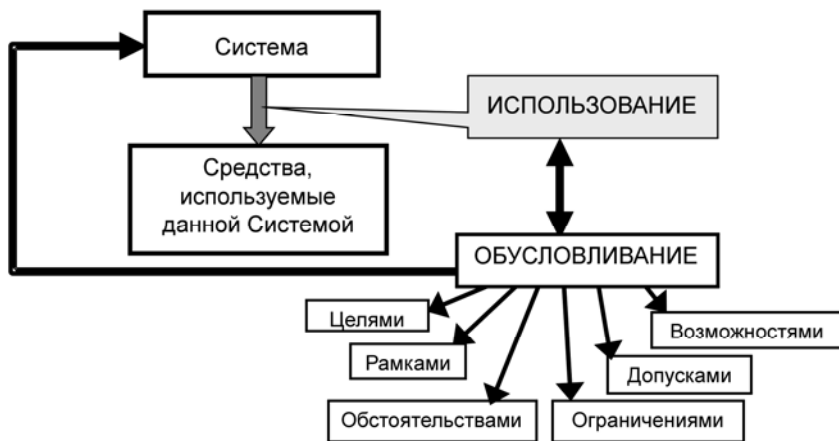

Рис.2

Обуславливание – это не абстракция. Это система процедур, устанавливающих соответствие между тем, что порождено Системой и подлежит использованию, и массой сопряженных с генезисом Системы (и неотделимых от нее) специфичностей. К коим относятся:

- цели, ради которых применяются данные средства,
- рамки, в которых применение этих средств возможно ,
- обстоятельства, которые породит применение этих средств,
- ограничения, которые встроены в алгоритмы, неотрывно связанные со средствами,
- допуски на нагрузки при применении данных средств,
- возможности, которыми надо располагать для того, чтобы применять определенные средства.

Отрыв средств от Системы означает, что исчезает само это обусловливание. И остается «голое средство» (рис.3).

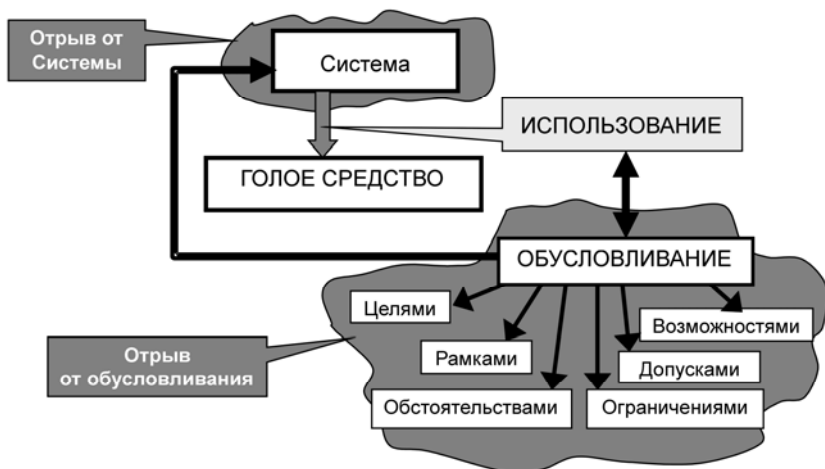

Рис.3

Отрыв процедуры использования от Системы превращает любое средство в голое средство.

Голое средство связано со средством так же, как вещь с тем, что именуется утиль (рис.4).

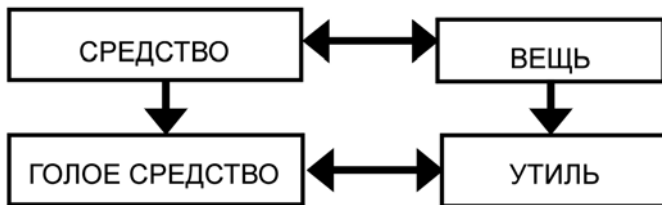

Рис.4

Процедуру такого освобождения средства от Системы и совокупности факторов, обуславливающих использование этого средства, можно назвать утилизацией (рис.5).

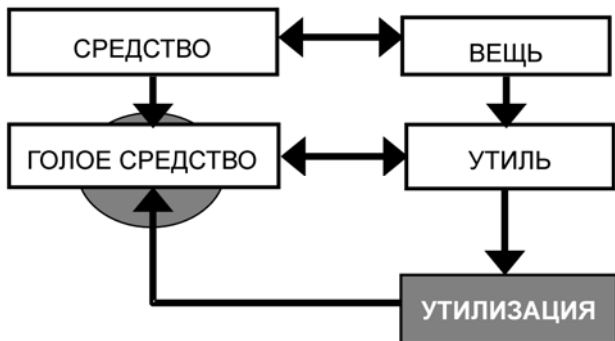

Рис.5

А где есть утилизация, там есть и свалка (рис.6).

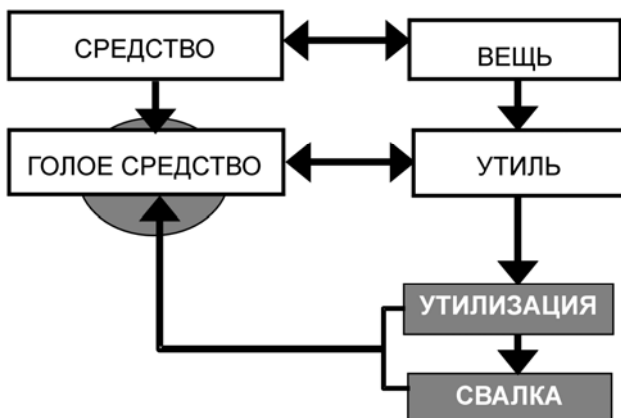

Рис.6

Образ свалки – не ярлык, не ругательство, не оценочное суждение. Это важнейшая рабочая аналитическая метафора, которая для нас существенна по ряду причин.

Во-первых, каждый, кто имел дело со свалками, знает, что это очень сложная и небесполезная штука. На свалке размещены гигантские ценности. Но все вещи, находящиеся на свалке, лишены своего генезиса, своей родовой функции. Автомобиль – это не автомобиль, а груда ме-

таллолома. Диван – это не диван, а совокупность частей – тряпок, пружинок, – которые могут быть использованы по произвольному назначению. Свалка – это место расположения вещей, освобожденных от своей предназначенности. От того отпечатка смысла, который накладывает дух на эти структурные совокупности. Хотел бы сказать попроще, но, честно, не знаю, как именно.

Во-вторых, каждый, кто наблюдал вблизи судороги нашего бесконечного «переходного периода» (всегда хотел знать – от чего к чему переходного), видел, что советские вещи, то есть объекты материальной среды, использовались утилизационным, то есть свалочным, образом. В простейшем случае они просто продавались, иногда за бесценок. Хотя иногда они использовались и более тонко.

Но всегда – не по первоначальному назначению. То есть не для обеспечения жизни определенной социальной системы, государства, общества, а как дорогостоящий утиль, лишенный этой «дурацкой предназначенности» (какая еще система, какое государство, какое общество? Хе-хе-хе!). Но утиль, который обладает собственной «утилизационной вкусностью».

МВД как средство обеспечения правопорядка – это, с точки зрения утилизатора, глупая мерзость. А СОБР для наезда на конкурента – это лакомая «вкусность». Поэтому нельзя сказать, что МВД лишено ценности. Если взглянуть на МВД освобожденным взглядом, как на утиль, то оно обладает огромной ценностью. «Но только не надо предвзятости!»

В-третьих, мы должны понимать, что утилизация утилизации рознь. Где-то утилизация более применима, а где-то менее. Для того, чтобы это понять, нужно всерьез (без улыбок и пожимания плечами) разобраться в том, что такое есть утилизация.

К сожалению, это теоретическая проблема. Но не такая уж сложная. Поэтому я позволю себе ее рассмотреть. Для этого я введу простейшее противопоставление: вещественное – невещественное (рис.7).

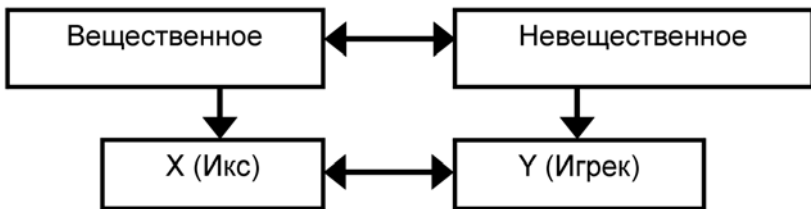

Рис.7

Обращаю внимание на то, что я осуществляю предельную формализацию, максимально освобождая ее от конкретного содержания. Я не говорю: «материя – сознание», «плоть – дух». Я просто говорю, что есть вещественное и невещественное.

Такое противопоставление вполне корректно с позиций формальной логики. Понимая ограничение этой логики, я ее применяю, чтобы его преодолеть. Чтобы преобразовать в диалектическую логику с помощью прозрачных, интеллектуально осязаемых способов.

Теперь представьте себе, что я скажу: миром правит невещественное. Многие пожмут плечами. Мол, как это невещественное? Миром правят деньги. Ну, еще нефть, оружие... В крайнем случае, большие батальоны (формулировка Наполеона). Но при чем тут невещественное?

А если я скажу: «Информация правит миром» – все согласятся. Даже те, кто убежден во всемогуществе денег. Финансовые рынки управляются информацией, эти рынки суть деньги. Деньги правят миром... Все совпадает. Все правильно.

А теперь давайте эти два утверждения – безусловное и сомнительное – поставим в один ряд (рис.8).

Рис.8

Вроде бы я опроверг оппонента. Но у всех, кто за этим опровержением следит, остался какой-то осадок. Потому что информация трудно располагается в заданной антиномии «вещественное – невещественное». И чаще всего для того, чтобы ее там расположить, снимают антиномичность, то есть двоичный код, и используют троичный. То есть говорят о том, что информация – это какое-то третье состояние между вещественностью и невещественностью. Все, кто читал Джона фон Ноймана, или Урсула, или наших теоретиков, хорошо знакомы с такой недвоичной описательностью.

И все бы хорошо, но дальше – «ни тпру ни ну». Коды-то задавать можно любые. Но если это настоящие коды, они будут что-то порождать: графы, поля, множества, кольца... Хоть что-нибудь. А эта троичность порождает только гуманитарно-философскую болтовню. Но и антиномия никуда не уходит. Что же делать?

Я давно предложил для того, чтобы избежать троичной спекулятивности и двоичной антиномичности, применять «диалектические матрицы». Вроде бы прием усложненный, а на самом деле – ничего подобного. Когда вам говорят «Икс или Игрек», не покупайтесь на это «или» (антиномичность). И не убегайте в спекулятивность (троичность). Лучше скажите, что есть совсем очищенный от Игрека Икс. И совсем очищенный от Икса Игрек. А также есть Икс, в котором Игрек остается. И наоборот – Игрек, в котором остается Икс.

В итоге получится матрица (рис.9).

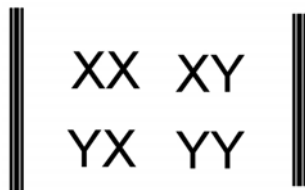

Рис.9

Здесь одна диагональ (XX – YY) усугубляет антиномию, а другая диагональ (XY – YX) антиномию преодолевает.

А теперь уйдем от полных абстракций. И возьмем антиномию «плоть – дух». Есть абсолютная плоть, то есть плоть, полностью лишенная духа (ультравещественность). И есть абсолютный дух, лишенный плоти (ультраневещественность). Ультравещественность – это XX. Ультраневещественность – это YY. А есть еще воплощенный дух (YX). И одухотворенная плоть (XY).

Воплощенный дух (YX) – это ИНФОРМАЦИОННАЯ СТРУКТУРА. То есть слово, оценка, критерий, алгоритм, композиция, схема.

Одухотворенная плоть (XY) – это МАТЕРИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА.

Объединяет эту диагональ матрицы (XY – YX) свойство структурности.

Абсолютная материальность – это недоструктурность.

Абсолютная духовность – это сверхструктурность.

А вот промежуточные реальности связаны со структурностью.

Рассмотрим разницу между материальной и информационной структурой. Если я создаю материальную структуру, например, машину (шире – вещь), то степень моей обособленности от духа, породившего эту материальную структуру (иначе – материальную форму), очень велика.

Чтобы водить машину, я не должен быть Генри Фордом. Но и тут мое использование вещи обусловлено. Я осознаю свою ответственность за это обусловливание. Я должен заправлять машину бензином, проходить техосмотр, уметь водить машину, знать правила дорожного движения, избегать аварий, отвечать за их возможность (то есть рисковать), участвовать в деятельности под названием «автовождение», зачем-то применять этот вид деятельности, то есть куда-то ездить.

Но я не обязан поддерживать постоянную связь с духом, породившим вещь. Дух, породив вещь, умер в ней. И его отпечаток лишь в том, что он сохраняет структурность и нечто, называемое «использованием». Если убрать использование, то останется обычный утиль. И я вправе утилизировать материальную структуру, извлекая из нее побочные полезности.

А вот в информационных структурах дух присутствует постоянно. В виде живого духа. Он не умирает, не опредмечивается окончательно. Он постоянно там существует. И отделить информационную структуру от духа очень трудно. Она при этом не просто умирает. Она превращается. Потому что оставшаяся в ней доза духа начинает гнить и разлагать структурную оболочку.

Поэтому одно дело – нормальная свалка, место размещения материальных структур, освобожденных от предназначенности. А другое дело – свалка информационных структур, освобожденных от предназначенности. Где под информационными структурами я имею в виду любую структурную невещественность.

В том-то и беда нынешней ситуации, что утилизация (и ее источник в виде так называемого прагматизма) предполагает возможность отделения социальных структур, логоструктур и всего «структурного невещественного» от тех систем, которые их породили, то есть от духа.

Выхватывание неких систем со свалки и их произвольное использование – это свойство нынешнего времени. Возможно, основное его свойство.

Комментируя победу КПРФ на выборах губернатора в Волгограде, Зюганов говорил: «Это историческое событие, равноценное победе советских войск под Сталинградом в 1943 году».

А Слиска, помнится, 2–3 года назад предлагала восстановить в России народные дружины.

Что это значит? (рис.10)

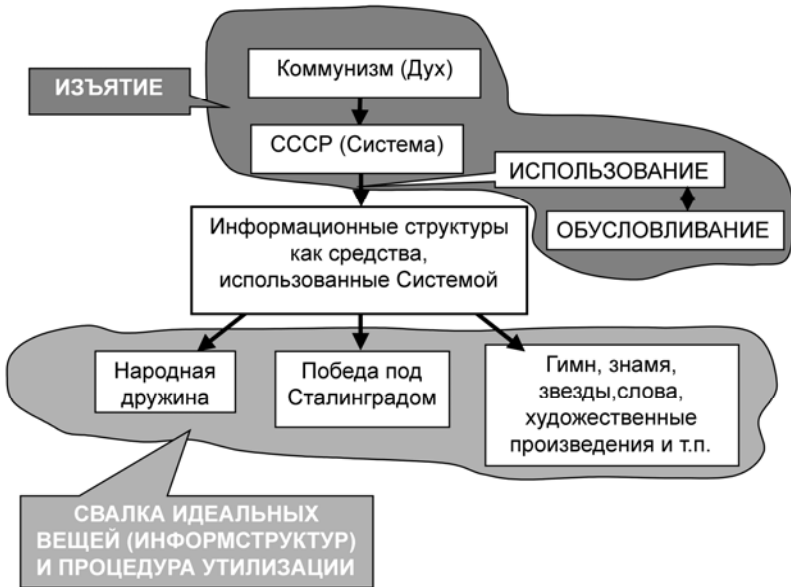

Рис.10

Это значит, что есть коммунизм как дух. Что этот дух породил СССР как Систему. Что внутри этой Системы были невещественные структуры, такие как народная дружина (способ организации), победа под Сталинградом (исторический подвиг), гимн, знамя, культурные эталоны и мало ли что еще... То есть были какие-то идеальные средства, способы их использования и обусловленности.

Теперь способы использования, обусловленности, сам дух и даже Система изъяты. А средства сохранены.

Экстремальной разновидностью подобной операциональности было все, что витворялось вокруг Знамени Победы. И не в плане конкретного хамства конкретных лиц – это отдельно.

Если знамя – это символ, то что такое символ знамени? Значит, для тех, кто это придумал, знамя не символ, а вещь. То есть «идеальный утиль». А по отношению к идеальной вещи возможна утилизация. Если знамя – это не символ, а вещь (тряпка) с ее утилизационно-прагматической ценностью (выборной кампанией), то вещь может иметь знак (символ знамени). А знак – цену. А цена – биржевые эквиваленты и процедуры.

Анджей Вайда это описал в фильме «Всё на продажу». Но там продавались идеальные предметы, имеющие предназначение и не освобожденные от него (долг, любовь, миссия). Здесь продаются утиль-предметы. Не только информ-структуры, оторванные от духа, превращены в информ-вещи. Но и информ-вещи сразу превращены в информ-утиль.

Оторвана ли от жизни моя теория? Читателю виднее. Но мне-то кажется, что никоим образом. Мы все только что прослушали откровения Лугового. Перед этим нас неделю к этим откровениям готовили. Другое дело, что всем все «по барабану». И Луговой, и Литвиненко, и Политковская, и кто угодно еще. Но те, кто к этому готовит, считают, что могут привлечь внимание. Иначе зачем они терзают слух и глаз, тратят время гостелевидения?

Наконец, мы слышим Лугового. Все, что он говорит, это классическая пропись эпохи зрелого социализма в достойном исполнении офицера КГБ той эпохи. То есть все: слова, тип аргументации, подход, подача, риторика – взято из той системы, превращенной в свалку. Иными словами – превращено в информструктурный утиль.

Чем это чревато? (рис.11)

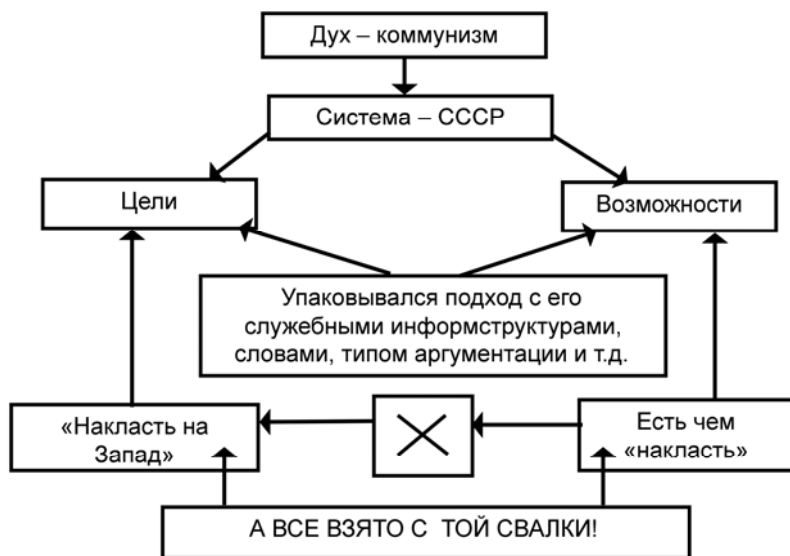

Рис.11

Был Дух – коммунизм, Система – СССР. У Системы были цели, возможности. И в эти цели и возможности упаковывался подход с его служебными информструктурами, словами, типом аргументации и так далее. Цели предполагали, что нам на Запад «накласть». Возможности – что есть, чем «накласть».

Теперь нет ни того, ни другого. А все взято с той свалки. Результат будет совершенно сокрушительный!

Но ведь это не единственный случай, когда все делается именно так! Это не случайность, это закономерность. И чтобы убедиться в этом, надо рассмотреть более крупные случаи.

Часть 1. Политологический анализ проблемы

На Украине – острейший политический кризис. При этом Украина – не просто одно из сопредельных государств. Ничто так не должно интересовать Россию, как ситуация на Украине.

Если мы хотим иметь империю, как утверждает ряд влиятельных патриотических фигур, то без Украины империи нет.

Если мы хотим национальное государство, то славянский ареал является для нас решающим.

Если мы просто хотим оставаться на Черном море, то нас не может не интересовать ситуация в государстве, контролирующем Крым и Одессу.

В конце концов, те же экспортные деньги за газ и нефть (если они являются альфой и омегой властных хотений) во многом детерминированы процессами на Украине. Потому что структуру нашего транзита если и удастся изменить, то не сразу... Потому что никто не сказал, что эту структуру вообще можно изменить. В том смысле, что при попытках изменений не появится новых проблем...

Не хочу утверждать, что российская власть не занимается Украиной и не имеет возможности влиять на характер протекающего там кризиса. Это было бы просто неверно. Это означало бы, что мы видимое принимаем за сущее. Конечно, власть занимается Украиной. И конечно, она имеет вполне весомые возможности. Но в чем тогда дело? Почему эти занятия, влияя на массу очень животрепещущих частных дел, не переламывают тенденции? Не придают этой тенденции нового качества?

Между тем качество развивающегося процесса, как мне кажется, достаточно очевидно. Но это для меня оно очевидно. А для других – нет. И я не хочу сказать, что эти другие меньше меня понимают в про-

исходящем. Или что они радуются умалению российских возможностей. Как-то со временем у меня пропало желание давать подобные лихие оценки.

И не в том дело, что власть грозит пальчиком и говорит «ни-ни». Может, кому-то она это говорит. Не знаю. Но только не мне. Да и по тому, что я читаю в газетах, ну, никак не возникает ощущения, что власть болезненно реагирует на лихие оценки.

Просто я вдруг понял, что эти лихие оценки отнюдь не углубляют нашего понимания происходящего. Что они не схватывают главного в происходящем. И в этом смысле удаляют нас от истины, а не приближают к ней. Если вообще по отношению к происходящему можно использовать альтернативу «ложное – истинное».

Как практикующий аналитик, я за последние годы стал критически относиться к запальчивости вообще, и в особенности к расхожим, популярным формам этой запальчивости. А самая расхожая форма – это высокомерно выкрикиваемое: «А он что, дурак?»

Обсуждаешь поведение лидера какой-нибудь корпорации. Или какого-нибудь иного действующего лица. Предлагаешь на выбор два сценария.

Сценарий №1. Действующее лицо понимает, что находится под воздействием таких-то и таких-то обстоятельств (атакуемо такими-то субъектами, втянуто в русло таких-то объективных процессов).

Сценарий №2. Действующее лицо этого не понимает.

А тебе отвечают запальчиво: «А оно (лицо это) достаточно тупо! Конечно, не понимает!»

Ну, что ответить? Сказать оппоненту: «Мил человек, а кто ты такой, чтобы так рубить с плеча? Между прочим, тот, кого ты в тупости обвиняешь, много чего сделал, много чего добился. А ты-то сам что сделал, чего добился?»

Ответить так – значит обидеть оппонента, вступить с ним в перепалку. Что, опять-таки, скучно, неинтересно.

И приходится набираться терпения. И находить какие-то корректные формы указания на суть описываемой коллизии. А какие тут могут быть корректные формы?

Эти формы – хочешь, не хочешь – всегда сводятся к тому, что человек не бывает ни вообще умным, ни вообще глупым. Ни вообще осведомленным, ни вообще неосведомленным. Что всегда есть диаграмма всего чего угодно: интересов, знаний, пониманий, желаний. Что эти знания, интересы, понимания, желания носят не скалярный, а векторный характер. Что каждый человек, говоря языком Шекспира, «поме-

шан в норд-норд-вест, а при южном ветре может отличить сокола от цапли». Кто-то помешан в норд-норд-вест, а кто-то в норд-норд-ост...

Если от «помешанности вообще» перейти к корректному описанию подобной анизотропии понимания (хотения, знания, заинтересованности), то получается следующее (рис.12).

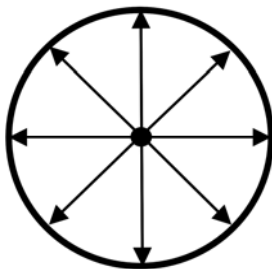

Рис.12

Запальчивые оценки предполагают, что, в каком бы направлении ни двигалось это самое понимание (или интерес, или что-то еще), везде оно будет количественно одинаково. Как радиус круга. Так почти никогда не бывает. Гораздо чаще это понимание (интерес или что-либо еще) напоминает не круг, а эллипс (рис.13).

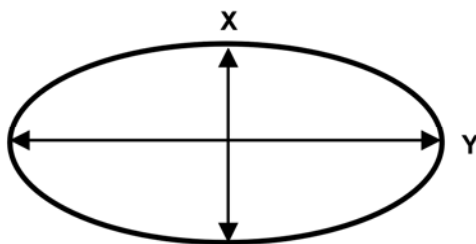

Рис.13

По оси X (или «в норд-норд-вест», если по Шекспиру) человек может понимать достаточно мало, а по оси Y (или, скажем так, в «норд-норд-ост») – очень много. И спрашивать, умен он вообще или глуп, просто недостойно. Если он крупный человек, то он наверняка умен. Весь вопрос, в чем умен. А поскольку он человек, то в чем-то он всегда глуп. Даже если в чем-то другом он гений. Вопрос, в чем именно он глуп.

Подлинные диаграммы понимания, заинтересованности или чего-либо еще, являющиеся частью описания той или иной личности, носят не круговой и не эллиптический, а гораздо более сложный характер (рис.14).

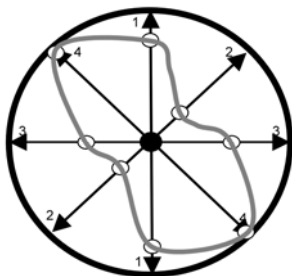

Рис.14

По оси 1-1 человек, например, может понимать достаточно много.

По соседней оси 2-2 – почти ничего не понимать.

По оси 3-3 – понимать кое-что.

А по оси 4-4 – понимать больше, чем кто угодно.

Диаграмма этих пониманий описывает структуру пониманий, характеризующую определенного человека.

Диаграмма интересов описывает структуру интересов, описывающих этого человека.

А полный набор таких диаграмм (пониманий, интересов, хотений) опишет человека, некую личность в ее уникальности.

Поэтому никогда ни про кого не надо говорить – «вообще умен» или «вообще глуп». Нужно определять тип мышления. И сознавать, что принадлежность того или иного лица (или группы, класса) к другому типу мышления никак не сводится к оценке по принципу «больше-меньше». Другое – оно не больше и не меньше, оно другое.

То мышление, которое я хочу рассмотреть, называет себя прагматическим. При этом все не сводится к прагматике мышления. Прагматика мышления дополняется прагматикой интереса (потребностей, мотиваций), прагматикой поведения (планирование, осуществление деятельности). Человек чувствует как прагматик, мыслит как прагматик, действует как прагматик, хочет как прагматик.

В рамках такого совокупного прагматизма человек этот мыслит острее и точнее, чем я. Действует энергичнее и настойчивее. Проявляет большее, чем я, хотение. Демонстрирует гораздо больший накал чувств (чтобы не сказать – страстей). И... и оказывается в тупике. В тупике собственного (зачастую блестящего) прагматизма.

Всегда ли он оказывается в тупике? Нет, отнюдь не всегда. Все зависит от типа проблемы, с которой он сталкивается.

К этой фундаментальной альтернативе добавляется другая альтернатива, не столь актуальная, но тоже весьма серьезная.

Одно сознание будет решать проблему индуктивно. То есть разлагая ее на компоненты и пытаясь получить общее решение как сумму решений частных.

Другое сознание будет решать проблему дедуктивно. То есть схватывая проблемный фокус и не редуцируя содержащееся в этом фокусе общее до тех или иных (может быть, и весьма существенных) частных. И опять же, все зависит от типа проблем (рис.15).

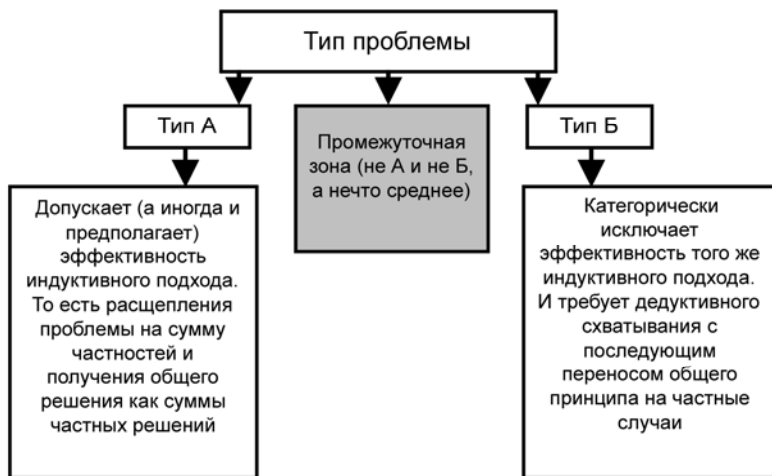

Рис.15

В принципе правомочно рассматривать четыре обобщенных типа мышления (интересов, действий и прочего) – рис.16.

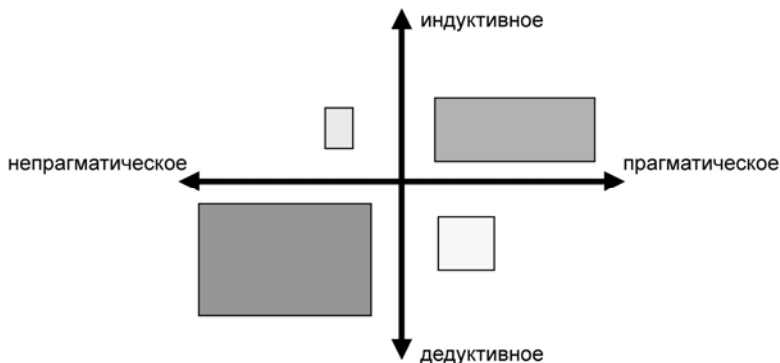

Рис.16

Первый тип – индуктивно-прагматический. Наиболее частый тип.

Второй тип – дедуктивно-непрагматический. Тоже частый тип.

Третий тип – дедуктивно-прагматический. Бывает, но гораздо реже.

Четвертый тип – индуктивно-непрагматический. Встречается реже всего.

Описав общую ситуацию, я могу вернуться к украинскому сюжету.

В чем дедуктивное содержание этого сюжета? Что, в принципе, произошло на Украине, если отвлечься от массы частных (кто что хочет приватизировать, кто с кем и как пилит бабки, кому кто какие дает указания)? Если разложить проблему на все эти частности, то она запутается. По крайней мере, мне кажется, что она запутается, причем абсолютно необратимым и бесперспективным образом. Но поскольку проблему уже разделили на эти частности и за каждой частностью стоят огромные интересы, то ее соответствующим образом и запутывают.

Если же уйти от частных, то общее достаточно очевидно.

На Украине есть, конечно, несколько макрорегиональных групп. Сводить ее структуру к двум или трем группам (западной, центральной и восточной, например) нельзя. Но и игнорировать наличие на Украине двух принципиальных типов ориентации (выделенных еще Гоголем в виде Остапа и Андрия) тоже вряд ли возможно.

Так вот, впервые в истории последних веков номинальный «Остап» сегодняшней Украины – то есть Янукович – обратился за помощью в критический момент не к президенту России и московскому патриарху, а к австрийскому канцлеру и Папе Римскому. В соответствии с этим впервые же нынешний майдан не включил в свою повестку дня проблему украинского федерализма. «Остап» историсофски аннулирован. И в этом никоим образом не виноват Янукович (что не означает, что я являюсь его поклонником).

Итак, вплоть до последнего майдана ситуация на Украине воспроизводила некий историсофский вариант (за который, между прочим, было заплачено огромной кровью на протяжении веков) – рис.17.

Когда я говорю, что раннее (эпохи предыдущего майдана) противопоставление Янукович–Ющенко – это уже суррогат, только похожий на историю (симулякр, форма без содержания), мне все ясно. Я просто вижу лицо Януковича. И понимаю, что ничего за этим не стоит. Я вижу, кто встроено в процесс (и это отнюдь не только Чорновил-младший). И понимаю, как все построено.

Я просто объяснить до конца людям все не могу. А люди верят, что Янукович – это пусть и с поправкой на качество нынешней реальности (регресс, криминализация), но все же «Остап». И то ведь, запорожские

казаки, ставшие прототипами для Бульбы и Остапа, отнюдь не стерильны были. И много чем сомнительным занимались.

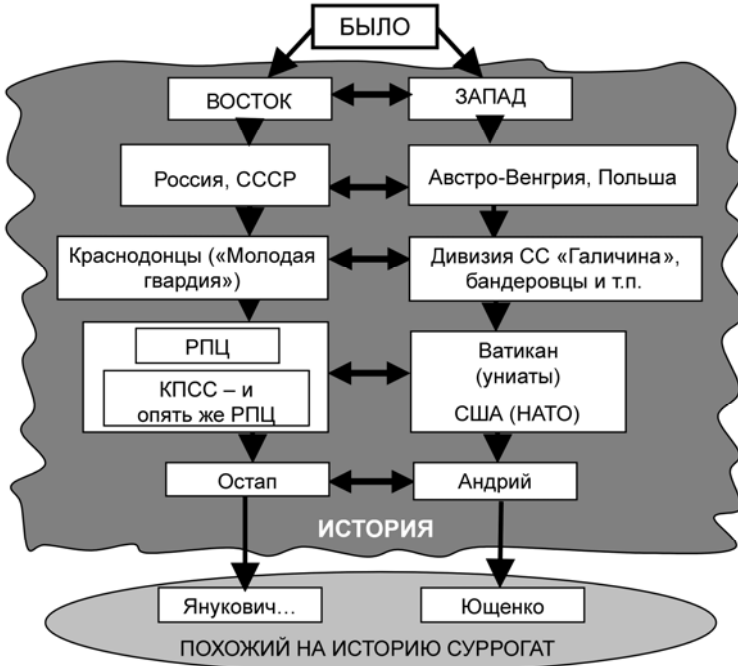

Рис.17

Но главное – за Януковичем Москва. Кремль, Путин. Ну, проиграл он, но есть ставка России, вектор России. За Януковичем – наши. Худобедно, но наши. А за Ющенко – чужие. И очень видно, насколько чужие. Так видно, что дальше некуда (рис.18).

Суть дальнейшего состоит в том, что даже форма исчезает. Пока есть форма, кто-то может надеяться, что она сама восстановит содержание.

Кто может убить русский полюс этой формы (а суть формы в том, что она биполярна)? Убить этот полюс может лишь тот, на кого замыкается его энергия. Энергия замкнулась на Януковича – он ее и убил.

А там, где энергия замкнулась на Зюганова, тот убил.

Это свойство энергии. Ее посторонний убить не может. Ее может убить только тот, кто получил ее в руки.

Горбачеву доверили обновление социализма – он и убил.

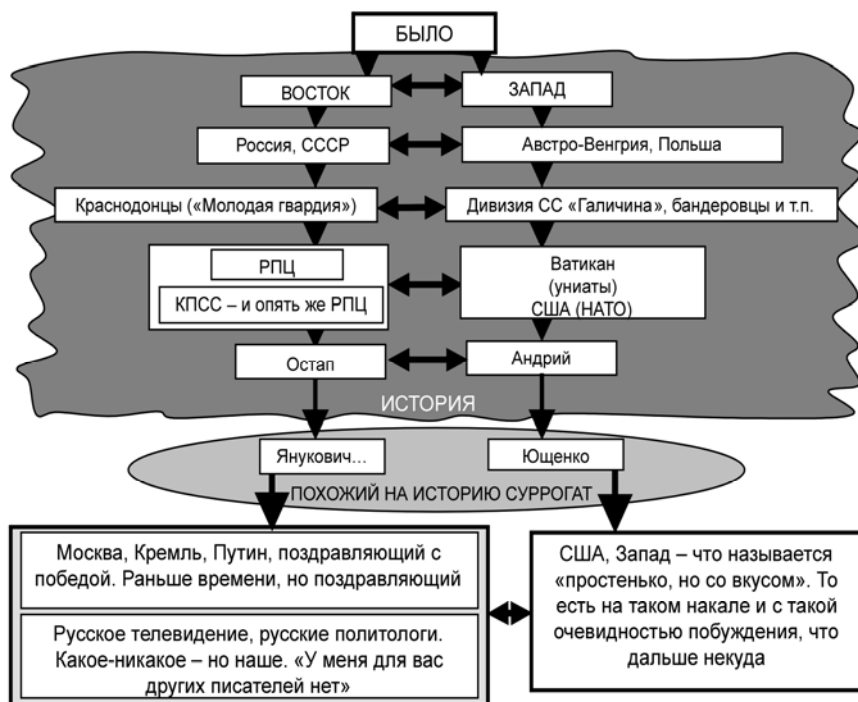

Рис.18

Ельцину доверили демократию – он и убил.

Так построена политическая метафизика подобных убийств. Опять же, мне это очевидно. Но это не значит, что это очевидно всем.

Однако вернемся к Януковичу.

Обратившись к Римскому Папе и австрийскому канцлеру, он убил некий полюс. Тот полюс, который ему доверил свою энергию. Потом он еще несколько раз добивал этот полюс. И не потому что он «му-му» или дурак. А потому, что у него нет историософской правды. Нет накаленного идеала. А значит, нет права ни на что. Ни на конфликт. Ни на настоящее поднятие масс. Ни на стратегические решения.

Ему они и не нужны. Там все про другое. Про то, как будут «распилены» драгоценные миллиарды. Как они будут приумножены, спрятаны, не потеряны. В этом смысле Янукович намного сильнее и вашего покорного слуги, и Тараса Бульбы с Остапом... Не хочу буквальных параллелей – мне кажется, что понятно, о чем речь. Речь об этой самой асимметрии (рис.19).

Тупик прагматизма

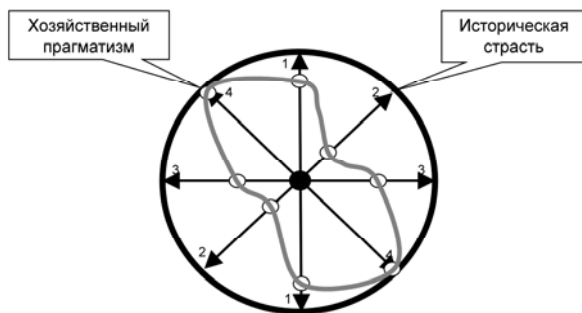

Рис.19

Ось 4-4 – в нашем случае называется «хозяйственный прагматизм».

Ось 2-2 – опять же в этом случае – «историческая страсть».

Я даже не призываю снизить параметры по оси 4-4. Украинскому народу надо жить. Востоку нужен человек, который не «сдвинется» на романтизме и обеспечит практику нормальной хозяйственной жизни. Я эту прозу жизни никоим образом не уцениваю. Я только указываю, что, пока по оси 2-2 на месте впадины не будет выступа, «ловить нечего» (рис.20) .

Рис.20

Скажут: подумаешь, какие-то исторические константы! Есть нефть, газ... Есть донецкий работяга, верный своим региональным патронам... Есть искусство лавирования...

В том-то и дело, что все это есть до тех пор, пока есть исторические константы и то, что их порождает. А когда эти константы сломаны, то ничего этого нет! Прагматическое сознание не в состоянии пережить такой коллизии. И в этом смысле оно носит тупиковый характер.

Справедливости ради, еще раз подчеркну, что не просто Янукович ушел с исторической стези. Янукович и не может находиться на этой стезе, если за ним не стоит Россия, Кремль, Путин. Все, что угодно, вплоть до этого самого плохого русского пиара и русского телевидения. Потому что историческая стезя, от имени которой что-то там силится изобразить Янукович, в том и состоит, что «навечно с Россией». И не с Россией вообще, а с Россией историософской. То есть той Россией, которая выступает антитезой «западенской прелести».

Если Россия (а) вообще перестает явно и настойчиво (или хотя бы грубо и навязчиво) держать руку тех, кто это силится изобразить, и (б) прекращает быть антитезой «западенской прелести», то что может Янукович? Или вставший на его место духовно сильный человек? Янукович не Остап, но будь он Остапом – что бы он мог, если нет за его спиной историософского дома и альтернативного центра сил?

Между тем Россия ничем подобным не становится. Она сама заявляет о том, что входит (или мечтает войти) в мировую (читай – западную) цивилизацию. Она сама хочет в Европу и НАТО. Ее туда не пускают, но она-то хочет! И курс на это вхождение никто не отменил. Курс стал более противоречивым – мол, хотим, но чтоб того... (рис.21)

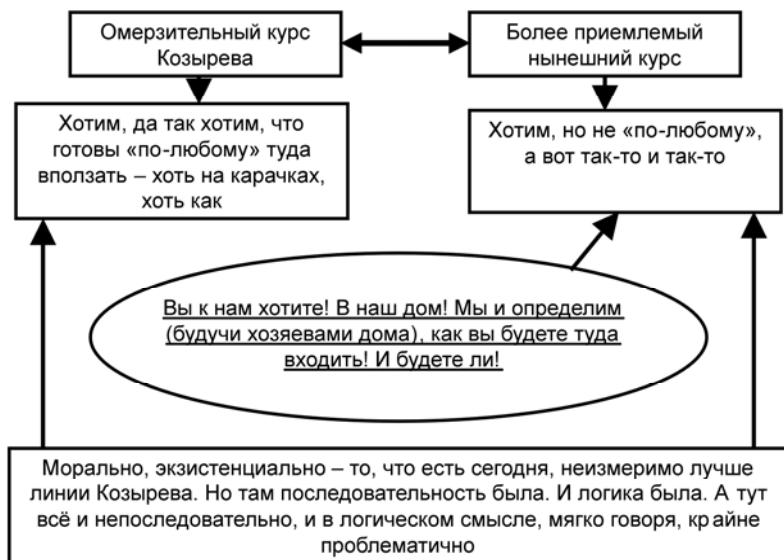

Рис.21

Азы системного подхода говорят о том, что полный цикл поворота от Козырева к чему-то другому включает в себя, как минимум, четыре такта.

Такт №1 – хотим и готовы на любые условия (Козырев).

Такт №2 – хотим, но ставим условия (нынешняя коллизия).

Такт №3 – хотим, но понимаем, что не пустят, и говорим, что не хотим («виноград зелен»).

Такт №4 – действительно не хотим.

В пределах этой «четырёхтактности» ясно прослеживаются две фазы (хотим и не хотим) (рис.22).

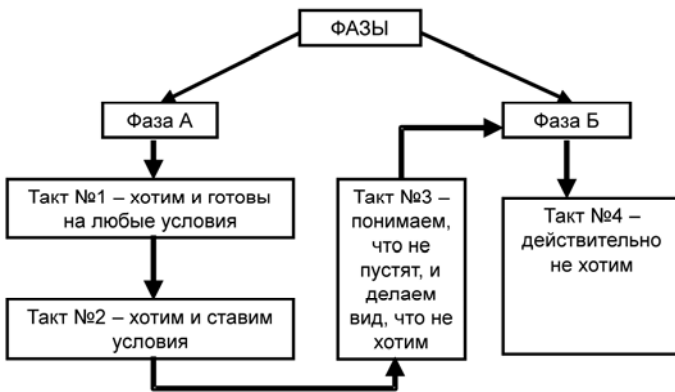

Рис.22

Азы системного метода говорят о том, что по-настоящему энергичная (и в этом смысле необратимая) ситуация возникает только при полном переходе к фазе Б. Когда действительно не хотим. А до тех пор все неустойчиво. И потому двусмысленно.

– Хотим и ставим условия? А их не выполнили, и мы их сняли.

– Делаем вид, что не хотим? А все видят, что делаете вид. А почему делаете? А потому, что не пускают. А если пустят, прибежите? Конечно.

Соответственно, и на такте №2, и на такте №3 не включишь по-настоящему внутреннюю энергию своего населения и не получишь чужой поддержки. Ведь все понимают, что хочется в западную цивилизацию. А любые заигрывания с альтернативами – от безысходности. Или от желания эти альтернативы капитализировать, напугать Запад такой капитализацией и получить для себя желанный билет,

«сдав» тех, с кем для видимости заигрывали как с альтернативным союзником.

Значит, все серьезное возникает только когда «действительно не хотим». Но что значит «действительно не хотим»? (рис.23)

Рис.23

Пока я обсуждаю все не с позиций идеологии, а с позиций системного моделирования и стратегической аналитики. Предъявляя эту позицию, я не обязан говорить, «чего хотим» (какова конкретная идеология альтернативизма – коммунизм, православие etc). Я только говорю, что без какого-то альтернативизма – дело швах. И что в общем виде (вне всякой идеологической конкретизации) альтернативизм состоит в следующем: «Не хотим мы ни в какой чужой дом! Ни в западный, ни в восточный! Ни под США с Европой, ни под Китай. Мы свой дом построим».

Но свой дом не построишь, не выдвинув новой историософской модификации того, что уже было в истории. Дом не построишь вне исторической страсти. А также того, что эту страсть вызывает. А что ее вызывает? (рис.24)

Задавая читателю и себе вопрос, что нужно, я вроде бы должен немедленно скомандовать: «На старт! Внимание! Марш!» – и начать перечислять нужные компоненты. То есть заявлять свой проект, свою идеологию. Если не «Пятую империю», так что-нибудь другое.

Тупик прагматизма

Рис.24

Но в этом и состоит ловушка. Я даже не буду объяснять, почему это ловушка. Я просто зафиксирую свое особое мнение, что это ловушка. И спрошу себя и собравшихся, что тогда не ловушка? (рис.25)

Следуя полученному методологическому результату, согласно которому нельзя (вредно и контрпродуктивно) сразу лезть со своим «что нужно», я и не буду говорить, что нужно. А поскольку сказать-то нечего я обязан, то я скажу не о том, что нужно, а о том, чего недостаточно.

Я КАТЕГОРИЧЕСКИ НАСТАИВАЮ НА ТОМ, ЧТО ПРАГМАТИЗМА ТУТ В ВЫСШЕЙ СТЕПЕНИ НЕДОСТАТОЧНО. И ЧТО НИКАКОЙ ПРАГМАТИЗМ НЕ ДАСТ ОТВЕТА НА ВОПРОС, «ЧТО НУЖНО ДЛЯ ПОСТРОЕНИЯ СВОЕГО ДОМА». ЧТО ТАКОЙ ОТВЕТ ДАЕТСЯ ТОЛЬКО В РАМКАХ АБСОЛЮТНЫХ АЛЬТЕРНАТИВ ЭТОМУ САМОМУ ПРАГМАТИЗМУ. И ЧТО БЕЗ ОТВЕТА, КАК МЫ ВИДИМ, ПРАГМАТИЗМ ОБЕСТОЧЕН.

Это и называется «тупик прагматизма».

В рамках этого тупика второй майдан снял не только адресацию к Москве и ее духовным инстанциям. Он снял и тему федерализации Ук-

раины. Восток – от безысходности – принял украинскую самостийность за аксиому. А это влечет за собой далеко идущие последствия.

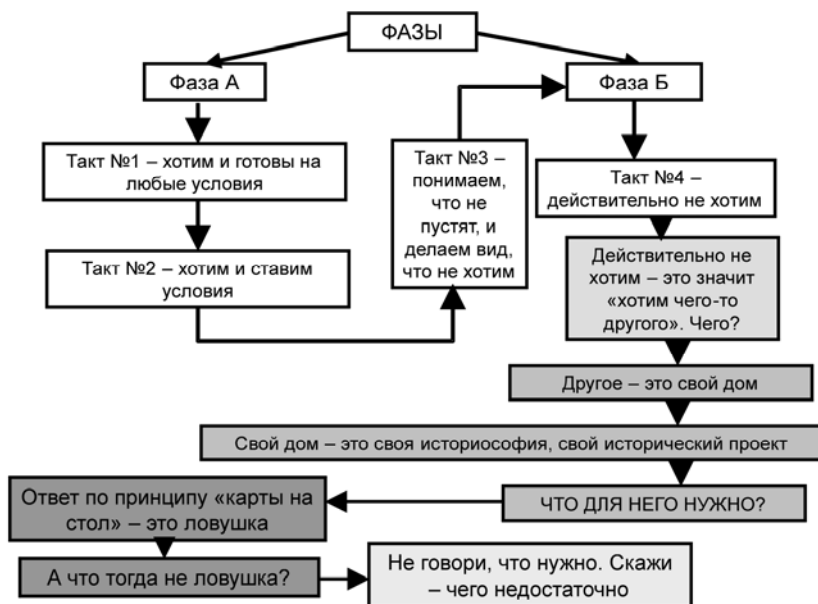

Рис.25

Опять же, прагматическое сознание этого не улавливает. «Подумаешь, – говорит оно, – самостийность! Ну и пусть! Если в рамках самостийности Восток и Центр (Киев) победят Запад, то в итоге все окажется в нашем смысловом поле. И тем самым явно или исподтишка, прямо или косвенно мы вернем себе Украину».

Если проводить прагматические калькуляции, исходя из каких-то материальных констант, то это, может быть, так и выглядит. А если инвентаризировать нематериальные активы (что неприемлемо для прагматического сознания), то это выглядит обратным образом. Потому что у Востока нет политических нематериальных активов в вопросе о самостийности и вхождении в другой – не российский – дом.

Самостийность – это не ноу-хау Остапа. Это ноу-хау Андрия. За это лилась кровь. И своя, и чужая. За эту правду «западненцы» стояли насмерть. И на их стороне не только моральное право. На их стороне – вся правда нематериальных активов. Их проект самостийности и западно-

сти разработан. У этого проекта есть политический и даже экзистенциальный язык.

Принимая проект, Остап должен принять язык. Он должен признать свою моральную неправоту. Ибо он был против самостийности и вхождения в Запад, а все этим и кончилось. Признав свою неправоту, он должен признать чужие смыслы. А признав все это, Остап полностью «ложится под Андрия». Вхождение-то происходит в тот дом, где Андрий – свой, а Остап – чужой. Где помнят и «заслуги» Андрия, и «преступления» Остапа.

И что, непонятно, каков будет результат? По-моему, понятно до боли. Но прагматическое сознание противопоставит этому пониманию пару десятков якобы всеобъемлющих материальных факторов. Индуктивно-прагматическое сознание раздробит картину так, что куда там детский калейдоскоп... И все исчезнет. А процесс покатится дальше.

Между тем растерянное прагматическое сознание не схватывает даже очень важные частности.

24 августа 1992 года Николай Павлонюк, лидер ОУН с 1957 года, вручил клейноды власти президенту Украины Кравчуку. Клейноды – это нематериальный актив, знаки властной преемственности. В полном объеме речь должна идти о гетманской булаве и соответствующих знаках. Но если даже основа усечена до «жовто-блакитного» флага, то факт вручения клейнод носит неотменяемый характер. Он означает, что власть, олицетворяемая Кравчуком и его преемниками, преемственна по отношению к «украинскому правительству в изгнании, не признавшему советскую оккупацию». А это правительство в изгнании, в свою очередь, преемственно по отношению к украинским правительствам в их модификациях 1918 и 1919 годов.

Можно сказать, конечно, что такая преемственность сложно сопрягаема с нынешней Украиной. Той Украине Ленин не передавал Новороссию, а Хрущев – Крым. Однако трудность этого сопряжения не отменяет факта. Этот факт носит нематериальный характер. Он не может быть до конца оценен на языке прагматики. Но это только значит, что язык прагматики, ее понятийный аппарат, ее критерии не схватывают главного.

Между тем прагматикам приходится функционировать не в некоей благополучной среде, а в среде, пережившей катастрофы государственного распада.

Если Российская империя и СССР одинаково рухнули, то общественное сознание неизбежно спрашивает себя, что собирать. И собирать ли. Пока на Украине кипят большие страсти и ведется большая игра,

русское сознание распинаят между взаимоисключающими альтернативами: собирать нечто расширительное или еще сузить имеющееся.

Спросят – вокруг чего собирать? И это совершенно справедливый вопрос (рис.26).

Рис.26

Я согласен с теми, кто говорит, что такое собрание возможно только вокруг притягательного исторического бытия. И что создание такого бытия не кабинетное дело. Конечно, не кабинетное. И конечно, разговаривать о таком бытии в утвердительном плане очень трудно, как и об идеологии. Но можно говорить в системно-аналитическом плане. То есть зафиксировать, что расширительное, константное и уменьшительное бытие разнятся.

Если цель – осуществлять расширительное, то и субъект надо организовывать по расширительным мегаалгоритмам. Пусть это будет не коммунистический интернационализм, не православный симфонизм. Но что-то должно быть. В противном случае других к себе не зазовешь. Скажут: а на кой черт их зазывать и еще с ними делиться? Хватит, назывались.

Надо или не надо зазывать – это идеологический спор. С системно-аналитической точки зрения я только хочу указать, что для расширительного сценария надо зазывать. Как зазывать, кого? Это открытый вопрос. Скажут, что Ленин «перезазывался». А у него были альтернативы? После крушения государства, построенного на пестроэтнической

основе и вокруг русского ядра, после того, как такой принцип «приказал долго жить» и многие от России отложились, что он мог сделать? Он мог построить унитарное русское государство? В каких границах?

Согласен, что это не входило в его приоритеты. Но, во-первых, он был не один. И если бы существовал накаленный русский приоритет, то он все равно бы возобладал. А во-вторых, возобладал он – что бы в итоге получилось? Да ничего бы не получилось. И это все понимали. Все, включая крайних русских «обособителей».

Но оставим в стороне прошлое. И не будем выбирать, демонстрируя идеологическую предвзятость. Просто укажем, что для расширительности нужны одни алгоритмы, для обособительности – другие (умеренный вариант – «русская Франция», крайний вариант – «русский Израиль»). Нельзя все это исповедовать одновременно и при этом кого-то к себе притягивать. А также бесконечно качать качели между вхождением в чужое и созданием своего. Тем более, что абсолютно очевидно, что нет чужого, в которое можно войти, а создать свое на обособительной основе невозможно. Просто сомнуг, и все.

Одна и та же проблема в разных ее ракурсах возникает то в связи с Беларуссией, которой по определенным основаниям чуждо нынешнее бытие России, то в связи с Украиной, то в связи с другими слагаемыми. Общее тут одно: никто не будет заказывать себе квартиры в доме, который не хотят строить.

Если хозяева строить для себя свой дом не хотят и предпочитают обзавестись квартирами в европейском доме, то и другие будут заказывать квартиры в европейском доме. И в чем их упрекать? Хоть Лукашенко, хоть украинских «незалежников». Хоть Януковича, хоть Каримова.

Заявите о своем доме и объявите тендер на свободные квартиры! И поймите, наконец, что это не прагматическая задача. А если только от этой задачи и зависит вся остальная прагматика, то речь, опять-таки, идет о тупике прагматизма. О том, что прагматизм превращается в тяжелый синдром.

Степень этого синдрома можно понять по мелочам.

Вот у нас сейчас есть такая мелкая проблема – жара в Москве. (Хотя и не такая уж мелкая – люди умирают.) Но не в масштабе проблемы дело. А в подходе. Выступает Жириновский и говорит Зурабову: «Надо ввести сиесту в Москве». Для кого ее надо ввести? Для обладателя машины с кондиционером, который выйдет из кондиционированного офиса, быстро придет в кондиционированный коттедж и там отдохнет? А если человеку надо выйти из душного помещения, сесть в душный

автобус, доехать до душного метро и приехать в душную малогабаритку, затратив полтора часа? А потом таким же образом ехать назад?..

Вот я недавно приехал из Испании. Я знаю, что такое там сиеста. Это хороший тип жизни для небольших городов, где от дома до работы – рукой подать. И где машины с кондиционерами есть у подавляющего большинства населения. В Мадриде сиеста – это уже проблемная штука.

То, что вокруг этого исполняет наша элита, имеет одно название – полное пренебрежение к факту реальной народной жизни. Отщепление от этой жизни.

Немцов выступает: «А мне нравится жара! Надо больше улыбаться! Надо сменить дресс-код. Больше льна! Шелка!»

Следом за этим на телеэкран вылезает какой-то обезумевший академик. Он рекомендует не унывать. Седина в бороду, бес в ребро. Бородастый чудик, обремененный академическим статусом, орет: «Домой пришли и ходите голенькие!»

На это все смотрят. На Украине в том числе. Мелочь-то вроде мелочь, но на Украине такой разговор невозможен. Справедливости ради скажем, что там есть присутствие народа в процессе. И такой уровень отщепления невозможен.

От совсем мелких вещей перейдем к чуть более крупным.

Предположим, что мы хотим реального воссоединения с Украиной в каких-то формах. С Украиной или кем-то еще. Что для этого нужно в качестве неснимаемого прагматического условия? Нужно, чтобы Россия была культурной метрополией. Хотя бы культурной. Она всегда ею была. И на Украине трудно представить себе что-нибудь другое. Там оголтелых самостийников все же не так много. Там еще читают Пушкина. Да и не только Пушкина. Ну как оторвать реальную украинскую культуру от русской? И грузинскую-то не оторвешь. А украинскую тем более.

Но... при чем тут Пушкин? Если по всем нашим государственным каналам трубно провозглашается, что реальный культурный интегратор – это группа «Серебро», которая должна победить на Евровидении, то на что мы рассчитываем (к вопросу об Остапе, Андрии и о чем угодно еще)? В итоге побеждает не «Серебро». «Серебро» получает третье место. Второе место получает украинский Андрей Данилко (он же – Верка Сердючка). А первое – сербская лесбиянка.

Все хороши. Но мы-то хотим роли культурной метрополии! Мы хотим стать альтернативным культурным магнитом. Мы на чем им хотим стать? На группе «Серебро»? Так она, во-первых, проиграла Сердючке, во-вторых, сыграла по омерзительным правилам «их дома». Их, а не

нашего. И, в-третьих... В-третьих, на «Серебре» культурную метрополию не построишь. Ее вообще на попсе не построишь. Может быть, ее сейчас и на классике не построишь.

Но на попсе – не построишь точно. Просто для остроты ощущения вспомним слова, которые несет «городу и миру» группа «Серебро», состоящая из трех весьма специфических особ:

*Вижу, ты клеишься ко мне,
Но лучше поостынь.
Ты хочешь попытать со мной удачи,
Ведь я сразила тебя наповал.
Неужели ты не видишь, как я двигаюсь?
Обрати внимание на мое платье, сияющую кожу.
Знаешь, у меня есть место,
Где ты еще не бывал!
Сбавь обороты, малыш, ты ведь не хочешь,
Чтобы я в тебе разочаровалась!
Поэтому перестань делать сам знаешь что!
Я спущу твои денежки,
Я буду крутить для тебя своей красивой попкой,
И ты не сможешь оторвать от нее взгляда.
Дорогой, заграбастать твои денежки -
Для меня это раз плюнуть.
Мои подружки-стервы рядом со мной.
Я двигаю для тебя своей красивой попкой!
Получая над тобой все большую власть,
Я сама становлюсь свободнее.
Малыш, знай, что я сексуальная маньячка!
Я дразню тебя, плохой мальчик,
Давай, прими мой вызов, не стесняйся.
Положи свою вишенку на мой тортик!
Попробуй меня на вкус!*

Опять-таки скажут – мелочь. Для прагматического сознания – мелочь. Но если это сознание – тупик, то что делать? Менять сознание или подышать.

Вот в поддержку того, что мы недавно говорили в своем докладе об американской системе ПРО, выступил военный специалист. В опубликованной 29 мая в газете «Известия» статье капитана первого ранга Михаила Волженского «ПРО: замаскирована под защиту, создана для нападения» утверждается, что американская ПРО в Европе – это ключевой элемент, позволяющий США вырваться из тисков «взаимного ядерного сдерживания», которое означает невозможность нападения одной стороны на другую без ее гарантированного ответного уничтожения. Используя модернизированные крылатые ракеты «Томагавк», США теперь смогут превентивным ударом одномоментно уничтожить практически всю ядерную

стратегическую триаду России. Именно для наведения крылатых ракет США на Россию, а вовсе не для защиты от немногочисленных иранских МБР малой дальности и строится радар в Чехии.

Сценарий удара, по мнению каперанга Волженского, может выглядеть так (рис.27).

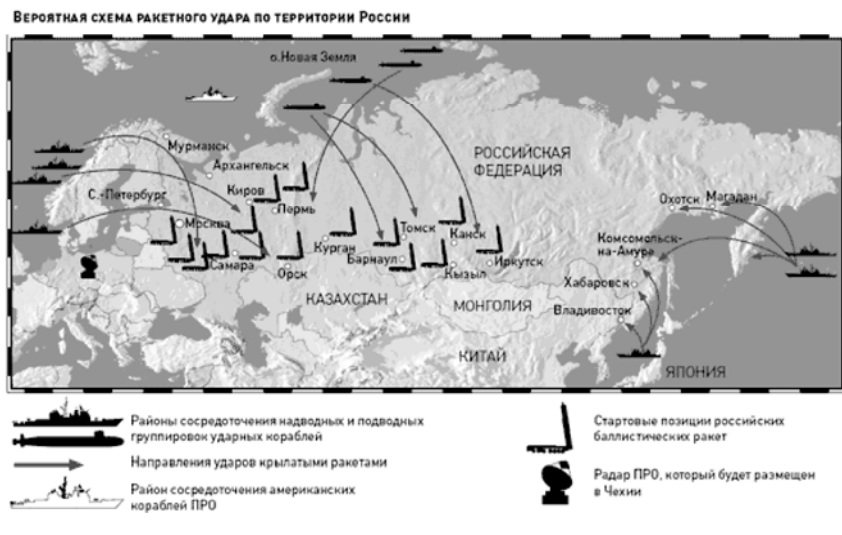

Рис.27

Три–четыре группы по 5 ударных эсминцев в каждой в Северной Атлантике, две–три таких же морских ударных группы в Тихом океане, три–четыре группы атомных подводных лодок в Арктике в районе Карского моря наносят удар мощностью до 7000 крылатых ракет по шахтным и мобильным установкам российских МБР в Европейской части России, Центральной и Восточной Сибири, а также подводным лодкам с МБР и стратегическим авиационным группам Тихоокеанского флота.

В случае успешного первого удара Россия окажется практически беззащитной. Второй удар с применением палубной авиации авианосцев, входящих в состав тех же соединений, и стратегической авиации США уничтожит группировки сухопутных вооруженных сил и крупные объекты ВПК. После этого организовать сопротивление будет уже некому и нечем.

Далее Волженский пишет, что при обнаружении массированного пуска крылатых ракет (а их подлетное время до названных целей на территории РФ составит от 2,5 до 3 часов) Россия должна будет нанести

ограниченный ядерный удар по целям ПРО в Европе, а также по элементам ПРО на эскадренных миноносцах в Баренцевом море и на береговых базах США в Польше. Для этого достаточно 20 минут.

Вслед за этим нужно предъявить США ультиматум – под угрозой немедленного встречного ядерного удара обеспечить самоликвидацию выпущенных крылатых ракет. США не смогут отказаться от выполнения этого ультиматума, иначе это означает начало всеобщей «ядерной зимы» и гибель цивилизации. Тем самым Россия и США вновь вернуться к положению обоюдного сдерживания с помощью межконтинентальных ядерных ракет, которое нас вполне устраивает.

Конечно, у нас нет той специальной информации, которой располагают военные аналитики. И все же, думается, для «успокоительного оптимизма» каперанга Волженского реальных оснований нет.

Для него нет оснований прежде всего потому, что детально разработанная и широко обсужденная в мировой печати логика ракетно-ядерного противостояния исключает сценарии, в которых США «зачем-то» будут, применяя крылатые ракеты, дарить России целых 3 часа на поражение их ПРО, ультиматумы и возможность ответно-встречного удара. Тем более что они, согласно весьма профессиональной прошлогодней публикации в «Форин аффейрс», вполне способны своими баллистическими ракетами всего за 30 минут уничтожить своим первым ударом 90–95% совокупного стратегического ракетного потенциала России.

Однако то, что реальный сценарий не таков, как описывает Волженский, не так уж существенно. Для нас появление данной объемной (почти две полосы) публикации в уважаемой газете, вслед за серией заявлений российских лидеров и представителей высшего военного командования страны, – индикатор того, что не только российская власть, но российское общество в целом осознало программу создания американской ПРО в Восточной Европе как реальную угрозу стране. А одновременно – как средство шантажа России, призванное стать инструментом для принуждения российской власти к дальнейшим уступкам по всему спектру вопросов, которые США пожелают включить в список своих «жизненно важных интересов».

Мне скажут, что не в ракетах дело, а в иноземных банковских счетах нашей элиты. И в том, как их будут превращать в средство получения желанных уступок. Я в принципе с этим согласен. И если кто-то думает, что мне так хочется быть гласом идеального, вопиющим в пустыне прагматика, так нет. Я тоже хочу быть в курсе, держать руку на пульсе.

Так я и держу. Я хорошо понимаю, что обозначает последний шквал публикаций по поводу «криминального банка Дисконт» и участия российских элитариев в отмывании денег. Тут не так трудно сосчитать до десяти. И понять, что означает информационная кампания, в которой на первом шаге «начинает запев» малоизвестный журнал «The New Times», но этот запев сразу подхватывают все, кому не лень, от прокуратур «политкорректных» стран до суперпрестижной «Файненшл таймс».

Но дело-то не в деталях этой прагматики. А в том, что прагматика и тут приводит в тупик. Не в какой-то особый, историософский, а в примитивно-политический. Давайте я на политическом языке это и изложу. Чтобы не превращаться в чудика, хлопочущего об одних лишь нематериальных активах.

На грубом конкретном политологическом языке все эти новые коллизии со счетами сводятся к следующему.

Российская элита ведет себя на Западе отвратительно. Но это констатация очевидного («Волга впадает в Каспийское море», «зимой холодно» и т.д.). Суть не в этом. А в том, как на подобное инвариантное поведение нашей элиты реагирует Запад. Он реагирует вариативно. Когда-то закрывает на это глаза, когда-то нет.

Как называется подобная вариативность?

Она по определению называется «шантаж», «избирательный наезд» и т.д.

Шантаж всегда преследует какие-то цели. Какие?

В лучшем случае мелкие. Тогда они будут кокетливо удовлетворены. В ответ западный «Вий» опять «опустит веки». Это сценарий №1. И тут все так понятно, что дальше некуда. Но не факт, что имеет место этот сценарий. В том-то и дело, что не факт.

А что такое сценарий №2? Он предполагает, что Западу нужны не мелкие уступки, а сдача части действующей российской политической команды. Это вопрос болезненный, но решаемый. Часть чаще всего слабее целого. Правда, иногда часть бывает очень цепкой и мощной. Но это все-таки часть. Что ей сделать, если целому выгодно от нее избавиться? Ведь это целое не пара-тройка олигархов. Это генералы, это разного рода мощные властно-аппаратные системы.

Часть не может их убедить, что надо жертвовать общими благами, связанными с Западом, ради того, чтобы часть осталась при своих миллиардах. На прагматическом языке в этом убедить вообще невозможно. А другого языка нет. И мышления другого нет. А коли нет, то убедить не просто очень трудно, а нельзя. А коли нельзя, то либо властно-

политическая «судорога» и широкая сдача команды, либо сдача части команды без «судороги». Скорее всего, последнее.

Итак, сценарий №2 предполагает, что часть сдадут и все опять успокоится.

Однако сценарий №3 предполагает, что неприятность еще серьезнее. И что требуемая цена – не часть команды, а вся команда. Как в случае Милошевича.

Как тогда будет разворачиваться коллизия (а я убежден, что коллизия именно такова)?

В рамках данного сценария в действие вступает противоречие «класс–команда».

Классу абсолютно не нужны никакие неприятности на Западе. По своей ментальности, по своей физиологической и психологической специфике этот класс хочет на Запад. Туда тянут и интересы, и вкусовые пристрастия. «Дунька» очень хочет в Европу! Прекрасно понимает, в чем альтернативы. Понимает, что все счета, кроме китайских, уязвимы. Но отдать себя китайцам – это просто сразу потерять все. Кроме того, «Дунька» не хочет в Китай, она хочет в Монако! Она хочет там оттягиваться по своим правилам. И обижается, когда ее ущемляют. Но она хочет оттягиваться там. И эта «Дунька»... извините, правящий класс – не хухры-мухры.

Класс, конечно, готов сдать команду и сделает это с радостью. Но в России команда может оказаться более цепкой, чем класс.

Итак, либо-либо. Либо класс сдаст команду, либо команда раздавит класс. Но раздавить этот класс она может только опершись на другой. Это аксиома. Иначе не бывает.

Тогда этот другой класс (а) должен быть, (б) должен обладать необходимой мощностью, при которой можно на него опереться, (в) не должен, оказав поддержку, возомнить себя абсолютным хозяином. Ибо, возмнив, он беспощадно съест ту команду, которая обратилась к нему за спасением.

Начали мы с банковских счетов на Западе, а кончили сложнейшей стратегической проблемой. Поиск альтернативных классов, способов их мобилизации... А поскольку мобилизовать их можно только под некий «свой дом», то мы опять приходим к тому же, от чего ушли. И не потому, что мы так любим непрагматическое. А потому, что никуда от непрагматического не денешься! Потому что прагматика – абсолютный тупик. Проблему счетов – и то она разрешить не может. Ибо даже эта проблема требует, ни много ни мало, поменять все константы россий-

ского процесса. А что значит их поменять? Это значит, что надо, как минимум:

- осознать процесс как процесс, а не как свои неприятности,
 - идеологизировать эти неприятности,
 - подумать вообще о социальной базе,
 - найти эту базу,
 - выстроить,
 - мобилизовать
- и одновременно обуздать.

Это какой-то Наполеон нужен, чтобы с подобным справиться! Прагматическое сознание не может даже под угрозой посадки в международную тюрьму (Милошевич) или худших неприятностей (Хусейн) осуществить такую масштабную операцию.

И наконец, есть сценарий №4. Он строится на гипотезе, что зачислить хотят:

- не часть команды,
 - не всю команду,
 - не часть класса,
 - не весь класс,
- а страну.

Это хотят сделать, приперев команду к стенке и заставив «огрызнуться». Она начнет «огрызаться» (цыкнув на класс)... Но ничего не поменяет в классовой опоре. Что тогда? В России возникнет некая слабая и нестабильная «империя зла». А кому-то именно это и требуется. Он за счет появления такого нового врага хочет перестроить свои американо-европейско-исламские ряды и – «добить гадину».

Вопрос на засыпку: что в этом случае должны делать ревнители национальных интересов? Если они, конечно, есть и если они что-то могут делать?

Они могут либо сначала «освободиться от неполноценного властного субъекта» и потом давать отпор внешним силам. Либо (в условиях цейтнота, который налицо) сохранить неполноценный субъект и рассчитывать, что он претерпит «метаморфозу к полноценности» по ходу дела.

А почему он ее должен претерпеть? И в чем метаморфоза? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, я вынужден качественно иначе обсудить все тот же тупик прагматизма.

Часть 2. Та же проблема с позиций политической философии

Для философски ориентированного сознания связь между идеальным и стратегическим целеполаганием очевидна. Стратегическая цель произрастает только на почве идеального. И,

буде эта почва есть, такая цель не может не произрасти. Тут есть не только прямая, но и обратная связь.

Это называется «взаимно однозначное соответствие».

Однако констатация этого обстоятельства в силу нескольких причин совершенно недостаточна; его необходимо разъяснить.

Первая причина такой (убежден, что очень острой) необходимости разъяснения носит несколько утилитарный характер: будучи очевидной для философски ориентированного сознания, рассматриваемая связь совершенно неочевидна для других типов сознания. В том числе для сознания практически ориентированного. Поскольку к этому типу сознания относится вся – причем не только худшая – когорта современных российских (да и не только российских) политиков, то проблема очень актуальна. Развивая эту мысль, могу утверждать следующее (рис.28).

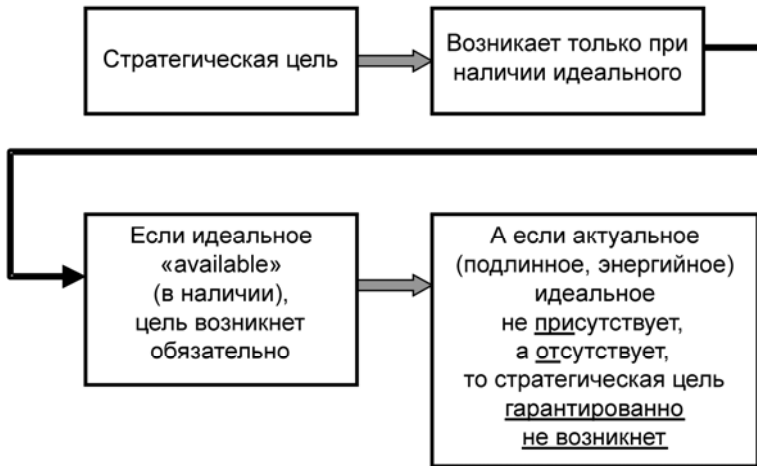

Рис.28

Здесь я добавил к идеальному некие его характеристики (актуальное, подлинное, энергичное). Я добавил их не случайно. Но пока не хочу отвлекаться на их обсуждение и лишь констатирую самое существенное. А именно – бессмысленность всякого разговора о российской стра-

тегии (не только о проекте, но и о стратегии вообще) вне ответа на вопрос о субъекте такой стратегии. Субъект должен обладать энергичным, подлинным идеальным. Если у субъекта этого нет, он не может быть субъектом **ЛЮБОЙ** стратегии. Если у стратегии нет субъекта, то... То нет и стратегии. Есть пустая болтовня о стратегии. И не более. Ну, а дальше – и пошло, и поехало...

Нет стратегии, но нужен «стратегический диалог»? Ну, не будет он стратегическим! Как говорят, «хоть кол на голове теши».

Итак, политика, внешняя и внутренняя, вся висит на крюке этого, казалось бы, очевидного обстоятельства. Политикой занимается сейчас (да и вообще) отнюдь не философски ориентированный тип сознания. И потому разжевывать рассматриваемую связь необходимо. Но сводится ли все к этой (первой по счету) необходимости? Ни в коем случае.

Вторая причина этой необходимости в том, что и философски ориентированный тип сознания, произнеся «это же очевидно», далее пробоксовывает. Спроси философа: «А почему эта связь очевидна?» И этот философ сразу начнет... как-то, знаете ли, слишком уклончиво отвечать. Философ и вообще-то всегда отвечает уклончиво. Но в данном случае уклончивость станет столь избыточной, что захочется развести руками.

Все из очевидного превратится в слишком проблематичное. И само представление об идеальном... И связь этого идеального со стратегией... Поэтому, когда философ станет вам впаривать по поводу очевидности, вы не смущайтесь. Вы потребуйте детализации. Наука, между прочим, вообще занята доказательством очевидного. Потому что именно при его доказательстве открываются некие... ну, не знаю – лакуны, щели, ниши. И в них обнаруживается неочевидное, парадоксальное, странное.

Короче, требуйте доказательств. А поскольку вы от других их не получите, требуйте от себя.

С себя и начнем. Выведем за скобки ироническую улыбку философа. И спросим себя: «Так ли это? И почему так?»

Третья причина нашего интереса к этому в том, что свет клином на политиках не сошелся. Ну, не те политики. Российская, да и иная, земля должна родить других. Это первое.

И второе. Мы же не только политикой хотим заниматься. Мы жить хотим. Осуществлять деятельность. А как ее осуществлять без субъекта, без цели? И пошли следующие вопросы... Идеальное на уровне группы и личности... Безыдеальный класс... Бессубъектность, «смерть субъекта» вообще.

Все это адресовано не Кремлю и его оппонентам, не западному обществу (в которое мы, конечно же, входим) с его бормочущими сия-

тельными персонами, а нам с вами. Любой группе (и даже любому отдельному человеку). Строю ли я театральный или аналитический коллектив, создаю ли корпорацию, ориентированную на бизнес или на науку, выдвигаю ли просто жизненные претензии к себе самому, я обязательно наткнусь на данную связь. И на необходимость ее более глубокого и детального понимания.

Часть 3. Идеалы и интересы

Совершенно бессмысленно начинать обсуждение темы с так называемых определений. Что такое идеал, идеальное, идеальность. А также их производные (от идеи до идеологии). Начав определять, вы столкнетесь с разными школами, историей вопроса, многочисленными дискуссиями и альтернативными подходами. И в этом все захлебнется.

Намного перспективнее, как мне кажется, то рассмотрение, в котором рассматриваемое «ощупывается» через противопоставление. Что такое неидеальное? Чему противопоставлялся идеал? И не вообще, а конкретно, на наших глазах. Причем самым разрушительным образом...

Идеал противопоставлялся интересу.

Многие, наверное, еще помнят статью Шмелева «Идеалы и интересы», в которой «идеальное» ошельмовывалось, а люди делились на две категории. На никчемных, занятых идеалами. И толковых, понимающих, что в мире (мире вообще и их частном мире) господствует только его величество интерес (рис.29).

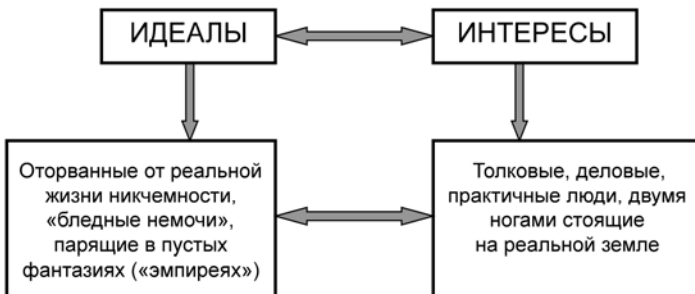

Рис.29

Но и этим все не исчерпывалось. Хотя... Уже в этой схеме была «разрисована» вовсе не какая-то истина, а банальная (и провокационно-

угодливая по отношению к разным адресатам) многошаговая идеология. Первый шаг был очевиден (рис.30).

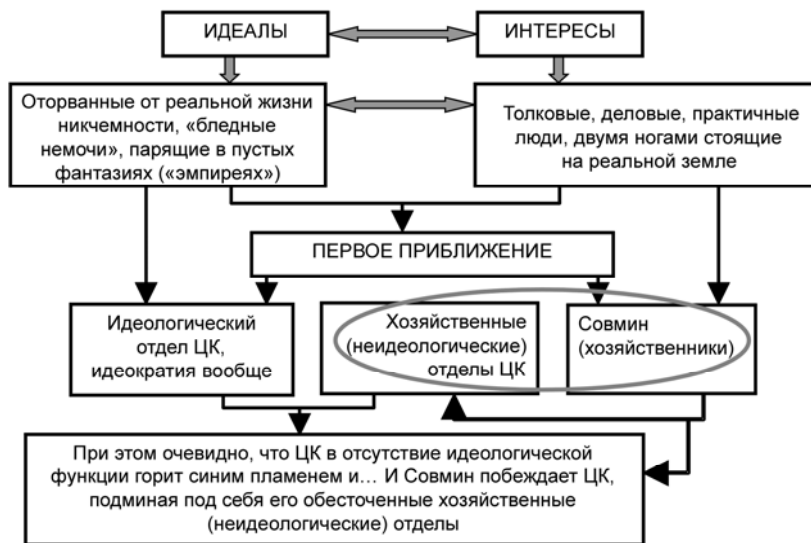

Рис.30

Обращаю ваше внимание на то, что шмелевская констатация, проникнутая войной с идеологией вообще, представляла собой чистойшей воды идеологию. На первом этапе вроде бы сводимую к рассматриваемому первому приближению, начиненному давним, очень давним «динамитом конфликтности».

Итак, на первом шаге Совмин вместе с хозяйственными отделами ЦК «зачищает» идеологические подразделения ЦК (по сути, тождественные всему ЦК в целом).

На втором шаге (поскольку все ЦК – это идеологическая система) Совмин поглощает и хозяйственные отделы ЦК.

А на третьем шаге горит сам Совмин. Его «зачищают» от имени и по поручению следующего звена «укорененных в безыдеальном» людей. То бишь директоров предприятий.

Боссы Совмина объявляются тупыми бюрократами, оторванными от реальности и все же (вот ведь беда!) не до конца очищенными от химеры идеологии. Эта неочищенность имеет свои конкретные последствия. Боссы замараны не только химерическими, но и реальными

грехами. Кто-то подумает, что воровством, и скажет, что они и вправду замараны.

Однако эта правда никого не волнует, как и воровство. Под замаранностью в данном случае имеется в виду причастность Системе, которая, в свою очередь, причастна идеальному. Боссы Совмина, грубо говоря, причастны Госплану (или Госснабу), а Госплан причастен программным химерам КПСС и вообще плановому началу («Я планов наших люблю громадье, размаха шаги саженьи. Я радуюсь маршу, которым идем в работу и в сраженья»).

Зачистка боссов Совмина – третий шаг. Им надо кого-то противопоставить. Иначе от чьего имени зачищать? Противопоставленный должен прочнее стоять ногами на земле. То есть быть дальше от идеалов и от Системы. Понятно, кто это. Это конкретные директора, ненавидящие бюрократическую надстройку. На них и опираются. Точнее, к ним апеллируют на данном третьем шаге.

Но тут же (четвертый шаг) горят и эти самые директора. Обнаруживается, что и директора – хоть и правильные (то есть безыдеальные) «мурла», крепко стоящие на земле, – все же замараны остаточной химеричностью (на то они, между прочим, и «красные»).

Они привыкли к опеке ведомств, плохо осваивают новую инициативную действительность. Вообще у них плохо с чувством хозяина. Потому что химера идеального высосала из них соки. И они не способны припасть к земле, стоять на своих ногах, опираясь на эту землю. А кто способен?

На пятом шаге оказывается, что способен только совсем уж прочно стоящий на земле трудящийся человек. Начинается «мутота» с трудовыми коллективами. Коллективы должны избирать хозяйственных руководителей, голосовать за коэффициенты трудового участия, выбирать экономическую стратегию предприятия... Но и это продолжается недолго. Коллектив – штука вообще сомнительная в смысле непричастности к идеальному. Поди-ка создай без него коллектив! К коллективам всегда апеллировала красная Система. Где коллектив, там и коллективность, а дальше, глядишь, и до соборности дело дойдет.

Объявляется, что коллектив довлеет над личностью. Что он, опять-таки, представляет собой химеру, от которой надо спасать. А спасти ситуацию может только инициативная личность.

Вместо коэффициентов трудового участия и коллективных подрядов возникают кооперативы и их движущая сила – инициативный хозяин-индивидуал. Частник! Только в нем спасение. Фермер!!! Он накормит

Россию! Столыпин хотел создать кулака-индивидуала, да не успел! А «коммунистические гады» все зачистили! Теперь надо воссоздавать!

Но на следующем, шестом по счету, шаге оказывается, что и частник не спасает. Фермер взял кредит, украл технику, спился и сделал ручкой всем, кто мечтал от него накормиться и на него опереться. Почему он так скверно сделал? Потому что тоже был причастен этому ужасному идеальному. В малых дозах, но причастен. Ходил на собрания, вступал в комсомол, а то и в партию. Наделен советско-патерналистским сознанием. А также лишен еще одной важной составляющей. Стартового капитала, позволяющего ему, частнику, построить частное дело.

Стартовый капитал, конечно, можно сформировать за счет разворывания капиталов общественных. Но как выбрать того, кто получит возможность разворывать? За право разворывать разворывающий должен что-то дать тому, кто предоставляет ему это право. А для этого, опять-таки, нужен стартовый капитал.

Но не это главное. Если Система порочна, то и человек, входящий в Систему, порочен. И неважно, как он в нее входил – как маршал или как «рядовой необученный». На этом шаге рядовой необученный отбрасывается следом за маршалами и генералами. И заявляется, что спасение от тотально порочной Системы – только в антисистемном элементе. У него, у этого элемента, кстати, и стартовый капитал есть. «Общак» называется.

Итак, на этом шаге тенивики, цеховики, просто воры оказываются позитивной антитезой любому, даже простому и отдаленному от Системы, человеку. Ибо он, человек этот, причастен ужасной Системе с ее химерами идеального. Причастен, а значит, мертв. А где живое, которое так нам необходимо, чтобы спастись? Где опора? Живое и опорное только «в зоне» с ее «общаком», то есть в антисистемном низу. На него и надо категорически опереться.

Кому-то может показаться, что я выдумываю. И чтобы быстренько оправдаться, я сошлюсь на того же Шмелева, хотя мог бы сослаться на десятки других именитых авторов. И все же укажу на Шмелева, поскольку именно он, противопоставив сначала ужасные идеалы спасительным интересам, затем сказал, что всех нас спасет тенивик.

Таков естественный шестой шаг на пути, заданном антитезой «плохого идеального» и «хорошего интересантного» (антитеза «ужас – благо» – типичный атрибут идеологии как таковой). Но последний ли это шаг?

Для того, чтобы в этом разобраться, внимательнее рассмотрим в начальную схему (рис.31).

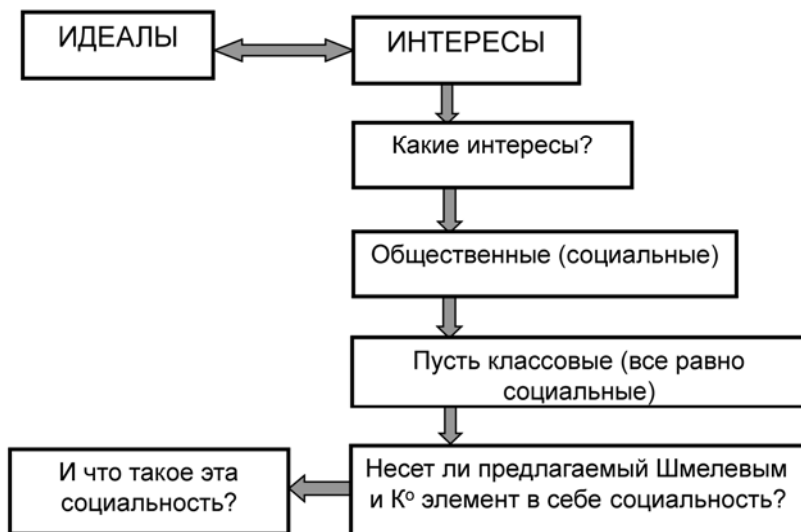

Рис.31

Детальное рассмотрение коллизии показывает, что воры и их дериваты (теневики) в качестве единственно стоящих на земле, единственных нехимических (а значит, опорно-подлинных) сущностей обладают одним изъяном.

Они **ВООБЩЕ** не способны продуцировать **СОЦИАЛЬНОЕ**. Пользуясь им постольку, поскольку антисоциальное – это тоже социальное, они не могут его удерживать и создавать. Они на нем паразитируют. В этом их криминальная суть. И эта суть неотделима от их естества. Став опорным элементом (опорным классом), они создали единственное, что могут создать. Они создали «общаки» из министерств, банды из силовых структур и т.д., и т.п. Как только они это создали, начались вопли о криминальном государстве и криминальном обществе. Круг замкнулся.

При этом как бы восстановились ведомства и все остальное. Но только в превращенном виде. Вне целей и даже возможности их продуцировать. Вне нормальной социальной деятельности. Такой круг называется «кругом превращения» (превращенная форма – это форма, отрицающая цель и содержание, между прочим, именно за счет отрыва от идеального).

Итак, на седьмом шаге рассматриваемого социального превращения оказывается, что демонтажу подлежит криминальное государство и криминальное общество, последовательно созданные с помощью предыдущих шести шагов. В том-то и беда, что действительно созданные! Именно они теперь подлежат зачистке (в народных присказках это называется «выкрасить и выбросить»).

Они, а не атакуемые промежуточные инстанции:

- идеологический отдел ЦК,
- хозяйственный отдел ЦК,
- Совмин,
- директорат,
- трудовой коллектив,
- индивидуал, противостоящий коллективности,
- антисоциальный элемент, противостоящий ужасной социальности.

Теперь весь «ужас» (зараженный вирусом идеальности) должен быть зачищен. «Малина» в том числе. Если не создашь ЭТО как «ужас», то как зачистишь?

Итак, в итоге описанных «антиидеальных» трансформаций оказывается, что демонтажу подлежат ужасное криминальное государство и аналогичное общество. И что делать? Защищать их? Может быть, еще и наколки на себе разрисовывать?

Но погодим с ответом на вопрос «что делать?», оставив его Виталию Третьякову и его одноименной телепередаче. И зададим другой вопрос – «кто виноват?». При этом обратим внимание на то, что, по логике сегодняшних обвиняющих, ответственность не в сделанных перед этим «семи шагах в бездну». А якобы в «вирусе идеального», от которого освободались, освободались, но оно возобладало. И все погубило, несмотря на невероятную самоотверженность и профессионализм «лекарей».

А ведь лекари хотели как лучше! Хотели химеру и глупость (идеал) вытеснить реальностью и «укорененностью» (интересом). Стоп! Каким интересом?

Антитеза «идеал – интерес», наконец, обнажает на этом шаге качество интереса. Это звериный, хищнически разрушительный интерес фундаментально антиобщественных групп, выдвинутых на роль господствующего класса (рис.32).

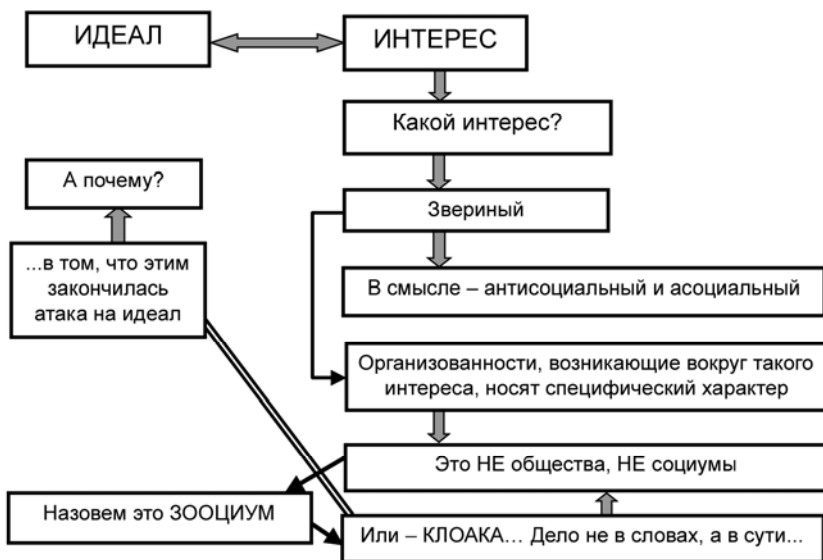

Рис.32

Часть 4. И все-таки – идеалы

Задавшись вопросом о том, в какой степени такой сокрушительный результат вытекает из самой сути осуществленного кем-то когда-то противопоставления, мы уже вынуждены что-то определять (рис.33).

Идеал (франц. Ideal, от греческого «первообраз») – образец, нечто возвышенное, совершенное, благое и прекрасное, высшая цель стремления. Выбор, признание и воздвигание той или иной (общественной или индивидуальной) системы идеалов – суть культуры (соответственно – культуры общества или культуры индивида).

Итак, идеальное – это, как минимум, система регулятивных (побудительно-ограничительных в смысле жизни и деятельности) эталонов.

Эти эталоны надо:

- выбрать,
- признать,
- воздвигать (освежать, обновлять, очищать, «энергетизировать»).

Рис.33

Человек может (а) делать все это сам и (б) присоединиться к общепринятому. Чаще всего человек присоединяется к общепринятому, подлаживая это, общепринятое, под свое своеобразие. Гораздо реже человек это проделявает сам. Но даже если он делает это сам – все равно он в своем делании детерминирован имеющимися вокруг наработками. То есть своей культурно-родовой спецификой.

Фундаментальные идеалы общества (пока в регулятивно-эталонном смысле, который мы естественным образом выделили) кого «колышут»? И кто с этим работает?

«Колышет» это все общество. А если это «не колышет», то либо меняется (вместе с системой идеалов) тип общества, либо общество исчезает (рассыпается, взвѣривается).

Работают с этим те самые идеологи, которых так осудили и запихнули в угол, рассуждая об интересах. Если интересы общественные, то такое запихивание маразматично. А вот если ставка была на метаморфозу, при которой человека нет, а будет «социозверек» – тогда все делалось правильно.

От признания обществом тех или иных идеалов, от степени всеобщности и энергичности такого признания зависит состоятельность, эффективность, стабильность общества. А значит, безыдеальное общество быть стабильным не может. Да и вообще не может «быть», как мы толь-

ко что установили. Единство и целостность общества (а также каждой из формирующих общество социальных групп – классов или чего-либо еще) полностью зависит от энергичности («сакрализованности») этого самого идеального.

Идеологическая борьба есть в конечном счете высшая разновидность классовой борьбы. И строится эта классовая борьба (внимание!) вокруг признания или развенчания тех или иных базовых идеалов. И главное – смена этих идеалов не должна подрывать идеальности как таковой (рис.34).

Рис.34

Удар в «самое сердце» идеального – это абсолютно запрещенный удар. Такой номер нигде не прошел бы! Пройти он смог лишь в гиперидеологизированном (и смертельно от этого уставшем) советском обществе и лишь на директивной основе.

Но тогда что это за директива? (рис.35)

Рис.35

Мне скажут, что идеалы не отменили. А предложили взять их у Запада. Но одно дело вооружиться абстракцией Запада как «пустой оболочкой». А другое – наполнять эту оболочку конкретным западным содержанием. Например, уважением к закону. Пафосом труда. Уважением к порядочности. И много чем еще.

Ничего подобного не было даже на уровне подражания. Как уже не раз было сказано, нашу систему подключили к западной очень своеобразно. Как водопровод к канализации. Опять же, можно много примеров привести. Но достаточно показать, как на определенном этапе насаждали в России панков и отвергали «яппи». Не то что люблю «яппи», но, по моему, все понятно.

Эталоны, герои, нормы, якобы взятые с Запада, брались выборочно. По принципу «фильтруй базар». Но главное – если власть оперлась на определенный класс, то как этот класс может не «фильтровать базар»? Березовский говорит: «Мы демократы, и потому у нас уже никогда не будут управлять люди в рваных штанах». Потанин говорит: «Мы настоящие западники и знаем, какое блюдо есть какой вилкой и как закапать вино за 30 тысяч евро».

Этот класс очень любит ездить на Запад. Но Запад все меньше этим восхищается. И Запад этому классу нужен по известному анекдоту о «новом русском», который в антикварном магазине разглядывает распятие: «Девушка, пожалуйста, мне то же самое, но без гимнаста».

Но разве только в одном классе дело? Если он правит бал, если он диктует свои антинормы (а он их диктует навязчиво), то речь идет о желании построить не общество на фундаменте западных идеалов, а нечто на принципиально безыдеальном фундаменте. Это нечто почему-то назвали «капитализм».

Когда-то в СССР была создана антиутопия, в которой капитализм описывался как «город желтого дьявола». Теперь в России из этого же самого сделали утопию со знаком плюс. Официальные лица говорят о том, что деньги в России заменят национальную идею. Но ведь такая замена (вытекающая из установки на безыдеальность создаваемой беспрецедентной социальной конструкции) может обернуться только зооциумом. А как иначе, если регуляторов социальности нет?

Идеал... Образ цели в деятельности людей, объединенных решением общей задачи... Внутренняя цель, лежащая в основе борьбы человечества против фундаментальной антиномичности Бытия...

Как ни определяй, ясно, что речь идет о неизымаемом фундаменте самой человечности. Любой человечности: индивидуальной, групповой,

классовой, национальной, всеобщей. Ибо одно без другого, в свою очередь, немислимо.

Идеология имеет дело с фундаментальными идеалами общества. Их признание и качество этого признания (сакрализация) – вот основа прочности и креативности социальной ткани. Диссидентские атаки на признанные обществом базовые идеалы и развенчание этих идеалов в глазах общественного большинства – это деструкция, «зачистка» данного типа общества. Любой специалист это понимает.

Но далеко не всякий диссидент (повторяю и буду повторять) атакует идеальное вообще, например, противопоставляя идеалы интересам. Обычно атакуется не идеальное как таковое. На это, честно говоря, никто в мире не осмеливался, понимая, чем подобное чревато для общества. И тем не менее «усеченные» прецеденты имели место.

Карнавалы (и их предшественники – римские сатурналии) временно снимали идеальность, «переворачивали верх и низ». Но – именно временно! Церковь, санкционируя подобный «выпуск пара», жесточайше регламентировала карнавальную процедуру. Она начиналась и заканчивалась по удару церковного колокола. Она могла происходить только в момент, задаваемый церковной идеологией. Яркий пример – масленица, остаток русского язычества, допускаемый христианским канонам.

Что сейчас творится с этим в России, тоже понятно. Ситуация тяготеет к тому, чтобы поста вообще не было, а масленица была. Причем «масленица нон-стоп» («мне такой же, но без гимнаста»).

Итак, карнавализация существовала как краткосрочное дерегулирование. При том, что она, эта карнавализация, и помыслить не могла о своем выходе за рамки социорегуляторов. Участвовавшие в Карнавале потому и участвовали, что это было санкционировано. То есть введено в рамки.

И все же внутри Карнавала была разработана и опробована технология войны с самым идеальным. Эта технология существовала в Карнавале безрефлексивно. Кто-то, конечно, понимал, о чем речь. Но вовсе не толпы участвующих. Да и вообще – понимание той эпохи находится по другую сторону так называемых «гуманитарных технологий».

Понадобились культурологи определенных школ XX века (примыкавших к структурализму или иначе связанных с ним), чтобы разлитое в живом явлении антикультурное (антиидеальное) начало ректифицировать, описать, выявить в его особой (подлежащей деструктивной рукотворности) самости. В Советском Союзе эту задачу взял на себя выдающийся культуролог XX века Михаил Бахтин.

О завязанности Бахтина на спецслужбистские системы вообще и на Андропова лично говорю не я, а Евгений Киселев. Ему (и его источни-

кам, которые очевидны) лучше знать, что к чему. Но если констатация правильна (а я, поскольку моя мать работала в секторе теории литературы ИМЛИ, что-то сходное помню по детским воспоминаниям), то выводы не могут быть «гомеопатическими». Андропову (поверим информации Киселева) карнавал мог быть нужен только как спецтехнология. А в качестве спецтехнологии он мог иметь одну конечную цель – борьбу с идеальным как таковым.

И бог бы с ними, с рассуждениями Киселева. Но в конце 80-х годов (и явно под опекой советских спецведомств) начался социальный «карнавал нон-стоп», осуществляемый именно как спецтехнология. Мы все видели это... Этот «Балаганчик» с далеко не клюквенным соком.

«Мы метили в коммунизм, а попали в Россию»... Эту фразу я бы принял в чьих угодно устах, но не в устах профессионального философа, коим, безусловно, являлся произнесший ее Александр Зиновьев.

Зиновьев, как никто другой, понимал, кто, как, зачем и по чему бьет. В соседних своих высказываниях (адресованных, видимо, другому слушателю и читателю) он прямо отрекомендовывается в качестве лица, советовавшего борцам с СССР сконцентрироваться на ударах по структурам и генераторам идеального.

Я уже приволил в предыдущей своей статье слова Зиновьева, но они настолько выразительны, что цитирую их снова: *«В 1979 году на одном из моих публичных выступлений, которое так и называлось "Как иголкой убить слона", мне был задан вопрос, какое место в советской системе является, на мой взгляд, самым уязвимым. Я ответил: то, которое считается самым надежным, а именно – аппарат КПСС, в нем – ЦК, в нем – Политбюро, в последнем – Генеральный секретарь. «Проведите своего человека на этот пост, – сказал я под гомерический хохот аудитории, – и он за несколько месяцев развалит партийный аппарат, и начнется цепная реакция распада всей системы власти и управления. И как следствие этого начнется распад всего общества...»*

Пусть читатель не думает, будто я подсказал стратегам "холодной" войны такую идею. Они сами до этого додумались и без меня. Один из сотрудников "Интеллидженс сервис" говорил как-то мне, что они (то есть силы Запада) скоро посадят на "советский престол" своего человека².

«Еще в 1978 году я сказал, что самое уязвимое место в советской структуре – ЦК КПСС. Если на пост Генсека придет прозападно настроенный человек, с коммунизмом в СССР может быть покончено в несколько месяцев. К началу 80-х годов и на Западе тоже поняли, что

² Зиновьев А. Как иголкой убить слона? // Наш современник. 2005. №10.

на диссидентское движение рассчитывать нечего, что народные массы в СССР не восстанут, как ты их ни пропагандируй. В то время мне доводилось участвовать в разного рода закрытых совещаниях, где собирались специалисты, занимавшиеся планированием холодной войны, и эти специалисты говорили: советскую "верхушку" надо купить»³.

В самом деле, и без Зиновьева те, «кому надо было», прекрасно понимали азы подобного рода работы. Американские советологи яростно рекомендовали ударить именно по КПСС как «генератору идеального». И сулили поразительный результат: достаточно, мол, укола в этот идеальный мозг, в эту особую акупунктуру идеального, и все гигантское советское тело будет абсолютно парализовано.

Может быть, эта арифметика «войны с идеалами» была непонятна наивным советским хозяйственникам, оборзевшим от глупого диктата стремительно дряхлеющей КПСС. Но специалисты по идеальному не могли этого не понимать. Патетическое восклициание Зиновьева паразитально лишь своим особым цинизмом и – вот в чем главное! – способностью наших патриотических кругов «покупаться» на этот цинизм. Покупаться страстно и истово. Что требует какого-то объяснения. Либо эти круги наполнены клиническими идиотами, либо... Либо они (в какой-то мере и в каком-то смысле) сами не чужды сходному (и в этом смысле специфическому) цинизму.

Между тем проблема отнюдь не так хитра и «подковерна», чтобы ее не могло вобрать в себя нормальное, граждански обеспокоенное сознание. Тут не нужны особые профессиональные изыски. То есть для чего-то другого они, конечно, нужны. Но не для осваивания подобных – в сущности, нагло глумливых – патетических вывертов (рис.36).

Я не говорю об анекдотических обертонах подобных высказываний... «Рабинович стрельнул – стрельнул, промахнулся и попал немножечко в меня. Я лежу в больнице. Сука Рабинович с Хасею гуляет без меня»... А также о том, что если ты, милый, прицелившись в одно, а попав в другое и признав сие, требуешь для себя статуса Вильгельма Теля...

Это все простейшие – не требующие философской изощренности, и в этом смысле почти посконные, – возражения. И если мы говорим о неочевидности, то она не в этих вопросах. А в том, что вроде бы все очевидно так, что дальше некуда. Но патриотическая верхушка и ведомые ею массы этого (очевидного) на дух не чувствуют.

³ Костюков А. Одиночество мысли (интервью с А.Зиновьевым) // Независимая газета. 2002. 29 октября. №232.

Рис.36

Верхушка, может быть, того... А массы? Массы бесконечно отуплены и бесконечно ведомы? Думается, что это не вполне так. Что шок (Россия далеко не так необразованна и бессмысленна – значит, шок) вечно длиться не будет. Но поскольку я свою задачу всегда видел вовсе не в обнаружениях очевидного, то я постараюсь быстро перейти к неочевидному, задев по дороге два пласта, так сказать, полуочевидного.

Пласт первый. А как все же можно (хотя бы теоретически) отделить смысл (коммунизм) от носителя и активнейшего проводника (русского народа, России, СССР)? Возможна ли в принципе такая процедура?

Конечно, возможна! Если русский народ и Россию в целом оседлали абсолютно злые и магически могучие нелюди (читай – евреи), то народ оказался заражен опаснейшим вирусом. Конечно, надо понять, почему именно этот народ оказался заражен сим абсолютным злом. И восстанавливать иммунитет. Или зачищать заразу (и вирус, и больных)! Чтобы чума не распространилась на человечество!

В любом случае у медиков, входящих в этот «чумной барак», имеются абсолютные властные прерогативы. Могут сжигать, могут лечить. И надо спросить себя, что это за медики? Повторяю вопрос: что за мировые «медики» хотят так иступленно и абсолютно властно избавлять Россию от чумы, которая в этом ее предъявлении не может быть иной, кроме как еврейской?

Читайте Климова – «Протоколы красных мудрецов». И ищите западные «оазисы востребованности» подобной литературы. Не удивляйтесь, если найдете их в Гарварде. Впрочем, мое «не удивляйтесь» здесь, скорее, фигура речи. Конечно, удивляйтесь. А главное – думайте.

Пласт второй. Если коммунизм – такое тотальное, метафизическое зло, то чем является фашизм? Двух одинаково метафизических «анти» быть не может. Тем более, что как ни вертись, но роль коммунизма в уничтожении фашизма нельзя не признать.

Но главное-то не в этом. А в том, что как только возникает пласт первый (отделение вируса от зараженных, коммунизма от русского народа), то вместе с определением качества вируса возникает и «великая правда фашизма». Потому что фашизм об этом «еврейском вирусе» и говорил, он так и обосновывал свой «дранг нах Остен». И вообще свою миссию.

Если теперь признается, что он был прав в основном (в «дранг нах Остен»), то как его назвать метафизическим злом? И как отделить эту его «правоту» от неправоты всей его остальной миссии? В любом случае при таком признании фашизм придется лишить предельного анти-системного статуса. Это не значит сразу реабилитировать. Но постепенно речь пойдет именно об этом.

Но бог с ними, с этими промежуточными пластами.

Вы мне лучше про Зиновьева объясните нечто более существенное.

Что значит сказать «Хомо советикус» (название книги Зиновьева, которое все знают)? Это значит отделить вирус от носителя, сказать, что русское «хомо» заражено вирусом «советикус»? В нечто подобное может поверить только полный лох!

«Хомо советикус» – это выражение, не существующее в отрыве от других, сходных с ним и основных. Основное же – «хомо сапиенс» (человек разумный). Это видовая характеристика современного антропоа. Сказать про своего соотечественника, что он «хомо советикус», это значит сказать про него, что он НЕ «хомо сапиенс», а какое-то другое «хомо», наподобие «хомо эректус». Ну, не «хомо» же «люденс» он, право слово! «Хомо люденс» – это более высокая ступень человека разумного.

Ведь у этого «хомо» с прибавкой – есть культурная традиция. И ее не спрячешь! Тем более от Зиновьева. Когда Макс Фриш говорит «хомо фабер» (человек делающий), то он имеет в виду, что делающий-то делающий, но не вполне разумный. Когда Милтон Фридмен говорит «хомо экономикус», он тоже имеет в виду, что экономикус-то экономикус, но не вполне сапиенс. Все это вам не шуточки. Это посягательство на единство вида!

«Хомо советикус» – это не возвышающая степень «хомо». А значит, умаляющая степень. Возвышающая степень – сверхчеловек, умаляющая –

недочеловек. «Хомо советикус» – это недочеловек, а вовсе не зараженный вирусом человек. Кто этих нюансов не улавливает, с тем и говорить не о чем. А чтобы у малочувствительных граждан не было сомнений, этого «хомо советикуса» при следующей политико-лингвистической модуляции назвали просто «совком». А чтобы и у совсем-совсем малочувствительных граждан не было сомнений, осуществили еще одну модуляцию. И сказали: «Совки и шариковы». Про «шариковых» знали все. Это зверо-люди («почти как люди») Клиффорда Саймака).

«Совков» назвали «шариковыми», и они залаяли. Образовался именно тот зооциум из зверо-людей унтерменшей, который и планировался. Вот пока что «предварительно-окончательный» результат сделанных шагов. Образовалось нечто, которое можно называть по-разному. Зооциум, клоака... На худой конец, «Скотный двор» Оруэлла.

Только не надо говорить, что оно образовалось само собой. Или что это результат семидесяти лет советской власти. Это результат описанных выше шагов, имеющих разное качество, но в совокупности ведущих в особую зону, за которой абсолютная социальная бездна.

Меня при этом всегда удивляет, с какой непоколебимой оптимистической уверенностью теоретики этих шагов говорят: «Когда общество ударится о дно, начнется социальное возрождение». Если это бездна, то почему у нее должно быть дно? Она по определению дна иметь не должна.

Александр Зиновьев прекрасно понимал, что удар наносится не в коммунизм и не в Россию. И что это альтернатива для дураков. А реальная альтернатива выглядит по-другому (рис.37).

Рис.37

Часть 5.
Другие аспекты
все той же темы

Бледная немочь, погруженная в бесплодные мечтания... Фанатик, приносящий человеческое благо в жертву своей фантазии... Такой способ описания связи человека с идеальным очевидно тенденциозен. И в

этом смысле является все той же борьбой идей. Эта борьба ну никак не может быть редуцирована к сюжетам из нашей (и даже общемировой) истории последнего столетия.

Хотя, конечно же, война с идеалами, которую Запад предпринял после 1945 года, имея целью прежде всего удушение (или ослабление) идеального как такового, приобрела особо беспощадный характер именно в новейшее время.

Неореализм, апология «маленького человека» с его земными делами, апология земной обычной человеческой боли и радости – конечно, часть подобной борьбы. Говорилось, что это борьба с нацистским культом героизма и идеального. Но искренним ли был такой пафос (во многом разделявшийся советской интеллигенцией)?

Помню, ставлю я один из своих первых спектаклей. И пытаюсь показать в нем историю любви на войне как вечную и великую. Ввожу параллельные ряды из Данте и Петрарки, использую соответствующую музыку и пластические образы... Встает на обсуждении один из интеллигентов и говорит (кого-то цитируя): «Простое маленькое горе – единственная стоящая вещь». Мол, написана история маленького человека – так вы нам не пытайтесь этого маленького человека поднять на пьедестал. Не нужно нам ничего, кроме изображения его вибраций в масштабе один к одному. А иначе, знаете ли, получается этот самый... «Триумф воли».

Ну, не могу же я этого интеллигента заподозрить в том, что он вел переговоры с какими-то инстанциями по поводу проекта «Война с идеальным»! Он так мыслил и чувствовал. Другое дело, почему он так мыслил и чувствовал, на какие референтные группы опирался, как его личное мышление подобного типа было связано с мышлением (уже вполне идеологическим) представительных для него диссидентских групп, создававших определенную моду? Как это перекликалось с каким-нибудь Максом Фришем и его героями, противостоявшими своим обыкновенным копанием в навозе «дурацким подвигам» Геркулеса («Геркулес и авгиевы конюшни»)?

Любое частное коренится в общем. И все же... Все же запуск качественно нового витка борьбы с идеальным опирался на определенную «органику». В его основе был органический испуг западной интеллигенции (и не только ее) при встрече с взрывной энергией определенного (фашистского) типа.

Этот испуг породил отношение к любой (да, именно любой) энергии, извлеченной из полусонного общества теми или иными страстями по идеальному. Так называемая антифашистская интеллигенция и стоящие за ней властные группы, ожегшись на фашистском «молоке», стали дуть на «воду» любой идеоэнергичности (рис.38).

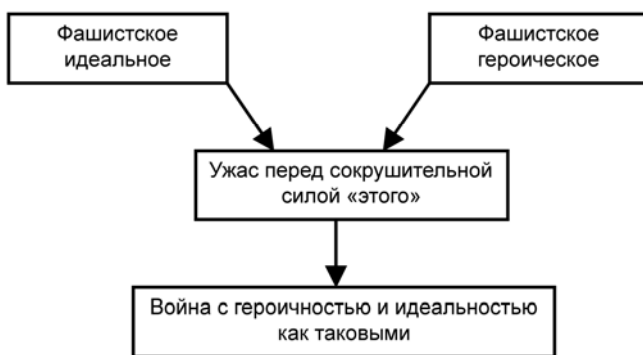

Рис.38

Уже 20 лет я пытаюсь приучить наших «жрецов естественности», ненавидящих проекты и заговоры, к элементарной мысли: органические основы процесса никоим образом не противостоят тому, чтобы эти основы были использованы и развиты в чем-то проекте. Наоборот, ни один проект не делается, если к тому нет органических предпосылок.

Из курса общей физики известно, что есть свободные колебания, а есть вынужденные. В школе вроде бы об этом говорят, рассказывая, должен ли военный отряд шагать в ногу, переходя какой-нибудь мост. Мол, у моста есть собственные частоты колебаний. Если воздействие на мост осуществляется не на частоте свободных колебаний, то с мостом ничего не происходит. Но вот идет по нему отряд. И идет он в ногу, оказывая воздействие на мост на определенной частоте (частоте хождения в ногу). Если эта частота совпадает с одной из собственных частот моста, то он может разрушиться.

Уже такие детские примеры показывают, что обрушить систему можно используя ее собственные (органические) свойства. Все подрывники об этом знают, если переходить от детских примеров к более взрослым. Но политология и гуманитарные науки в целом, как правило, делают вид, что им это незнакомо или это для них неочевидно.

Ну, так вот. Когда мы говорим, что ужас перед конкретными проявлениями идеоэнергичности сам по себе привел к войне с идеальным, мы не раскрываем одного важнейшего аспекта. А без раскрытия этого аспекта все выглядит слишком уж по-дурацки. Развязывание такой войны с идеальным, конечно же, могло задействовать в качестве «собственной частоты» некий интеллигентский синдром, порожденный встречей западной интеллигенции с фашизмом. Но не более того.

Синдром нужен был в качестве органической предпосылки. Однако ни масштаб войны, ни ее планомерность и изошренность не допускают редуцирования всего произошедшего к автономным интеллигентским антифашистским дерганьям. Слишком уж все было изошренно, алгоритмизированно и «ресурсообеспеченно».

Под последним имею в виду и деньги как таковые (на войну с идеальным с 1945 по 1968 год на Западе было истрачено не менее четверти триллиона тогдашних долларов), и используемые инфраструктурные модули. На войну с идеальным на Западе работали сети и структуры, клубы и комитеты по премиям. Все это явно находилось не в руках самой невротизированной западной интеллигенции, хотя и подстегивало ее активность.

Анализируя элитный аспект рассматриваемой коллизии, мы тут же наталкиваемся на другой, не антифашистский фактор. И сразу вынуждены апеллировать не к поговорке про молоко и воду, а к присказке «из песни слов не выкинешь». Под «песней» я здесь имею в виду всю реальность Второй мировой войны. А под «словами, которые из нее нельзя выкинуть», – роль СССР и коммунизма в победе над Гитлером. Эти вроде бы невыкидываемые слова убийственны для тех, кого мы именуем западными «хозяевами». Потому что, признав такие слова в данной песне, придется признать далее нижеследующее.

1. Безыдеальность веймарского немецкого общества породила патологию идеального в виде фашизма.
2. Остывающая идеальность западного (демократического) общества не сумела противостоять накаленной патологии фашистского идеального. Позорный пример Франции здесь носит слишком очевидный и абсо-

лютно неснимаемый характер. Да и Дюнкерк ну никак не представишь как адекватный отпор аглосаксонского духа фашистской угрозе.

3. Только встречная волна разогретой идеальности советского общества смогла остановить патологию фашистской идеальности.

В результате вырисовывается такая (абсолютно прискорбная для хозяев) картина (рис.39).

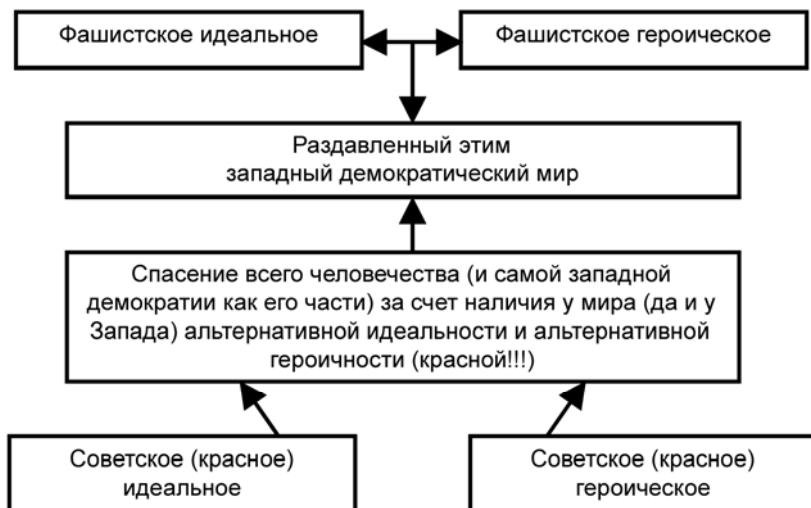

Рис.39

Обнажить подобную суть вопроса хозяева не хотели и не могли. Ибо эта суть, в каком-то смысле, ставила крест на их (не выдержавшем удара) западном обществе. Более того, становилось как бы очевидным, что следующий удар станет ударом на добывание этого общества и его хозяев.

И что делать? Как спасти это общество и себя? Провести глубокую перестройку своих идеалов западное общество не хотело и не могло. Такая перестройка вообще не является технологией. То есть чем-то, что можно взять и осуществить (была бы воля и были бы средства – соберутся мозги, вложатся деньги).

Идеальное – это то, что подобным образом не создается. Можно собрать любые мозги и заплатить любые деньги, а результата не будет.

Идеалы – это сверхтонкая ткань. А раз сверхтонкая, то и не до конца рукотворная.

О мере этой нерукотворности спорят уже много веков. И вклинивание данного спора в наше текущее обсуждение увело бы от существа дела. Просто обозначим, что спор имеет место. И что спорящие обсуждают лишь меру нерукотворности идеального. Проникает ли элита в некую «пещеру» и вбирает энергию идеальной сферы, создает ли идеалы народ... Но то, что по заказу **это** нельзя состряпать, всем очевидно. А то, что можно состряпать, не является **этим**. Потому и называется «пир» или как-то еще.

Итак, волевым усилием хозяев идеалы не обновляются и не энергизируются. Но даже если их и можно более или менее сознательно взрастить в недрах существующего западного общества, речь должна идти об очень особом взращивании.

Такого рода взращивание осуществляется в недрах восходящих социальных компонент данного общества. Компоненты эти принято называть классами. Классы могут (и должны) взрастить в себе новое идеальное для того, чтобы прийти к власти. Но они его взращивают не для того, чтобы позабавить текущих хозяев жизни. Они его взращивают, чтобы этих хозяев «укунтрупить». То есть отобрать у них власть, вооружившись взращенным идеальным.

А хозяева? Им что, нужно было, чтобы новый класс их общества, взрастив новое идеальное, согнал их, хозяев, с исторической сцены? Реализовал пресловутую роль могильщика?

Нет! Дураков нет подобное поощрять, да и... слишком уж напоминает мировую красную революцию, лидером которой станет понятно кто. Геополитический и онтологический враг по имени СССР.

Имея ограничения по части своего идеального Неба, хозяева схватились за Землю. Имея ограничения по части своего Огня, они стали искать Воду. Во главу угла в итоге было поставлено (а) относительное растление своих восходящих групп, способных принести новое идеальное, (б) абсолютное растление чужих групп, связанных с чужим идеальным. Совокупность двух таких задач продиктовала определенные технологии.

Если ты должен обеспечить победу своего – совсем нерастленного – общества над чужим, то можно умеренно растлить чужое. Но если ты уже умеренно растлил свое, то чужое ты должен растлить абсолютно.

Если ты предполагаешь, что в твоей борьбе прямая военная компонента будет достигать 90–95% (как в случае с Германией во Второй

мировой войне), то растление для тебя не решающая компонента в победе.

А если ты знаешь, что военный фактор должен быть строго равен нулю (у противника стратегическое ядерное оружие), то растление – это суперсредство. Единственно спасительное.

Если ты располагаешь технологиями XIX века, то можно, конечно, растлевать отдельных лидеров враждебных стран, подкладывая им кого-то в постель. Или поддерживать отдельные подрывные элементы враждебного тебе общества.

Но если ты можешь применять для растления всю мощь технологий информационной эры, то... То это совсем другая история.

То, что пока что складывается из рассмотренных нами фрагментов, позволяет говорить о мультипликации (нелинейном взаимном усилении) трех основных акторов, осуществлявших растление советского общества (рис.40).

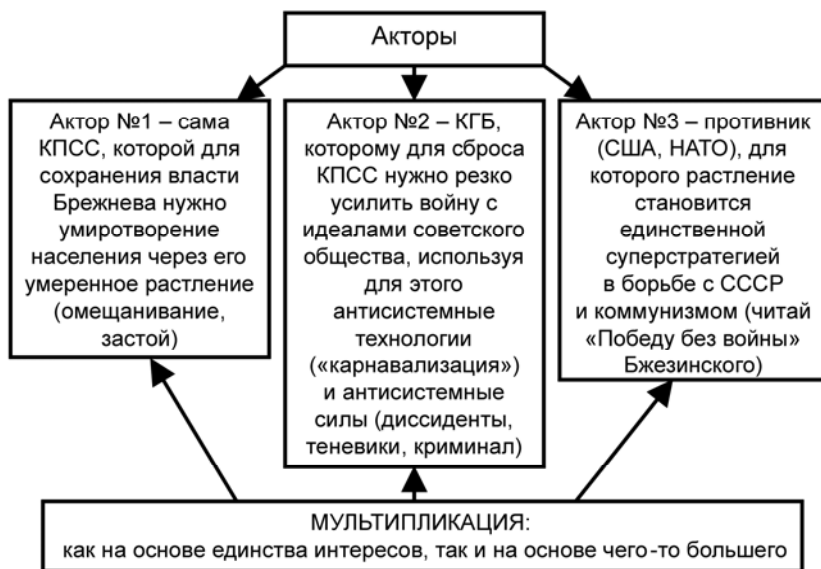

Рис.40

К данному (взаимоусиливающему) стихийному (а может быть, отчасти и сознательному) консенсусу трех растлевающих акторов надо, конечно, добавить объективный процесс. Советские идеалы остывали и

определенным органическим образом. Но, констатируя это, никоим образом нельзя (ну, просто невозможно в условиях того, что мы видели) редуцировать ВЕСЬ ПРОЦЕСС к этой органике.

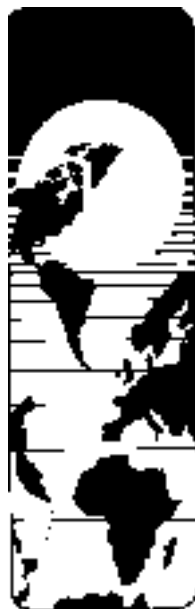
И я берусь доказать, что операция «МЕНТАЛ» (иначе говоря – управление когнитивными матрицами, мышлением элиты) тоже входила в ту совокупность «операциональностей», которая и задает при-скорбный формат нашей действительности.

Но это – какнибудь в следующий раз.

Германия является главной жертвой противоречий между имперскими военными блоками и национальными государствами. Будучи ответственной за войну, которая разрушила европейскую систему, она потеряла германизированные в течение веков восточные земли, она оказалась разделенной на две части, каждая из которых связана с той или иной коалицией... Германия разделена физически: другие страны ... разделены морально... <...> Европа потеряла свое превосходство. Будучи еще вчера центром мировой политики, она сегодня разделена на две зоны... «Похищение

Европы», «закат Европы», я не сомневаюсь в том, что нынешняя ситуация не может быть выражена историческим языком драмы. Но для нас, других европейцев, переживших две мировые войны, познавших самые тяжкие оскорбления, которые люди нанесли чести человечества, удостоверивших конец империй, нет ничего более соблазнительного, чем печальное размышление над непрочностью творений человека. Но нужно ли действительно уступить соблазну?

Реймон Арон

Олег Гриневский

ГЕОГЛОБАЛИСТИКА

КАК НАЧИНАЛОСЬ ОБЪЕДИНЕНИЕ ГЕРМАНИИ¹

What were the mysteries of German unification and how the policy was working out in Moscow and Washington in the end of 1989 when it had become clear that unification was inevitable? The author, who was at that time the Soviet ambassador and the USSR representative at the Vienna negotiations on European security and reduction of the conventional armed forces in Europe, gives the answers on these questions based on his diaries of that time and new Soviet and Western declassified documents. The essay based on facts discovers such a picture. By that time the USA and FRG had taken the firm position that the unification was inevitable and as soon as possible. Moreover, the United Germany had to be in NATO. But a disorder prevailed in the Kremlin where different positions were advanced. Gorbachev had chosen the policy of “nothing to do”, obviously not making up his mind to take responsibility on himself and hoping that everything would be settled by history if not in 100 years but in no case during his life. And so he had taken a two –faced position. Depending on his interlocutors he told one that we had not to loose GDR in any case, and to the other that any country had the right to choose its own way.

¹ Продолжение. Начало см.: Россия XXI. 2007. №3.

Вашингтон вырабатывает позицию

В Вашингтоне поначалу заняли осторожную позицию. Там, судя по всему, преобладало мнение, что Бонн не ставит пока объединение в повестку дня насущной европейской политики. Поэтому активности проявлять не следует. Нужно лишь осторожно поддерживать игру Коля с самоопределением, но воздерживаться при этом от каких-либо комментариев по поводу будущего Германии, чтобы не ссориться с союзниками и не вызывать обеспокоенности Москвы. В общем, подождать и посмотреть, что будет говорить Горбачев на Мальте в ходе предстоящей встречи в верхах.

Тем не менее в Госдепартаменте по указанию Бейкера позиция США в отношении возможного объединения Германии детально прорабатывалась. Делали это два специалиста – Деннис Росс и Френсис Фукуяма, – предложившие 4 подхода, которые в совокупности должны были составлять суть американской политики:

1. США должны поддерживать самоопределение, не говоря конкретно, к чему оно должно привести.

2. Объединение должно предусматривать членство Германии в НАТО и ЕС.

3. Движение к объединению должно быть мирным и постепенным.

4. Решение вопроса о границах должно строиться на принципах Хельсинкского Заключительного Акта о нерушимости границ в Европе, предусматривая в то же время возможность мирных изменений по взаимному согласию².

Интересно, что несколько дней спустя (20 ноября 1998 г.) во время визита в Вашингтон министра иностранных дел ФРГ вопрос об объединении ни Бейкер, ни Геншер не поднимали. Его поднял президент. Заявив, что он поддерживает самоопределение, Буш спросил: «Произойдет ли воссоединение быстрее, чем кто-либо из нас думает?» Геншер ушел от прямого ответа и стал говорить, что на сей счет высказывается много мнений и все они разные. Прежде всего в ГДР должна утвердиться демократия – тогда станет яснее. Но ФРГ будет придерживаться своих обязательств в отношении НАТО и ЕС. «Все это должно делаться так, чтобы не напугать Советский Союз».

² Zelikow Ph., Rice C. *Germany Unified and Europe Transformed. A Study in Statecraft.* Cambridge, Massachusetts; London, England: Harvard University Press, 1995. P.113.

А при встрече со Скоукрофтом тот прямо спросил Геншера, не следует ли ожидать, что Горбачев на Мальте предложит заключить мирный договор с Германией, чтобы решить вопрос о ее статусе и границах. Геншер сказал, что сомневается в этом. Он полагал, что Горбачев будет предлагать провести саммит государств СБСЕ для подталкивания к успешному завершению переговоров по обычным вооружениям в Европе. Однако Геншер был против любых переговоров по Германии, где доминировали бы четыре державы. Мы не хотим опять занимать место «за кошачьим столом», заявил он³.

В общем, такая политика Бонна Америку устраивала. Поэтому во второй половине ноября подход США и ФРГ к самоопределению немцев в целом совпадал. А в качестве ближайшей цели они выдвигали установление демократии в Восточной Германии. Но в Лондоне и Париже считали, что еще не настало время обсуждать объединение Германии даже под прикрытием самоопределения. А тем более – предпринимать какие-либо шаги к этому.

Об этом прямо и жестко заявила Бушу М.Тэтчер на их приватной встрече в Кэмп Дэвиде 24 ноября. В настоящее время, подчеркнула она, главная задача – это движение к демократии в ГДР. А для этого необходима стабильность. Ее может обеспечить сохранение как НАТО, так и ОВД. И тут самоопределение не главное. Стоят также вопросы о границах, роли четырех держав в Берлине, позиции СБСЕ о нерушимости границ. Воссоединение будет означать поражение для Горбачева. Он потеряет также Варшавский договор. Поэтому она призывала Буша вместо самоопределения сконцентрироваться на демократизации ГДР. «Президент прямо не противоречил мне», пишет она в своих мемуарах. Но «атмосфера не улучшилась в результате наших дискуссий»⁴.

И Тэтчер была не одинока. Ее опасения разделял Миттеран и многие другие руководители европейских стран, хотя высказывались более осторожно. Особенно на публике.

Сидеть и не рыпаться

А Москва занимала позицию, близкую Европе. Только ничего не делала, уповая, как говорил Горбачев, на то, что все решит история. Но сделает это не скоро – может быть, через 100 лет.

³ *Ibid.* P.114.

⁴ *Thatcher M. The Downing Street Years. N.Y.: Harper Colins, 1993. P.794.*

Правда, тут нужно сказать, что сразу же после падения Берлинской стены в Москве, на самом верху, при Горбачеве, был создан специальный кризисный штаб. В него входили такие важные персоны, как А.Н.Яковлев, Э.А.Шеварднадзе, Д.Т.Язов, В.А.Крючков, А.С.Черняев, Г.Х.Шахназаров и В.М.Фалин. Вот только, как свидетельствует известный германист, заведующий Международным отделом ЦК В.М.Фалин, в полном составе штаб этот собирался ... «максимум два раза»⁵. И на первом заседании Горбачев поставил вопрос ребром:

– *Что можно сделать за исключением использования наших войск?*

Помощники Генерального, Черняев и Шахназаров, высказались за то, чтобы предоставить ГДР своей судьбе; смириться с тем, что объединенная Германия вольется в НАТО; и думать больше о спасении собственного лица. Министр обороны Язов молча слушал, а шеф КГБ Крючков доложил, что в ГДР устанавливается двоевластие: ФРГ, ее правительство, партии и средства массовой информации ведут себя там как дома.

Высказал свое мнение и Фалин. Сегодня не та обстановка, говорил он, чтобы выдвигать предварительные условия объединения. Внутренние параметры единства пусть определяют сами немцы. За нами же сохраняется право сказать свое слово насчет внешних предпосылок процесса. Не противиться объединению. Но речь должна идти об объединении двух суверенных государств, учитывающем международные обязательства каждого из них, а не о поглощении большим меньшего. Об объединении, не противоречащем законным интересам других европейских государств и мирному порядку в Европе в целом. Соответственно неверно настраиваться на фатальную неизбежность распространения сферы действия НАТО на Восточную Германию.

Яковлев вроде бы в основном разделял этот анализ, но в практических выводах был, как всегда, осторожен. Шеварднадзе слов не экономил. «Внимательно следить за развитием положения», «целесообразно войти в контакт с французами», «избегать заявлений, которые свяжут нам руки». Короче говоря, подстраивался под настроение Генерального секретаря.

Заседание кризисного штаба завершилось тогда предложением – всем думать.

⁵ *Здесь и далее мною использованы материалы из воспоминаний В.М.Фалина: Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства. М.: Республика; Современник, 1999. С.444 – 445; Он же. Конфликты в Кремле. М.: Центрполиграф, 1999. С.163 – 164.*

В общем, получалось, что наверху видели: объединение Германии уже стоит в повестке дня. Только тогда почему несколько дней спустя, 21 ноября, принимая премьер-министра Канады Брайана Малруни, Горбачев уверенно заявил: *«Что же касается германского вопроса ...это не актуальный вопрос сегодняшнего дня. Сегодня реальностью являются два государства, входящие в ООН и в существующие военно-политические структуры?»*

Неудивительно поэтому, что ни в МИД, ни в ЦК позиции в отношении германского объединения не разрабатывались: указаний не было. Хотя на нижних этажах этих высоких учреждений попытки делались. Но все предложения на сей счет просто клялись под сукно.

Так поступили, например, с предложением нашего посла в Бонне Юлия Квицинского. В те дни он слал в Москву одну за другой телеграммы, в которых говорилось, что после открытия границ ГДР ее существование становится лишь вопросом времени, причем довольно ограниченного. Запоздавая демократия и гласность не заставят немца по-прежнему работать в ГДР, если в 100–200 км западнее за ту же работу он будет получать в 4–6 раз больше и будет иметь возможность свободно туда проехать. В общем, подчеркивал Квицинский, воссоединение становится неизбежным. Поэтому нам нецелесообразно выступать против национального единства немцев. Нужно, чтобы инициативу в этом вопросе проявила новая ГДР и с предложением о создании немецкой конфедерации выступили новые политические партии и движения. Если это сделает СЕПГ, то ей, скорее всего, не поверят. Но если лозунг конфедерации будет исходить от демократических сил, то его поддержат многие партии в ФРГ.

Интересно, что почти сразу же Квицинский получил ответ от Шеварднадзе с поддержкой такого подхода. Однако затем последовал звонок из Москвы от заведующего Третьим европейским отделом МИД А.П.Бондаренко, который «советовал» не воспринимать телеграмму министра как окончательное мнение. Это-де всего лишь свидетельство интереса к его соображениям, которые, однако, во многом являются поспешными и спорными. Ситуация необоснованно драматизируется, а на самом деле ни о каком исчезновении ГДР не может быть и речи – мы это не допустим. Как пишет в своих мемуарах Квицинский, Бондаренко «попусту звонить бы не стал. Значит, ему кто-то что-то сказал»⁶. И опять ничего не делалось.

⁶ Квицинский Ю. *Время и случай*. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999. С.13 – 14.

* * *

В Вене, где нам приходилось заниматься разработкой новой системы европейской безопасности в условиях значительного сокращения вооруженных сил в Европе, мы, может быть, особенно остро чувствовали, как объединение Германии стучится в дверь. И в кулуарах об этом говорили весьма откровенно. Ведь разрабатываемая нами система строилась на основе сохранения строгого баланса сил между двумя военными блоками, где Германия разделена и одна ее часть входит в НАТО, а другая – в ОВД.

Но что произойдет с балансом сил в Европе, если Германия вдруг объединится? Одна ситуация и соответственно новая система европейской безопасности должна строиться, если эта Германия станет, скажем, единым, нейтральным государством. Совершенно другая, если она войдет в НАТО. И совершенно противоположная, если станет членом Варшавского Договора, что теоретически исключать нельзя. Короче говоря, объединение Германии, европейская политика и сокращение вооружений в Европе завязаны теперь в один тугой узел. Как их решать?

Инициатором таких неофициальных дискуссий нередко выступал посол Франции Франсуа Плейзан – умный и осторожный дипломат, говоривший мне: «Олег, тут нам нужно думать вместе». Активно участвовал в дискуссиях и британский посол Пол Ливер.

На основе такого рода бесед уже в середине ноября я отправил в Москву телеграмму, в которой предлагалось передать все вопросы, касающиеся объединения Германии, на рассмотрение СБСЕ. Это позволило бы, прежде всего, затянуть принятие конкретных решений на многие годы, что прочно обеспечивалось, с одной стороны, составом участников СБСЕ, где за объединение выступали бы только два германских государства да еще США, а с другой, – самой процедурой принятия решений, когда оно может быть надолго заблокировано всего лишь одним маленьким государством, скажем, Мальтой.

И, главное, это позволило бы вписать германское объединение в контекст создания новой системы безопасности в Европе. Для этого мы могли бы обусловить заключение Договора о сокращении обычных вооружений в Европе таким объединением Германии, которое удовлетворяло бы все стороны европейского процесса. А это, в свою очередь, проложило бы путь к максимальной нейтрализации Германии.

С этой целью в качестве программы-максимум можно было предложить образование нейтральной Германии, не входящей в военные блоки. В практическом плане это едва ли удастся осуществить, так как против будут многие европейские государства, и прежде всего Франция и Англия.

Но реально можно было бы вести дело к образованию такой единой Германии, которая входила бы в Европейский Союз или, в крайнем случае, в НАТО, но без размещения на ее территории чьих-либо иностранных войск, ядерного оружия и военных баз. Все это могло бы стать вполне реальным и достижимым итогом переговоров в рамках СБСЕ в Вене.

Мне было известно, что предложения, схожие в том, что касалось объединения Германии в контексте строительства европейской безопасности, направил в Париж и посол Плейзан. Не знаю, что ответили ему из столицы Франции. А вот из Москвы, как тогда стало обычным, – тишина, никакой реакции. Выждав немного, я позвонил заместителю министра Виктору Карпову, который курировал наши дела, и спросил, какова судьба посланной мною «бумаги».

– *Лежит*, – ответил Карпов. – *Ты же знаешь, у нас сегодня не стоит... этот вопрос. Будем посмотреть, что там шевелится у американцев.*

Завуалированный в шутку, чтобы не понял подслушивающий нас враг, намек на позицию Горбачева был мне ясен. А в начале декабря должна была состояться встреча в верхах Горбачев – Буш на Мальте. Короче говоря, сидеть и не рыпаться.

Разведчик или провокатор?

И вот в самый разгар этого прописанного сверху ничегонеделания в Бонне неожиданно появился сотрудник Международного отдела ЦК КПСС Николай Португалов.

В политических кругах Западной Германии его хорошо знали: он был кадровым сотрудником Первого главного управления КГБ, пребывая в Бонне в качестве корреспондента АПН и Литературной газеты, о чем впоследствии написал в своих мемуарах, опубликованных в Германии. А вернувшись в Москву, стал служить в Международном отделе ЦК. Это был вальяжный, хорошо эрудированный и остроумный собеседник, который порой высказывал весьма вольные суждения, выходящие за рамки официальной советской позиции. Поэтому в Бонне встречались с ним с интересом.

А там, в отличие от Москвы, на самом верху кипели страсти вокруг новой политики в германском вопросе. Тем более что канцлер Коль дал указание действовать. Сложившуюся ситуацию в Германии он считал «приоткрывшимся окном возможностей» для объединения страны. Эту возможность он твердо решил не упускать.

И вот в самый разгар начавшихся в штабе Коля споров, куда и как вести дело, его помощник Хорст Тельчик встречается с этим Португаловым. Они давно знакомы, и разговор, естественно, идет о ситуации в Германии и ее возможном объединении. Все вроде бы как положено по дипломатическому этикету. Но неожиданно Португалов, как пишет Тельчик в своих мемуарах, передает ему написанный от руки документ, извиняясь за свой почерк и плохой перевод. Первая, официальная часть этого документа, говорил он, согласована с внешнеполитическими советниками президента Фалиным и Черняевым. А далеко идущие соображения во второй, неофициальной части он обсуждал только с Фалиным и наспех написал уже здесь, в отеле. «Как вы видите, – заключил Португалов, – в германском вопросе мы размышляем альтернативно обо всех возможных и даже немыслимых вариантах»⁷.

Документ этот в Германии был недавно рассекречен и опубликован. Вот он передо мной. В первой его части «Официальная позиция» содержатся уже не раз публиковавшиеся повторы из заявлений Горбачева и других официальных документов. Тут не было ничего нового для искушенных немецких политиков.

А вот во второй его части «Неофициальные соображения» действительно содержалось то, что могло привести их в изумление. Например, пункт 9. «Можно представить, что Советский Союз в обозримом времени, то есть среднесрочно, может дать зеленый свет созданию германской конфедерации. Это предполагает, что на немецкой земле не должно быть больше никакого иностранного ядерного присутствия. Возможно, это будет единственным обязательным условием, за которое Советский Союз сможет сохранить свое лояльное отношение к будущему германскому урегулированию»⁸.

* * *

События далее развивались стремительно. 23 ноября Тельчик сообщил Колю, что двумя днями ранее он беседовал с сотрудником Международного отдела ЦК КПСС Португаловым и тот сказал ему, что «поддержка конфедерации между ГДР и ФРГ со стороны Советского Союза представляется ему возможной».

⁷ Teltchik H.T. 329 Tage: Innenansichten der Einigung. Berlin: Siedler, 1991. S.42 – 44.

⁸ Deutsche Einheit: Sonderedition aus den Akten des Bundeskanzleramtes 1989/90. München, 1998 (Dokumente zur Deutschlandpolitik). Dokumente № 112 A. S.616 – 618. См. также: Петелин Б.В. «Документ Португалова» о позиции советского руководства по германскому вопросу. 21 ноября 1989 г. // Вопросы истории. 2005. № 10.

– Если Горбачев и его консультанты, – говорил Тельчик, – дискутируют о возможностях объединения и связанных с этим вопросах, то наступил тот момент, когда мы не можем действовать как прежде, а должны переходить в наступление.

И посоветовал канцлеру воспользоваться намеченным на 28 ноября его выступлением в парламенте, чтобы изложить программу новой германской политики, взяв на себя лидерство в формировании общественного мнения.

Поначалу Коль сомневался. Но, в конце концов, согласился при условии, что пока речь пойдет только о «конфедеративных структурах»⁹.

Так возник костяк программы из 10 пунктов, предусматривавшей постепенный, трехэтапный переход от договорного сообщества через конфедеративные структуры к федерации, то есть к государственному единству.

Причем программа эта была сформулирована весьма осторожно и оставляла открытым вопрос о временных рамках ее осуществления. Так, в пункте 3 в самых общих выражениях говорилось, что сотрудничество с ГДР будет расширяться по мере того, как там станут осуществляться решения по коренному преобразованию политической и экономической системы. Следующим шагом (п.4) должно стать «договорное сообщество», где будет все более плотная сеть соглашений во всех областях и на всех уровнях по созданию совместных институтов. И только после этого (п.5) правительство ФРГ будет готово пойти на создание конфедеративных структур между обоими государствами с конечной целью перехода к «федерации Германии».

А далее шли еще более общие обещания, что будущая архитектура Германии будет вписываться в будущую архитектуру Европы, а процесс ее воссоединения станет общеевропейским делом и должен рассматриваться в связи с европейской интеграцией. И особо подчеркивалось, что ядром будущей общеевропейской архитектуры является процесс СБСЕ, который должен получить серьезное ускорение (Пункты 6, 7, 8, 9).

В общем, ничего страшного для интересов СССР в этой программе не содержалось. В ней было скрыто немало тормозов, на которые всегда можно было бы нажать в случае необходимости.

⁹ Мертес М. *Немецкие вопросы – европейские ответы*. М.: Московская школа политических исследований, 2001. С.108.

* * *

Поездка Португалова в Бонн и его «неофициальные» откровения до сих пор остаются загадкой. Если они были санкционированы Горбачевым и его окружением, то получается, что это Советский Союз подтолкнул Коля к выступлению с его знаменитой программой из 10 пунктов создания германской конфедерации. А если нет, то что это? Безграмотная самодеятельность зарвавшегося выскочки? Или игра каких-то неведомых сил, которые хотели спровоцировать конфликт между Горбачевым и Кодем или, наоборот, подтолкнуть Коля к выступлению с такой программой, а потом убедить Горбачева, что у него нет иного выхода, как согласиться?

Ясного ответа до сих пор нет. Сам Португалов на коллоквиуме по проблемам объединения Германии (сентябрь 2003 г.) утверждал, что «его миссия и есть тот закрытый канал», который был задействован советским руководством в той конкретной ситуации. Однако основные действующие лица той недалекой истории с ним не согласны.

Известный немецкий историк А. фон Плато провел собственное исследование, беседуя с Горбачевым, Черняевым, Фалиным, Крючковым. И вот что они свидетельствуют. Горбачев и Черняев говорят, что ничего не знали об этой деятельности Португалова. А вот Крючков, бывший тогда шефом КГБ, заявил, что Португалов был человеком Александра Яковлева, и это уточнение, по его словам, позволяет «додумать ситуацию до конца». И только Фалин в одном из интервью 1999 года признал, что показания Португалова были правильны¹⁰.

В беседе со мной Фалин подтвердил, что он и Черняев послали тогда Португалова в Бонн. Цель – обеспечить стабильность и бескровность происходящих в Германии перемен. И особо подчеркнуть: «Если не будет нападения на наши войска, то они останутся в казармах». В то время, говорил Фалин, мы обсуждали возможные варианты будущего Германии, включая конфедерацию. Португалов знал об этом, и от немцев это не нужно было скрывать.

Вот так постепенно раскрываются загадки истории. Только все еще непонятно, почему уже через несколько дней после выступления Коля Горбачев в пух и прах разнес этот его план из 10 пунктов?

¹⁰ Von Plato A. *Die Vereinigung Deutschlands – ein weltpolitisches Machtspiel: Bush, Kohl, Gorbatschow und die geheimen Moskauer Protokolle*. Berlin, 2002. S.113–119.

* * *

Но вернемся к ноябрьским событиям в Бонне. Может быть, они помогут нам разобраться в происходящем.

24, 25 и 27 ноября в группе на «чердаке» продолжались дискуссии о наиболее спорных, острых пунктах программы Коля и о том, как их изложить. Например, участие объединенной Германии в НАТО. В ходе дискуссии Коль не подвергал сомнению, что она должна войти именно в этот союз. Однако в ноябре 1989 г., как пишет один из участников этих дискуссий Михаэль Мертес, не было «ни малейшего повода надеяться, что федеральному правительству удастся при американской поддержке отвоевать у Советского Союза подобную уступку». Поэтому натовской теме надо было хотя бы коснуться, но, сделав это так, чтобы не провоцировать Советский Союз, с одной стороны, а с другой, – не создавать у союзников впечатлений, что ФРГ «перед алтарем воссоединения готова пожертвовать НАТО в пользу СБСЕ». В результате в п.10 была включена расплывчатая формулировка об «общих структурах безопасности в Европе».

В программе этой был также явный пробел: в ней ни слова не говорилось о границе объединенной Германии. В ходе дискуссии Коль выступал за то, что она по-прежнему должна проходить по Одеру–Нейсе. Но... учитывая решение Федеративного Конституционного Суда и настроения некоторых электоральных групп, сюжет о границах было решено вообще опустить из программы¹¹. А это вызвало потом немало вопросов и нареканий.

Программа Коля творилась в строгой тайне. Даже ближайшие союзники не были проинформированы заранее о готовящемся выступлении канцлера. Поэтому его речь в парламенте 28 ноября с изложением программы из 10 пунктов поэтапного воссоединения Германии через конфедеративные структуры вызвала настоящую бурю. В Германии Коль сразу же стал национальным лидером. А вот Европа, впрочем, как он и ожидал, обрушила на него лавину критики: ведь там считали, что на германском вопросе уже давно поставлен крест.

А как реагировали на это в Москве?

Поначалу Горбачев просто повторил то, что уже не раз говорил раньше: «*Воссоединение Германии не актуальный вопрос*». Изрек он это 30 ноября в беседе с главой правительства Италии Дж.Андреотти и отправился на Мальту вести переговоры с Бушем.

¹¹ Мертес М. Указ. соч. С.109 – 118.

Историки холодной войны до сих пор спорят, что было бы, если бы... Горбачев взял инициативу в свои руки и согласился с предложением Квицинского, чтобы ГДР выступила с предложением о конфедерации двух германских государств, или хотя бы поддержала предложение Коля о такой конфедерации? Ведь в этом случае оба германских государства, и прежде всего ФРГ, были бы поставлены перед выбором – объединиться или быть в НАТО. И многие специалисты не без основания считают, что выбор был бы в пользу объединения. Во всяком случае присутствие Германии в НАТО могло быть сильно урезано различными ограничениями. И уж при всех обстоятельствах процесс объединения в рамках конфедерации от одного этапа к другому затянулся бы на многие годы.

Так почему Горбачев с ходу отверг этот путь к объединению? Документальных свидетельств нет. Но, судя по его поведению, скорее всего потому, что не хотел брать на себя ответственность, полагаясь на то, что все решит история, но без него, лет, эдак, через 50 или даже 100.

И тут возникает сакраментальный вопрос: так была ли у Советского Союза какая-либо разработанная программа действий в этой ситуации, когда стало ясно, что воссоединение Германии реально и неизбежно? Причем «когда?» и «как?» были те самые вопросы, которые нужно было решать незамедлительно.

Как это ни парадоксально звучит сегодня, но ее не было. И могу засвидетельствовать, что ни в МИДе, ни в ЦК она тогда не разрабатывалась. Поэтому получилось, что двойственность политики Горбачева, отсутствие стратегической линии и упование на то, что все-де «решит история» через 50–100 лет, открыли дорогу обвальному воссоединению Германии без учета интересов Советского Союза. Как пишет в своих воспоминаниях бывший заместитель заведующего Международного отдела ЦК Карен Брутенц, «записи бесед с руководителями стран Восточной Европы показывают, что Горбачев давал обещания, которые не собирался выполнять, формулировал оценки, от которых отказывался через несколько дней, говорил разным собеседникам совершенно разное по одним и тем же вопросам, будучи нередко откровеннее и искреннее с западниками, чем со своими "братьями"»¹².

¹² Брутенц К.Н. *Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройке. М.: Международные отношения, 2005. С.486.*

Это по сути дела признал и верный помощник Горбачева Анатолий Черняев. На Нобелевском симпозиуме-2002, отвечая на критику выступавших, что Горбачев нередко противоречил сам себе, Черняев заявил: да, Горбачеву приходилось «крутиться, вертеться, хитрить, изворачиваться». На что последовала реплика из зала: важно не столько то, что МС думал, сколько то, что он говорил.

Трудно поэтому не согласиться с выводами, которые сделали в отношении такой политики в Вашингтоне и на Западе вообще. Известные американские политики-дипломаты К.Райс и Ф.Зеликоу пишут: «Сбивчивые послания из Москвы – один день тревожные, другой – спокойные, жесткие с одними официальными лицами и уступчивые с другими, – установили своего рода шаблон поведения, повторяющегося снова и снова из месяца в месяц. Чувствовалось, что после падения Берлинской стены Москва начала лавировать, а не разрабатывать стратегию, имеющую конечную цель. Это, в свою очередь, позволило другим установить повестку дня, эксплуатируя советскую нерешительность»¹³.

Первые контакты с руководством НАТО

В разгар этих германских страстей в Вене 10 ноября начался очередной раунд переговоров по обычным вооружениям. И тут же замер. Наши западные партнеры, особенно англичане и французы, потупив очи долу, ссылались на то, что у них нет инструкций. А в частных беседах за бокалом вина говорили страстно и горячо:

– Посмотрите, что происходит в Германии! Вы можете сказать, что с ними будет и где они будут через год или два, а то и раньше?

Руководствуясь понуканиями из Москвы, мы пытались убеждать, что объединение не стоит в повестке дня, а если и произойдет, то не при нашей жизни, а лет эдак через 50 или 100, ссылаясь при этом на Горбачева и Коля. Но в ответ шли насмешки вроде такой: «Вы что, переговоры эти надеетесь вести сто лет?»

Обо всем этом мы старались честно информировать Москву. Вот пример одного из наших сообщений из Вены тех дней.

«В последнее время натовцы потеряли интерес к обсуждению вопроса о сокращении личного состава. Если раньше в неофициальном плане они зондировали решение проблемы сокращения иностранных войск в Центральной Европе, то теперь уклоняются от разговора на эту тему.

¹³ Zelikow Ph., Rice C. *Op. cit.* P.109.

Суть их высказываний сводится к тому, что события в Центральной и Восточной Европе опережают ход переговоров. Дается понять, что речь могла бы идти о более радикальных сокращениях войск, чем это предусмотрено в нынешних предложениях сторон. Затрагивается и вопрос о возможном сокращении советских войск в Восточной Европе, в частности в ЧССР и ГДР. В общем, высказывается опасение, что предлагаемые сейчас обеими сторонами потолки по войскам на чужих территориях, могут оказаться недостаточными в контексте дальнейшей эволюции военно-политической обстановки в Европе. Это новый момент в обстановке на переговорах, который в определенной мере оказывает сдерживающее влияние на развитие позиций сторон»¹⁴.

Стали меняться, причем кардинальным образом, и наши отношения с союзниками. Теперь они все больше занимали откровенные пронаатовские позиции. Но тут проглядывал некий поколенческий разрыв, граница которого пролегла где-то в районе 50 лет. Те, что старше, явно тяготеги к нам, хотя и осторожно, с оглядкой на то, что происходит дома. А вот дипломаты моложе пятидесяти уже почти в открытую рвались в объятия Запада. И получалось так, что порой нам легче было вести диалог и согласование с НАТО, чем с «друзьями». Впрочем, тут у нас вскоре появился решающий аргумент:

– Не хотите договариваться и выступить с единой позицией на основе того, что мы вам предлагаем? Не надо. Тогда мы сами будем договариваться с натовцами. Они ведь заинтересованы в сокращении не ваших, а наших войск. И тогда уже не мы, а они будут вас уламывать.

Такая перспектива противостояния с НАТО наших союзников явно не устраивала, и они шли на уступки. Хотя неохотно и не всегда.

Разброд, правда, не столь явный, наблюдался и в стане НАТО. Но там просто не знали, куда вести дело в условиях надвигавшихся перемен в Европе. И тут дипломатическую Вену буквально взбудоражило сообщение о приезде Генсека НАТО Манфреда Вернера.

Он был коротким – всего один день 21 ноября. С утра Вернер встречался с послами ведущих натовских стран, а потом – и с некоторыми послами из стран Восточной Европы. А вечером западногерманский посол Р.Хартман устраивал для него хойригер¹⁵ в одном из ресторанчи-

¹⁴ Из архива автора.

¹⁵ Хойригер – традиционный австрийский праздник молодого вина, где оно подается вместе с белыми сосисками и кислой капустой. Происходит это обычно в Гринциге – богемном районе Вены, вроде Парижского Монмартра, неподалеку от Венского леса.

ков в Гринциге, куда были приглашены все руководители делегаций на конференции. Но еще накануне Хартман сообщил мне, что Вернер хотел бы встретиться со мной приватным образом, не афишируя нашу встречу.

Это было уже нечто новое. Контакт с руководством НАТО в те годы у нас не было и быть не могло: это были заклятые враги. Но все менялось – пора было и здесь начинать диалог. Поэтому я решил встретиться с ним, хотя времени посоветоваться с Москвой уже не было.

Проплутав по Гринцигу, мы подъехали к маленькому неказистому заведению под старину, которыми и славится этот район Вены. Все было как в хорошем шпионском детективе. У ворот меня уже ждали. Незнакомец невзрачного вида на хорошем русском языке спросил: «Господин Гриневский? Господин Генеральный секретарь приехал пять минут назад».

Мы прошли через двор, который должен был обозначать фермерскую усадьбу прошлого, или даже позапрошлого, века. Но направились не туда, где был большой дом с просторными помещениями и где обычно проводились хойригеры, а чуть влево, к маленькой пристройке для слуг или работников. Комнатка действительно была маленькой и стилизована под бедное деревенское жилье: грубый деревянный стол, на нем 2 кувшина с белым и красным вином, небольшие пивные кружки. Навстречу поднялся человек несколько странного облика: он был грузен телом, но с худым лицом, черты которого были резки и энергичны. Они усиливались и категоричностью суждений.

– Рад познакомиться, – начал он. – Мы надеемся, что вы добьетесь здесь успеха. Но сейчас главное – это события в Восточной Европе. Не повлияют ли они негативно на переговоры. Роль союзов в этих условиях приобретает новое значение. Как понимать высказывания Шеварднадзе о том, что суть Варшавского Договора меняется?

Я сказал, что роль союзов сейчас действительно меняется – не только ОВД, но и НАТО. Но безопасность в Европе по-прежнему строится на существовании этих двух союзов. Они главные гаранты стабильности, происходящих здесь перемен. В Вене мы ведем дело к договоренности, которая должна устранить угрозу внезапного нападения и саму возможность возникновения крупномасштабных войн в Европе, которые потрясли этот континент в прошлом. Но одного сокращения воо-

Живут там в основном писатели, художники, композиторы и проститутки. В свое время там жили Бетховен и Кафка.

ружений мало; на их основе должны создаваться новые экономические, политические и социальные структуры, обеспечивающие безопасность.

Такой ответ Вернеру явно понравился. Он тоже порассуждал на эту тему и перешел к ситуации в Восточной Европе:

– Мы видим, что Советский Союз действительно обеспечивает право на самоопределение народов стран Восточной Европы, включая ГДР. Это главное достижение перестройки. На очереди теперь воссоединение Германии и это уже не политическая проблема завтрашнего дня. Ею придется заниматься сегодня, и, разумеется, делать это будут сами немцы. Но важно уже сейчас, не откладывая в долгий ящик, определиться, какой международный орган будет решать все внешние вопросы, касающиеся воссоединения, – незыблемость границ, безопасность и стабильность в Европе.

Я высказал предположение, что лучше всего делать это в рамках СБСЕ. Но Генсек отнесся к этому скептически.

– Тут слишком много участников, – сказал он, – которые не имеют непосредственного отношения к делу. А это может затянуть решение проблемы до бесконечности, и тогда ситуация может выйти из-под контроля. Видимо, это лучше всего было бы поручить четверке держав – США, СССР, Англии и Франции, которые в прошлом уже занимались этим делом.

Потом Вернер спросил, как идут дела на переговорах. Я подробно рассказал, выделив 3 проблемы: авиацию, персонал и региональное деление вместе со складскими вооружениями. Для их решения нужен импульс, который может дать совещание министров иностранных дел в Оттаве.

После окончания разговора перешли в большой дом, где хойригер был уже в полном разгаре. Когда мы вошли вместе с Вернером, у многих коллег «отпала челюсть». Они явно не ожидали этого.

Разумеется, в тот же вечер я сообщил об этой беседе в Москву. Реакции не последовало.

А в Вене наступил застой. В обстановке начавшихся перемен в Восточной Европе, когда в повестку дня буквально ворвалось объединение Германии, там просто не знали, куда вести дело. И все взоры были обращены к Мальте: там должна была, наконец, состояться встреча руководителей двух сверхдержав – Горбачева и Буша, – что они решат?

О чем мечтали в Москве и Вашингтоне

Политические бури поздней осени 1989 года кардинально изменили весь облик Восточной Европы. Бескровные революции в Польше, Венгрии и Чехословакии смели многолетнее коммунистическое правление. Ему на смену пришли «социалистические» режимы, явно дрейфующие к западному капитализму. В Болгарии 9 ноября было свергнуто 35-летнее правление Тодора Живкова и у власти оказалось пока еще реформистское, перестроечного толка правительство Петра Младенова. В Восточной Германии рухнула Берлинская стена, произошла смена правительств и в повестку дня незримо встал вопрос о германском воссоединении. Только в Румынии еще оставался прежний, теперь уже явно изживший себя, режим Николае Чаушеску, дни которого были сочтены.

Но картина эта была бы далеко не полной, если не сказать, что горбачевская перестройка внутри Советского Союза переживала далеко не лучшие времена. Начались национальные волнения, промышленное и сельскохозяйственное производство падало, полки магазинов были пусты, покупательная способность рубля снизилась до предела, а экономическая реформа еще только горячо обсуждалась в печати. И аналитики ЦРУ в Вашингтоне лихорадочно подсчитывали, чего больше в этой загадочной стране – национальных беспорядков или демонстраций с экономическими требованиями. На этой основе составлялись диаграммы и прогнозы.

Вот в такой непростой обстановке Москва и Вашингтон вели переговоры об очередной встрече в верхах. Причем с самого начала эти переговоры были строго засекречены, на чем особо настаивали американцы.

Еще в июле Буш направил Горбачеву секретное послание с маршалом Ахромеевым, в котором предлагал провести неформальную встречу без протокола, без эскорта советников, окружающих своих боссов и мешающих им свободно поговорить, и, конечно же, без телевизионных камер и назойливых журналистов, которые не дают спокойно работать.

Горбачев согласился и велел мидовскому замминистра Александру Бессмертных отвезти ответное послание с поручением обговорить место и условия проведения этой неформальной встречи в верхах. Строго секретные переговоры с ним в Белом доме вел сам президент Буш. Он предложил, чтобы встреча двух лидеров состоялась в США либо в резиденции президента Кемп Дэвид на склоне Аппалачских гор подальше от

Вашингтона, либо в его собственном загородном доме в Кенненбанк-порте, где в приватной обстановке он уже принимал президента Франции Миттерана.

Но ехать в Америку Горбачев не желал: получалось, что ездит туда он очень часто, и его противники станут утверждать, что он зачастил на поклон к дядюшке Сэму. Хотя Буш предлагал даже сделать местом их встречи Аляску – на полпути между Москвой и Вашингтоном и совсем рядом у границ Советского Союза на Чукотке.

Такие секретные переговоры тянулись нудно и долго. И только 31 октября Шеварднадзе в Москве и Буш в Вашингтоне объявили, что 2 и 3 декабря состоится встреча в верхах на военных кораблях возле острова Мальта. Мировая печать тут же откликнулась броскими заголовками, станет ли Мальта второй Ялтой, где две сверхдержавы решат судьбу Германии? И гадали, почему был избран именно этот остров в Средиземном море?

А ответ до изумления прост – никакой политики. Там отдыхал младший брат Буша – бизнесмен Уильям по прозвищу «Брыкун», и остров ему понравился. Дома, в семье Бушей, он его всячески расхваливал, и потому президент предложил Мальту в качестве места встречи. А Горбачеву Мальта показалась удобной, поскольку в конце ноября должен был состояться его визит в Италию, а оттуда до Мальты рукой подать.

А далее уже высокими дипломатами была придумана такая аранжировка этой встречи: к нейтральной Мальте подходят 2 военных корабля – советский и американский. Они как бы символизируют военную мощь обоих государств, и с таких позиций Буш и Горбачев станут решать мировые проблемы. Причем их беседы будут проходить поочередно то на одном, то на другом корабле. Все на равных, никто не ущемлен – встречи проходят то на одной, то на другой «национальной территории».

Естественно возникает вопрос, ну а что тут такого секретного и почему на этом особенно настаивали американцы? Дело в том, что Буш боялся утечки информации в прессу, после чего в Америке, и особенно в Конгрессе, закипят страсти, которые будут мешать ему выработать позицию к предстоящим переговорам. И хотел, чтобы неожиданное объявление о его встрече с Горбачевым оказалось сюрпризом, который поднимет его падающий авторитет в Америке.

Поэтому в ближайшем окружении президента США о намечавшейся встрече знали лишь с десятков человек. А в Госдепе и того меньше – всего два человека, не считая Бейкера. В Москве этот список, правда,

был побольше. В него входили советники Горбачева, а в МИДе, помимо Шеварднадзе, – только его доверенные помощники Степанов, Тарасенко, Иванов, заместители министра Бессмертных и Карпов. Даже Отдел США был отключен от этого сверхсекретного дела. В такой же строгой тайне в обеих столицах шла выработка позиций к встрече.

Буш начал с того, что стал приглашать на беседы видных политических деятелей США. Не раскрывая, что готовится встреча с Горбачевым, он интересовался их оценкой перемен, происходящих в Советском Союзе и Восточной Европе, и какой должна быть политика США. С этой целью в Белый дом позвали Ричарда Никсона, Збигнева Бжезинского, Генри Киссинджера, Джеймса Шлесинджера, Джин Киркпатрик и других.

Интерес представляют рекомендации Бжезинского и Киссинджера.

Бжезинский, который совсем недавно побывал в Советском Союзе, говорил, что политическая свобода без серьезных экономических реформ порождает социальное отчаяние в советском народе, который теперь открыто выражает свои чувства. Отсюда вывод: чтобы удержаться у власти, Горбачеву надо обратить самое серьезное внимание на экономические реформы.

А Киссинджер основное внимание уделил проблеме объединения Германии. В беседе, которая состоялась 13 ноября, он прямо заявил Бушу, что воссоединения не остановить. Поэтому для США было бы катастрофой продолжать прежнюю политику, основанную на существовании двух германских государств. Дав согласие на их объединение, Горбачев получит шанс образовать единый блок с Колем, повернув его против США. И вывод: Берлинская стена была символом разделения Европы. Теперь «запретная черта» для Горбачева – это потеря Восточной Европы, особенно если объединенная Германия войдет в НАТО. А «запретная черта» для США – объединенная Германия как нейтральное государство¹⁶. На этой основе и надо строить политику.

Кроме того, аналитики ЦРУ и Пентагона докладывали Бушу о положении дел в советской экономике, национальных проблемах и состоянии вооруженных сил. И вот что интересно – в конце 1989 г. ЦРУ давало осторожно пессимистичные оценки будущей судьбы перестройки и самого Горбачева. Вот перед нами недавно рассекреченный доклад ЦРУ «Национальная Разведывательная Оценка 11-18-89. Советская система в

¹⁶ Beschloss M.R., Talbott S. *At the Highest Levels. The Insight Story of the End of the Cold War*. L.: Little Brown and Company, 1993. P.138, 140.

кризисе: Перспективы на следующие два года», представленный Бушу в ноябре 1989 г.:

«Кризис, ускоряемый долго кипящими проблемами и горбачевской политикой в отношении них, будет продолжаться в течение следующих двух лет и после и может угрожать выживаемости системы». А в качестве этих «долго кипящих проблем» были подробно описаны национальные волнения, трудности в экономике. И такой вывод: «В то же время изменения в советском руководстве за последний год сделали позиции Горбачева относительно безопасными на период следующих двух лет и предвещают более радикальный подход к решению этих страшно серьезных проблем страны».

Однако тут же приводилась альтернативная точка зрения заместителя директора ЦРУ (имя не называется), который утверждал, что пребывание Горбачева у власти в течение двух последующих лет поведет к «хаосу, сопровождаемому большей политической нестабильностью, социальными взрывами и межнациональными конфликтами... и что Горбачев будет постепенно терять контроль над событиями»¹⁷.

Пессимистические оценки, видимо, возобладали. И чтобы подготовиться к худшему, при Совете Национальной Безопасности была создана специальная секретная группа во главе с директором советского отдела Кондолизой Райс для изучения возможных последствий развала СССР и планирования неподвижных обстоятельств¹⁸.

* * *

Судя по всему, эти «слушания» привели к серьезным изменениям в американской политике накануне Мальты. Весь 1989 год Буш и Бейкер публично заявляли, что США желают успеха перестройке и хотели бы выйти «за пределы сдерживания». Однако этими словами дела в основном и ограничивались. Ничего не предпринималось, чтобы отменить хотя бы ограничения на экономическое сотрудничество, которые были введены в разгар холодной войны, чтобы наказать и изолировать СССР. Но теперь, в период интенсивных перемен в Восточной Европе, случившихся во многом благодаря Горбачеву, когда его политика стала

¹⁷ Сборник документов ЦРУ «В конце Холодной войны. Разведка США о Советском Союзе и Восточной Европе, 1989 – 1991»: Central Intelligence Agency. At Cold War's End. US Intelligence on the Soviet Union and Eastern Europe, 1989 – 1991 / Ed. Fischer B.B. 1999. Doc.3. P.V – VII.

¹⁸ CIA and the Cold War, an address by DCI Robert Gates at the University of Oklahoma, International Program Center. September 12, 1997.

встречать все большую критику внутри страны, в Вашингтоне пришли к выводу, что настала пора менять тактику и сделать более серьезные жесты в поддержку Горбачева и его перестройки. Нравится кому-то Горбачев или нет, но это пока реальность, и с ним, как говорила Тэтчер, «можно делать дело».

В администрации Буша были, разумеется, сомнения, удержится ли Горбачев у власти. Но эта неопределенность как раз и стала стимулом для того, чтобы действовать быстро и не выжидать, как раньше. Тем более что Горбачев шел на уступки – «двигался в нашем направлении», как говорил Скоукрофт, – так как нуждался в стабилизации международной обстановки, чтобы сконцентрироваться на внутренних делах, которые обстоили все хуже и хуже. Его преемник может оказаться не столь покладистым. Поэтому цель США – заключить сейчас как можно больше соглашений, которые будут действовать, если даже сменится руководство в Кремле.

Вот на такой основе к концу 1989 г. администрация Буша пришла, наконец, к согласию о политике в отношении Горбачева и перестройки. Теперь у США будут как бы 2 арены для проведения активной политики. Одна – это двусторонние переговоры с Советским Союзом, где в центре внимания должны находиться вопросы разоружения, региональных конфликтов, экономической помощи. И другая – это односторонние действия по уменьшению советского влияния в Восточной Европе и объединению Германии в рамках НАТО.

Но в администрации боялись, что Горбачев опять выступит с какой-нибудь яркой сногшибательной инициативой, которая застанет Америку врасплох, а весь мир будет снова восхищаться миролюбием советского лидера. Поэтому Бейкер предложил самим первыми выступить с инициативой, чтобы затмить Горбачева.

Эта идея Бушу понравилась. Не теряя времени, он поручил Роберту Блэквиллу и К.Райс из СНБ, а также Деннису Россу и Зеликоу из Госдепа подготовить на этой основе инициативные предложения, которые он мог бы выдвинуть в ходе переговоров с Горбачевым на Мальте.

Работа закипела. Вскоре конкретный список из 20 таких инициативных предложений, которые касались в основном экономического сотрудничества и разоружения, уже лежал на столе президента. Но составлен он был по-профессиональному хитро. Американские предложения не являлись уступками. Они лишь обозначали направления движения, если Советский Союз со своей стороны предпримет такие-то и такие-то шаги.

Рассказывают, что, просмотрев проект речи, подготовленный Райс и Блэквиллом, Буш выразил недовольство: она слишком сложна и бюрократизированна. Например, предоставление Советскому Союзу статуса наблюдателя в Генеральном соглашении о тарифах и торговле (ГАТТ) обставляется условием о проведении в стране реформы цен. А Буш считал, что можно предоставить этот статус Советам сразу, ничем не связывая.

– Мы же хотим, чтобы они узнали о международной системе торговли. Кроме того, помните: я работал в ООН. Я знаю кое-что о статусе наблюдателя. При всем желании они не смогут причинить нам больших хлопот, что, я полагаю, они и не захотят делать.

Он хотел также снять часть условий, касающихся отмены пресловутой поправки Джексона–Вэника. Но тут все оказалось куда сложнее. За неделю до этого на Востоке Сальвадора рухнул двухмоторный самолет. В его обломках были найдены автоматы, минометы, противотанковые орудия и даже ракеты ПВО. В США пришли к выводу, что это оружие советского производства и идет повстанцам в Сальвадор по цепочке Куба–Никарагуа. Поэтому в разговор вмешался Бейкер: «Вы можете сказать Горбачеву, что все, что мы делаем в торговле и политике, – отмена поправки Джексона–Вэника – важно для США. Вы можете дать ему понять, что если в Центральной Америке будут продолжаться беспорядки и насилие, то наша общественность может спросить: "Почему мы помогаем Советам экономически, когда они закачивают миллиард долларов в Центральную Америку?"»¹⁹.

Судя по всему, этот довод прозвучал для Буша убедительно, и условия для отмены этой поправки остались в силе.

Но особенно остро в этих дискуссиях стояли проблемы, касающиеся положения в Восточной Европе и объединения Германии.

29 ноября Скоукрофт направил президенту специальный меморандум «Советы и германский вопрос», в котором содержался весьма нелестный анализ политики Советского Союза. Его подготовила знающая и жесткая в оценках руководитель советского отдела СНБ К.Райс. Вот его четыре главных положения:²⁰

1. Советы потеряли контроль в своей политике по отношению к Восточной Европе. Они не предвидели нынешнего развития событий и сейчас просто реагируют на события день за днем.

¹⁹ Beschloss M.R., Talbott S. *Op. cit.* P.151.

²⁰ Zelikow Ph., Rice C. *Op. cit.* P.125 – 126.

2. Советы препятствуют германскому воссоединению, которое, по их мнению, «уничтожило бы сердцевину советской системы безопасности». Их «худшим кошмаром» является объединение Германии в рамках НАТО. «Варшавский Договор, потерявший его восточногерманский якорь, быстро бы распался, и советская линия обороны начиналась бы от границ Украины». Приобретения Второй мировой войны, купленные такой дорогой ценой, были бы потеряны.

3. Москва сейчас старается выработать политику, сохраняющую существование двух германских государств. Она будет пытаться работать с Францией и Британией, чтобы стабилизировать нынешнюю ситуацию.

4. В Москве все еще нет признаков паники в отношении германского вопроса. Если советское влияние начнет понижаться быстрее, СССР может вернуться к призывам по примеру 50-х годов к общеевропейской безопасности или переговорам о германском мирном договоре.

Судя по пометкам, Буш прочитал этот меморандум и дал добро.

Похожими были и оценки ЦРУ. Но там считали, что Горбачев не будет столь откровенен с президентом, чтобы раскрыть до конца свою позицию по германскому вопросу. Вместо этого он будет придерживаться некоего «философского подхода»²¹.

На этой основе те же Блэквилл, Райс, Зеликоу и Росс разработали позицию США по германскому вопросу к Мальте, а затем и к встрече глав НАТО в Брюсселе. Суть ее, коротко, сводилась к тому, что нужно избегать того, чтобы вызвать обеспокоенность Советского Союза подчеркиванием насущной необходимости демократических реформ и самоопределения ГДР. Но в случае необходимости твердо заявить, что воссоединение Германии является целью США, и отвергать предложения о созыве мирной Конференции 4-х держав. В то же время нужно стремиться обеспечить поддержку Колю и его плану из 10 пунктов среди союзников по НАТО. Но при этом цементировать поддержку НАТО со стороны Бонна и его ответственную позицию в отношении границ в Европе.

Так Вашингтон готовился к этой встрече с Горбачевым. И дискуссии, что и как предложить Горбачеву, продолжались даже у берегов Мальты на борту американского крейсера Белкнап, где остановился президент США. Но больше всего там опасались, что Горбачев вдруг предложит поставить германский вопрос на рассмотрение «наиболее неповоротливым форумом – СБСЕ. Дебаты там шли бы до конца столетия»²².

²¹ CIA: *The German Question and Soviet Policy. SOV M 89-20089X. 27 Nov. 89.*

²² *Zelikow Ph., Rice C. Op. cit. P.126 – 127.*

* * *

А в Москве все обстояло по-другому. Специалистов Горбачев не вызывал, и их мнение его уже, видимо, не интересовало. От этой практики он стал отходить где-то с середины 1987 г., все больше замыкаясь на советах и мнении узкой группы своих приближенных советников. В делах внешней политики это были Александр Яковлев, Анатолий Черняев, Эдуард Шеварднадзе, Вадим Медведев. И еще, как бы на отдаленной от них орбите, – Сергей Ахромеев и Валентин Фалин. Их взгляды большей частью не соответствовали взглядам Генерального. Поэтому, скорее всего, их держали там не для того, чтобы слушать особые мнения, а чтобы отгородить от участия в активной политике на стороне. Все эти советники писали Горбачеву записки с предложениями. Но что они написали ему о позиции к Мальте, до сих пор не известно.

Зато известно, что такую записку направили директор Института США и Канады Академии наук СССР Георгий Арбатов и его заместитель Андрей Кокошин. В ней подробно рассказывалось о внутренних разногласиях в США и какой должна быть теперь американская политика в отношении Советского Союза. Суть ее, коротко, сводилась к тому, что администрация расколота на два противоположных лагеря, которые возглавляют соответственно Бейкер и Скоукрофт, а сам Буш стоит где-то посередине. И рекомендация – не выступать с какими-либо сенсационными предложениями по разоружению и не просить экономической помощи. Цель встречи – выяснить новую политику США, установить «взаимопонимание и, по возможности, взаимодействие» в предотвращении нестабильности в различных регионах мира, и прежде всего в Восточной Европе, на основе партнерства между СССР и США.

Но эта концепция явно не понравилась Горбачеву и его советникам – нет тут, мол, широты шага в международных делах. И вскоре в МИД поступило указание Горбачева подготовить ему «концепцию встречи в верхах». Его озвучил нам 4 ноября Шеварднадзе:

– Нужно подойти к проблемам в общефилософском плане, – говорил он, – и сделать глубокие выводы из прошлого опыта холодной войны. Сейчас мы на переломе. Перед человечеством возникли совсем новые проблемы – экология, сохранение природных ресурсов и многие другие. В мире идет интеграция. Но обмен между развитыми и развивающимися странами неэквивалентен. Развитый Север обирает бедный Юг.

И особо подчеркнуть: мы идем от двухполярного мира к многополярному. Хотим мы того или нет, но Западная Европа, Япония, Китай, Индия также становятся центрами мировой экономики и политики.

Что ждет человечество с появлением новых проблем в области безопасности, экономики, экологии и других проблем? Об этом мы должны думать вместе. Советский Союз и США обречены на диалог.

Поэтому надо не просто обсудить обстановку, положение дел с разоружением, как это было в прошлом, – надо иметь концепцию на будущее. Например, основные тенденции создания вооружений до 2000 года и даже после него. Какие виды оружия появятся к тому времени, какие новшества будут в технологиях. Чувствуется, что американцы теряют интерес к сокращению ядерного оружия.

Но нужно определиться, что из оружия сохранить – гарантии нужны и нам, и им. Есть демографическая ситуация в мире. Могут быть и другие факторы. Однако надо исключить крупномасштабную гонку вооружений. Нужно ли продолжать гонку на море, в космосе и т.д.? Нужно установить уровни, эффективный контроль, сохранить гарантии – это страховой полис.

И поручил в этом ключе составлять материалы к встрече с Бушем. Затем перешел к вопросам обычных вооружений. Я предложил, чтобы на Мальте – самими главами или на уровне министров – были зафиксированы согласованные сокращения по всем 5 видам обычных вооружений. В частности, для ПВО с точки зрения разумной достаточности мог бы быть уровень в 1000–1200 самолетов-перехватчиков. Ссылался при этом на мнение академика Федосова.

Шеварднадзе никак не реагировал – просто кивал головой, лицо с чуть отвисшей губой при этом как бы выражало презрение или недовольство. Только поинтересовался: «А как контроль?» И сказал:

– За этим вопросом надо строго следить. Тут наша позиция должна быть безупречной – мы за самый строгий контроль. Это завоевание перестройки. Мы можем занимать жесткую позицию по параметрам, но не по контролю. Нельзя растрачивать капитал, который мы заработали на этой проблеме.

Из огромного кабинета министра на седьмом этаже мы выходили, пожимая плечами. Это куда ж мы теперь будем готовить прорыв? А Карпов невесело шутил:

– Ничего. Представим себе, что мы пишем лекцию по мировой политике для студентов-первокурсников МГИМО. Буша ведь тоже надо учить. Не все ж ему нас поучать.

Но задание есть задание. На основе этой задиктовки в МИДе была подготовлена концепция с предложениями к предстоящей встрече и послана «навстречу». Судьба ее неизвестна.

Зато, как это ни странно звучит сегодня, четко и весьма жестко была сформулирована советская позиция по германскому вопросу. Состояла она из шести пунктов, которые были совместно разработаны Международным отделом ЦК, которым руководил Валентин Фалин, и Третьим Европейским отделом МИДа, которым заведовал Александр Бондаренко. Шеварднадзе отстранился от этого дела, но возражений не высказывал.

В пункте первом этого документа указывалось, что право каждого народа на самоопределение является основой советской политики. В пункте втором обозначалась цель этой политики: опираясь на Хельсинский Заключительный Акт и принципы СБСЕ, покончить с пережитками холодной войны. А пункт третий провозглашал сохранение стабильности в Европе путем признания существующих границ, отказа от территориальных притязаний и разоружения.

Но эти три пункта были как бы прокладкой, подготовкой к главному – пункту 4. А в нем указывалось, что события в ГДР породили слухи о возможном объединении Германии. И подчеркивалось, что **существование ГДР как суверенного государства и члена Варшавского Договора является гарантией стабильности в Европе. ГДР – это «наш стратегический партнер»** (выделено мною – *О.Г.*).

После этого твердого заявления шел пункт пятый, где говорилось о необходимости деидеологизации международных отношений. А в шестом пункте указывалось, что переход к мирному развитию в Европе потребует надежных и взаимных гарантий безопасности. А именно: новой роли НАТО и ОВД как «политических, оборонительных организаций». И только после укрепления доверия и безопасности можно будет рассматривать вопрос о ликвидации обоих блоков.²³

Этот документ был разослан 24 ноября всем руководителям стран Варшавского Договора – пусть не беспокоятся: их интересы будут твердо соблюдены. И получалось, что политика Советского Союза в отношении Восточной Европы и объединения Германии была определена. Теперь посмотрим, как она осуществлялась на деле.

(Окончание следует)

²³ Дневниковые записи автора. См. также: Фон Плато А. Объединение Германии – борьба за Европу. М: РОССПЭН. 2007. С. 134–135.

В какую эпоху мы живем? У нас совершаются великие гражданские преобразования, распутываются отношения, созданные веками. Вопрос касается самых живых интересов общества, тревожит его в самых глубоких недрах. Какая искусная рука нужна, чтобы примирить противоборствующие стремления, сохранить враждебные интересы, развязать вековые узлы, чтобы путем закона перевести один гражданский порядок на другой!.. В такую эпоху нужно не раздувать пламя, не растравливать язвы, а успокаивать раздражение умов, чтобы вернее достигнуть цели.

К. Кавелин

Странная, странная эпоха, в которую мы живем!.. Эпоха попыток, разнообразных стремлений, движения вперед, движения назад; эпоха крайностей, одна другую отрицающих, деспотизма науки и теории над жизнью, отрицания науки и теории во имя жизни; насилия и либерализма, консервативного прогресса и разрушительного консерватизма...

И. Аксаков

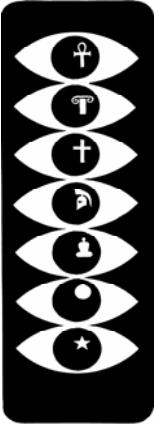
Подлинный лидер, который на протяжении своей жизни хочет указывать путь и может принимать решения, появляется лишь там, где он находит подготовленную почву.

Карл Ясперс

В индивидуумах и через индивидуумов общие представления становятся ясными, в них и через них реализуют себя общности, которые всегда им предшествуют и всегда их превосходят.

Реймон Арон

Валентина Марьина

ГЕОРГИ ДИМИТРОВ –
СОВЕТСКИЙ ГРАЖДАНИН.
1934–1945 ГОДЫ¹

(ПО МАТЕРИАЛАМ ДНЕВНИКА
Г.ДИМИТРОВА)

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

The idea to dissolve the Comintern started to ripen since spring of 1941 but after German attack on the USSR it was forgotten for a while. The Soviet leadership revived to the idea in May, 1943, when it took pains to strengthen cooperation within anti-Hitlerite coalition and to provide for consolidation of all anti-Nazi forces in their struggle against Nazi Germany. Functions of the dissolved Comintern were vested in International information Department of the All-Union Communist Party Central Committee. Until his departure to Bulgaria in autumn, 1945, the Department was headed by G.Dimitrov who presided over the body actually at first and later on officially. Prior to his leave for Bulgaria Dimitrov renounced his Soviet citizenship. While in charge of the most important state and Party positions in Bulgaria Dimitrov often visited the USSR for medical treatment and kept the permanent contact with Stalin whose instructions Dimitrov took as guidance.

¹ Окончание. Начало см.: Россия XXI. 2007. №3.

***Вызревание идеи
ропуска Коминтерна***

Думается, что к осени 1940 г. советские лидеры стали ощущать само существование и деятельность Коминтерна как нечто неудобное для

советской внешней политики и проводимого ею сложного маневрирования на международной арене. Кроме того, по мере разрастания войны становилось все более очевидным, что выработать одинаковую линию для всех компартий из единого центра чрезвычайно трудно и практически невозможно в связи с различием условий, в которых действовали коммунисты оккупированных, союзных с Германией или нейтральных стран. Коминтерн становился помехой, с одной стороны, в международных делах СССР, с другой, – в активизации деятельности национальных компартий.

В преддверии нападения гитлеровской Германии на СССР начала постепенно обозначаться несостоятельность тактико-политической линии Коминтерна, недооценка им общенационального фактора в борьбе против агрессивных намерений и политики гитлеровской Германии и ее союзников. Особенно это касалось оккупированных стран и их работавших в подполье компартий. Так, в директиве ИККИ компартии Чехословакии, утвержденной 28 декабря 1940 г., говорилось о «неизбежности размежевания в лагере чехов относительно дальнейшего пути нации»; о том, что «на передний план все более выступает взаимосвязь между национальным и социальным освобождением»; что в сложившихся условиях надо «поддерживать и укреплять национальную солидарность и дух сопротивления чешского народа». «При этом, – говорилось в директиве, – надо, не щадя Бенеша, усилить в чешском лагере нашу борьбу с ориентированным на Берлин крылом буржуазии»². Руководство КПЧ в Москве уже в начале 1941 г., отдавая указания коммунистам в Чешских землях, считало в отличие от своей прежней точки зрения, что акцент в национально-освободительной борьбе должен быть осторожно перенесен с критики эмигрантского чехословацкого правительства Э.Бенеша в Лондоне на борьбу против ставленников Гитлера внутри страны. О значении национального фронта борьбы против оккупантов говорили и французские коммунисты.

Примечательно, что в этот период в поле зрения некоторой части советских партийных верхов попал и вопрос о славянском единстве.

² *Коминтерн и Вторая мировая война. Ч.1. До 22 июня 1941 г. М., 1994. С.466.*

Эта идея, «похороненная» советской властью в 20 – 30-е годы, лишь очень робко начала реабилитироваться и пока не была востребована ни пропагандистски, ни политически. Главным трендом советской внешней политики оставалась «дружба» с нацистской Германией, хотя уже ясно было, перед лицом какой угрозы необходимо единение славянских народов³. Димитров, несомненно, поддерживал эту идею, о чем свидетельствует, в частности его встреча в секретариате ЦК ВКП (б) со Ждановым, Андреевым и Маленковым 27 февраля 1941 г. Он пришел обсудить вопрос о создании школ ИККИ по подготовке пропагандистских кадров Коминтерна для деятельности за рубежом и получил принципиальное согласие на это. «Целевая установка, – записал Димитров в Дневнике, – подготовить главным образом кадры из славянских стран (Болгария, Югославия, Польша, Чехословакия). В программе обучения главное – изучение своей страны, своей партии, их проблем, как бить врага у себя дома». Зафиксировал он и слова Жданова: «Мы сбились (допустили ошибку. – В.М.) на национальном вопросе. Не обращали достаточно внимания на национальные моменты». Дальнейшая запись гласит: «Сочетание пролетарского интернационализма со здоровыми национальными чувствами данного народа. Подготовить надо наших "националистов"». 28 февраля в ИККИ состоялось уже практическое обсуждение вопроса (состав слушателей, преподавателей) о работе одногодичной школы такого рода. «Программу необходимо составить с учетом большого внимания к национальным проблемам (проблемам собственных стран)», – записал Димитров (С.217. – *Отсылки в тексте на: Димитров Г. Дневник. София, 1997*).

Кремлевское руководство, видимо, все чаще задумывалось о судьбе Коминтерна, о том, как его деятельность вписывается в советскую внешнюю политику и планы Сталина во что бы то ни стало сохранить дружественные отношения СССР с Германией. 8 марта 1941 г. Димитров, по его словам, «в первый раз не был избран в почетный президиум» торжественного собрания по случаю международного женского дня. Это, считал он, «конечно, не случайно. Кроме внешнеполитических соображений, надо считать это как сигнал какой-то закулисной "работенки"» (С.219). Что касается последнего, то речь, возможно, шла о трениях в работе с Мануильским, который полагал, что Димитров «от-

³ См. подробнее: *Марына В.В. Славянская идея в годы Второй мировой войны (К вопросу о политической функции) // Славянский вопрос: веки истории. М., 1997. С.170 – 172.*

тирает» его, и жаловался на «шефа» за разглашение им секретных сведений Молотову⁴.

А «международные соображения» частично нашли отражение в беседе Димитрова со Ждановым 9 апреля 1941 г. Во-первых, было сочтено «нецелесообразным в нынешнем положении выступать с воззванием Коминтерна по случаю 1 Мая». Делать обстоятельный анализ, как следует из записи Димитрова, значит, в известной степени, раскрывать свои карты, дать повод для неблагоприятного их использования врагом. Во-вторых, была обозначена более нейтральная позиция СССР в отношении обеих воюющих сторон: «Балканские события⁵ не меняют общей установки, занятой нами в отношении империалистической войны и обеих воюющих капиталистических группировок. Германскую экспансию на Балканах мы не одобряем. Но это не означает, что мы отходим от пакта с Германией и поворачиваем в сторону Англии. Те наши люди, которые так думают, недооценивают самостоятельной роли и мощи Советского Союза. Им кажется, что надо ориентироваться либо на одну, либо на другую империалистическую группировку, а это глубоко неверно...» (С.225–226).

Несмотря на замечание Жданова о нецелесообразности директив ИККИ по поводу проведения 1-го Мая, такие директивы были все же подготовлены и 17 апреля направлены Сталину и Жданову. 18 апреля состоялась новая беседа Димитрова со Ждановым по этому вопросу. Речь шла о необходимости дифференцированного подхода к странам – воюющие, невоюющие, оккупированные и т.д. (С.227). Наконец, 20 апреля 1941 г., после концерта в Большом театре по случаю декады таджикского искусства в Москве, Димитров встретился со Сталиным. Поднимая тост за здоровье Димитрова, вождь сказал:

«У Димитрова в Коминтерне выходят партии (намекал на американскую компартию⁶). Это неплохо. Наоборот, следовало бы компартии сделать совершенно самостоятельными, а не секциями Ко-

⁴ *Коминтерн и Вторая мировая война. Ч.1. С.497 – 498.*

⁵ *Присоединение Болгарии и Югославии к Тройственному союзу, разрешение болгарского правительства на ввод германских войск в страну, государственный переворот в Югославии 27 марта, подписание 5 апреля в Москве Договора о дружбе и ненападении между СССР и Югославией.*

⁶ *По соображениям самосохранения она формально вышла из Коминтерна, но сохранила связи с ним.*

минтерна. Они должны превратиться в национальные коммунистические партии под разными названиями – рабочая партия, марксистская партия и т.д. Название неважно. Важно, чтобы они внедрились в своем народе и концентрировались на своих собственных задачах. У них должна быть коммунистическая программа, они должны опираться на марксистский анализ, но, не оглядываясь на Москву, разрешали бы стоящие перед ними конкретные задачи в данной стране самостоятельно. А положение и задачи в разных странах совсем различные. В Англии – одни, в Германии – другие и т.д. Когда таким образом компартии укрепятся, тогда снова восстановится их международная организация. Интернационал был создан при Марксе в ожидании близкой международной революции. Коминтерн был создан при Ленине также в такой период. Теперь на передний план выступают национальные задачи для каждой страны. Но положение компартий как секций международной организации, подчиняющейся Исполнительному комитету Коммунистического Интернационала, является помехой... Не держитесь за то, что было вчера. Учитывайте строго создавшиеся новые условия... С точки зрения ведомственных интересов (Коминтерна) это может быть неприятно, но не эти интересы решают!

Принадлежность компартий к Коминтерну в настоящих условиях облегчает преследования буржуазии против них и ее план их изолировать от масс собственной страны, а компартиям мешает самостоятельно развиваться и решать свои задачи как национальным партиям».

Далее следует комментарий Димитрова: «Резко и ясно поставлен вопрос о дальнейшем существовании Коминтерна на ближайший период и новых формах интернациональных связей и интернациональной работы в условиях мировой войны» (С.227–228).

Димитров принял указание к сведению и исполнению. Уже на следующий день, 21 апреля 1941 г., он обсудил с Эрколи (П.Тольятти) и М.Торезом «вопрос о прекращении деятельности ИККИ как руководящей инстанции коммунистов в ближайшее время, о предоставлении полной самостоятельности отдельным компартиям, их превращении в подлинно национальные коммунистические партии данной страны, руководствующиеся коммунистической программой, но решающие свои конкретные задачи по-своему, сообразно условиям своих стран, и несущие сами ответственность за свои решения и действия. Вместо

ИККИ – иметь орган информации и идеологической и политической помощи компартиям. И оба (Эрколи и Торез. – *В.М.*) восприняли эту постановку как в основном правильную и вполне отвечающую современному положению международного рабочего движения» (С.228).

23 апреля 1941 г. Димитров участвовал в беседе с лекторами (65 человек) по международному положению. Общие выводы значатся в Дневнике:

а) события на Балканах не ускорят прекращения войны, а, напротив, удлиняют и усиливают ее. Мировая война – длительная, затяжная;

б) пламя войны все больше приближается к границам Советского Союза, который должен всемерно готовиться против всякой неожиданности;

в) Советский Союз получает более развязанные руки в отношении Запада» (С.228).

Достаточно подробно изложена в Дневнике известная речь Сталина на вечере выпускников военных академий 5 мая. «Наша политика мира и безопасности, – записал Димитров, – есть в то же время политика подготовки войны. Нет обороны без наступления. Надо воспитывать армию в духе наступления. Надо готовиться к войне» (С.230–231).

А она уже вплотную подошла к советским границам. В этой обстановке продолжалось обсуждение вопроса о дальнейшем существовании Коминтерна. 12 мая Димитров и Мануильский обдумывали мотивировку о прекращении деятельности ИККИ. «Множество неясных и трудных вопросов, связанных с этим переустройством», – записал Димитров. В тот же день о судьбе Коминтерна Димитров беседовал со Ждановым. Итоги разговора, очень важного с точки зрения аргументации советских верхов относительно необходимости роспуска этой просуществовавшей два десятилетия международной коммунистической организации, и полученные указания были обобщены в Дневнике следующим образом.

«1. Постановление должно быть принципиально обосновано, так как придется серьезно разъяснить за границей, а также нашим советским коммунистам, почему предпринимается такой шаг. Был Коминтерн с большой своей историей, а вдруг перестает существовать и действовать как единый международный центр. В постановлении надо было бы заранее предусмотреть все возможные удары врага, например, что якобы это маневр или что коммунисты отказываются от интернационализма и от международной пролетарской революции. Наша аргументация должна быть такова, чтобы вызвала подъем в компартиях, а не создала похо-

ронное настроение и растерянность. Следовало бы указать, что на данном этапе самое важное не направление движения в разных странах из одного международного центра, а ставить главный удар (ударение, акцент. – *В.М.*) на движение и его руководство в каждой отдельной стране, развивать всемерно самостоятельность компартий, способных самим руководить рабочим движением собственных стран, способных самим намечать свою стратегию, тактику и организацию и нести полную ответственность за рабочее движение своей страны, рассчитывая целиком и полностью на собственные силы и способности.

Нужно развивать идеи сочетания здорового, правильно понятого национализма с пролетарским интернационализмом. Пролетарский интернационализм должен опираться на этот национализм (т. Сталин разъяснял, что между правильно понятым национализмом и пролетарским интернационализмом нет и не может быть противоречия. Безродный космополитизм, отрицающий национальные чувства, идею родины, не имеет ничего общего с пролетарским интернационализмом. Этот космополитизм подготавливает почву для вербовки разведчиков, агентов врага). Идеи Коминтерна глубоко проникли в ряды передовых слоев рабочего класса капиталистических стран. На данном этапе необходимо, чтобы коммунистические партии развивались как самостоятельные национальные партии. На основе расцвета национального коммунистического движения в отдельных странах возродится на следующем этапе на более крепкой и широкой базе международная коммунистическая организация. Нужно показать ясно, что прекращение деятельности ИККИ не означает отказ от международной пролетарской солидарности. Наоборот, меняются только формы и методы ее проявления – формы и методы, более подходящие к нынешнему этапу международного рабочего движения.

2. Этот шаг должен быть вполне серьезный и консеквентный (последовательный. – *В.М.*). Не следует его делать так, что якобы только одежда меняется, а все остальное остается по-старому, т.е. ИККИ распускается, а на деле под другой фирмой продолжает существовать международный директивный центр.

3. Очень важен вопрос, по чьей инициативе это будет сделано: по собственной инициативе руководства или по предложению ряда компартий. Кажется, последнее лучше.

4. Дело – не так спешно – не надо спешить, а серьезно обсудить и подготовить.

Три вопроса подлежат обсуждению:

а) как обосновать принципиально; б) по чьей инициативе принять постановление; в) наследство Коминтерна – что дальше?

5. Во всяком случае, от этого шага коммунистическое движение может получить большие выгоды: а) сразу потеряют всю почву все антикоминтерновские пакты; б) важнейший козырь буржуазии, что коммунисты являются подчиненными иностранному центру, значит «предатели», будет отнят; в) компартия в каждой стране усилит свою самостоятельность и превратится в подлинно народную партию своей страны; г) облегчается вступление в компартию и тех рабочих-активистов, которые теперь не входят, считая, что тем самым они отчуждаются от своего народа» (С.233–234).

Записи Димитрова свидетельствуют, что идея роспуска Коминтерна созрела у советского руководства еще накануне войны. Были в общем продуманы обоснование и мотивы этого шага. Так что в 1943 г. оставалось лишь несколько обновить уже имевшиеся аргументы и найти способ закамуфлировать роль Москвы в руководстве международным коммунистическим движением.

21 июня Димитров записал в Дневнике: «Слухи о предстоящем нападении множатся со всех сторон⁷. Надо быть начеку. Звонил утром Молотову. Просил, чтобы переговорил с Иосифом Виссарионовичем о положении и необходимых указаниях для компартий». Молотов ответил: «Положение неясно. Ведется большая игра. Не все зависит от нас. Я переговорю с Иосифом Виссарионовичем. Если будет что особое, позвоню» (С.235).

Война. Роспуск Коминтерна

Звонок раздался в 7 часов утра 22 июня. Димитрова вызывали в Кремль: «В кабинете у [А.Н.]Поскребышева встречаю [С.П.]Тимошенко, [Н.Г.]Кузнецова, Мехлиса (снова в военной униформе), Берию (дающего по телефону разные распоряжения). В кабинете Сталина находятся Молотов, Ворошилов, Каганович, Маленков. Сталин – ко мне: "Напали на нас, не предъявляя никаких претензий, не требуя никаких переговоров, напали подло,

⁷ В Дневнике, в частности, говорится о телеграмме Чжоу-Энь-лая Мао-Цзе-Дуну, в которой сообщалось, что Чан-Кай-Ши упорно заявляет о нападении Германии на Советский Союз 21 июня 1941 г. (Димитров Г. Дневник. С.235).

как разбойники. После нападения, бомбардировок Киева, Севастополя, Житомира и других мест явился [Ф.]Шуленбург с заявлением, что Германия считает себя угрожаемой концентрацией советских войск на восточной границе, предприняла контрмеры. Финны и румыны идут с немцами. Болгария приняла представительство интересов Германии в СССР»).

Далее – опять слова Димитрова: «Только коммунисты могут победить фашистов. Удивительное спокойствие, твердость, уверенность у Сталина и у всех других. Редактируется декларация правительства, которую Молотов должен сделать по радио. Даются распоряжения для армии и флота. Мероприятия о мобилизации и военное положение. Подготовлено подземное место для работы ЦК ВКП (б) и Штаба. Дипломатические представители, говорит Сталин, должны быть выведены из Москвы и отправлены в другое место, например, в Казань. Они здесь могут шпионить.

Договариваемся насчет нашей работы. Коминтерн пока не должен выступать открыто. Партии на местах развертывают движение в защиту СССР. Не ставить вопрос о социалистической революции. Советский народ ведет отечественную войну против фашистской Германии. Вопрос идет о разгроме фашизма, поработившего ряд народов и стремящегося поработить и другие народы» (С.235–236).

Эти сталинские указания и были положены в основу всех документов, разработанных в годы войны Коминтерном. Последний, по существу, вернулся к идее антифашистского, народного, национального фронта, отвергнутой после заключения советско-германского пакта о ненападении 23 августа 1939 г. Главными задачами ИККИ стала организация движения в защиту СССР и национально-освободительной борьбы в оккупированных Германией и зависимых от нее странах. Идея ликвидации Коминтерна на время была забыта. Секретариат ИККИ постановил перестроить всю работу, исходя из необходимости «обеспечить всемерную помощь ВКП (б) и советским органам».

Выступая 22 июня на заседании ИККИ, Димитров заявил, что основным удар в новых условиях следует направить против фашизма: «Мы не будем на этом этапе призывать ни к свержению капитализма в отдельных странах, ни к мировой революции»⁸. Та же мысль подчеркивалась в директивах ИККИ компартиям в отдельные страны: «Учтите, что на

⁸ *Коминтерн и Вторая мировая война. Ч.2. После 22 июня 1941 г. М., 1998. С.95.*

данном этапе вопрос идет о защите народов против фашистских поработителей, а не о социалистической революции»⁹.

6 июля Димитров обсудил с Молотовым, как организовать работу ИККИ в новых условиях, 16 июля встречался с начальником разведуправления НКВД П.М.Фитиным и ответственным за создание иностранных военных формирований в СССР генералом А.П.Панфиловым. Речь шла о «направлении наших групп», предназначенных для партийной и партизанской деятельности в отдельных странах (С.240). Наряду с дипломатическим корпусом решено было эвакуировать из Москвы и аппарат Коминтерна. 24 июля Государственный комитет обороны (ГКО) принял постановление о создании в Уфе резервной радиостанции ИККИ (С.242).

Георги Димитров и маршал Ф.И.Толбухин. На заднем плане генерал-полковник С.С.Бирюзов. 1944 г. (victory.mil.ru)

Общение со Сталиным (по телефону или посредством письменных обращений) не прекращалось. 30 июля, например, Димитров получил телеграмму из Софии, в которой ставился вопрос, на какую помощь СССР можно рассчитывать в случае восстания. 2 августа Димитров отправил Сталину письмо об этом. 4 августа получил ответ: «Никакого восстания сейчас. Разобьют рабочих. Пока мы не можем оказать никакую помощь. Попытка к восстанию будет провокацией» (С.238, 242, 243). 27 августа в убежище Димитров говорил со Сталиным о польских

⁹ Там же. С.97

делах и услышал: «Лучше создать Рабочую партию Польши с коммунистической программой. Коммунистическая партия пугает не только чужих, но даже и некоторых наших». Димитров поставил вопрос о координации работы между НКВД, V управлением¹⁰ и ИККИ по развертыванию партизанского движения и саботажа за рубежом. Реакция Сталина была следующей: «Товарищи из V-го управления хотят руководить движением. Это никуда не годится. Приедет [Ф.И.]Голиков¹¹. Надо урегулировать это дело» (С.248, 253–254). 24 сентября Димитров обсудил с Голиковым эти вопросы.

В середине октября фашистские войска вплотную подошли к Москве. 15 октября было принято постановление Государственного комитета обороны об эвакуации из Москвы дипломатических миссий, правительственных учреждений. «Т. Сталин эвакуируется завтра или позднее, смотря по обстоятельствам», – говорилось в постановлении¹². 15 октября Сталин дал указание Димитрову: «Надо эвакуироваться еще сегодня». «Сказал так, как он сказал бы: надо обедать», – записал Димитров.

16 октября началась эвакуация сотрудников ИККИ в Уфу и Куйбышев. Димитров с семьей обосновался сначала в последнем, а затем в конце декабря переехал в Уфу. В начале ноября в Москву в качестве представителя секретариата ИККИ «по связям и ряду поручений» был направлен словацкий коммунист Я.Шверма. Примерно тогда же через Андреева Димитров послал письмо Сталину с предложением о целесообразности работы ИККИ в Уфе под вывеской Института по изучению международных вопросов (С.262). Ответа не последовало. Сталину было не до того: части вермахта стояли на пороге Москвы. Несмотря на существование телефонной и курьерской связи, общение Димитрова с советским руководством было затруднено, и он стремился вернуться в Москву. 12 декабря в телефонном разговоре с Молотовым, который сообщил ему, что «дела на фронте идут неплохо», Димитров поставил вопрос о возвращении в Москву, но получил отрицательный ответ (С.267). В это время Димитров занимался организацией радиопропаган-

¹⁰ Главное разведуправление Генерального штаба Красной Армии.

¹¹ Начальник ГРУ в это время возглавлял советскую военную миссию в Великобритании и США.

¹² Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. С.257; Коминтерн и Вторая мировая война. Ч.2. С.164 – 165.

ды на границу, которая велась на немецком, итальянском, французском, чешском, румынском, испанском, венгерском, болгарском языках, налаживанием работы среди военнопленных. Все эти вопросы согласовывались с Москвой (Щербаковым, Берией, Мехлисом, Г.Ф.Александровым и др.).

Поздно ночью 10 марта 1942 г., согласно записи в Дневнике, Димитрову позвонил Щербаков и сообщил о разговоре со Сталиным, который потребовал, чтобы Димитров «с группой немцев» прибыл в Москву и «чем скорее, тем лучше». Через час – звонок от Поскребышева и разговор по прямому проводу со Сталиным: «Было бы хорошо, чтобы Вы уже завтра с группой немцев... были в городе» (С.281). Но «завтра» – не получилось. В течение нескольких следующих дней составлялся список первой группы (60 человек), возвращающейся в Москву. «На свою ответственность» Димитров включил в него и Мануильского. 16 марта группа погрузилась в поезд и 19 марта 1942 г. прибыла в Москву (С.282, 287).

В Кремль в 1942 году главу Коминтерна, судя по Дневнику, не приглашали, но в случае необходимости связывались с ним по телефону. По-прежнему все сколько-нибудь важные и интересные материалы, касавшиеся организации движения Сопротивления на западе, за подписью Димитрова направлялись советским руководителям или напрямую обсуждались с ними, в частности с Маленковым, Щербаковым, Молотовым. Очень скромно было отмечено 60-летие Димитрова в июне 1942 г. Мануильский по этому поводу просил Сталина разрешить «руководящим работникам Исполкома Коминтерна обратиться к товарищу Димитрову с внутренним письмом товарищеского приветствия, которое не будет опубликовано ни в нашей, ни в заграничной печати»¹³. Осенью 1942 г. Димитров был награжден орденом Ленина.

Первый раз после возвращения в Москву из эвакуации, если судить по Дневнику, Димитров встретился со Сталиным 21 января 1943 г. в Кремле на торжественно-траурном заседании по случаю 19 годовщины со дня смерти Ленина. После доклада Щербакова – застолье с участием Сталина, Молотова, Калинина, Берии, Маленкова, Андреева, Щербакова, Шверника, Мануильского. Запись в Дневнике гласит: «Беседовали по разным вопросам. На мое предложение Сталину, чтобы в ближайшие дни обсудили некоторые наши вопросы, Сталин от-

¹³ *Коминтерн и Вторая мировая война. Ч.2. С.25, 237 – 238.*

ветил: «Некогда. Когда у меня бывает немножко свободного времени, я или сваливаюсь спать, или занимаюсь шуточными делами, а не серьезными вопросами» (С.350).

Судьба Коминтерна была уже, видимо, решена вождем. В то же время в некотором противоречии с этим 22 февраля 1943 г. в печати появляется письмо ИККИ Сталину и его ответ (С.356). Факт довольно примечательный – публичное подтверждение существования и деятельности Коминтерна. Кто являлся инициатором этого шага, неясно. Возможно, это был тактический ход, чтобы, напомнив миру о существовании этой организации, затем открыто поведать о ее роспуске. Возможно, мотивы были иные.

В конце марта в Дневнике появляется ряд записей, свидетельствовавших о недовольстве НКВД СССР содержанием радиопередач на Югославию и Финляндию. Внешнеполитическое ведомство в достаточно резкой форме заявило о необходимости согласования с ним содержания вещания на границу. 25 марта Димитров дал указание о практическом ознакомлении К.А.Уманского (НКВД) с содержанием радиопередач (С.360, 362).

Именно в это время Димитров переживал тяжелейшие в своей жизни дни: тяжело болел дифтерией, а затем (3 апреля) умер его 8-летний сын Митя. Но уже 5 апреля читаем в Дневнике: «Поехал на работу с сознанием, что нам, большевикам, не полагается и при самых тяжелых условиях и испытаниях падать духом и допускать, чтобы из-за личного горя страдало наше дело» (С.364).

Аппарат ИККИ работал пока, как обычно. Ничто не указывало на то, что дни Коминтерна сочтены. Из Уфы постепенно возвращались очередные группы эвакуированных. 20 апреля секретариат ЦК ВКП (б) принял постановление: «Поручить народному комиссару финансов СССР (т. [А.Г.]Звереву) впредь до утверждения сметы на 1943 г. открыть кредит ИККИ на месяцы апрель–май текущего года в размере тридцати тысяч американских долларов» (С.369).

И вдруг, как гром среди ясного неба, запись в Дневнике 8 мая 1943 г.: «Ночью у Молотова вместе с Мануильским. Беседовали о будущем Коминтерна. Пришли к выводу, что Коминтерн как руководящий центр для компартий при создавшихся условиях является помехой самостоятельному развитию компартий и выполнению их особых задач. Выработать документ о роспуске этого центра» (С.372). Как и в апреле 1941 г., когда Сталин намеревался распустить Коминтерн, чтобы попы-

таться улучшить отношения с Германией, так и теперь он решил пожертвовать этой организацией во имя укрепления сотрудничества в рамках антигитлеровской коалиции и облегчения объединения всех антифашистских сил в борьбе против гитлеровской Германии.

В следующие дни Димитров и Мануильский готовили проект постановления президиума ИККИ о роспуске Коминтерна, а вечером 11 мая были приняты Сталиным (в присутствии Молотова) по этому вопросу. Димитров записал:

«Сталин одобрил наш проект. Обсуждали, как провести постановление. Остановились на следующей процедуре: 1. Рассмотреть проект в заседании президиума и принять как предложение для секций. 2. Сообщить его секциям и запросить их согласие. 3. После получения согласия секций – опубликовать.

Какие функции и под какой формой должны и дальше продолжать – поручено Маленкову и мне обсудить и приготовить конкретное предложение.

По этому поводу Сталин сказал: "Опыт показал, что нельзя иметь международный руководящий центр для всех стран. Это выявилось при Марксе, при Ленине и теперь. Быть может, надо перейти к региональным объединениям – например, Южной Америки, Соединенных Штатов и Канады, некоторые европейские страны и пр., но и с этим делом нельзя торопиться"» (С.372).

Процедура роспуска Коминтерна достаточно полно на основании архивных документов описана в литературе¹⁴, поэтому свидетельства Дневника на этот счет приводятся лишь частично.

Перед заседанием президиума ИККИ 13 мая, обсуждавшего проект постановления о роспуске Коминтерна, Димитров получил следующее указание Сталина: «1. Не торопитесь с этим делом. Представьте проект на обсуждение. Дайте возможность членам президиума ИККИ подумать дня два–три и внести поправки. У него (Сталина. – В.М.) будут также некоторые поправки. 2. За границу пока проект не посылать. Решим после. 3. Не оставить такого впечатления, что просто выгоняем руководящих иностранных товарищей. Люди будут работать в газетах. Надо

¹⁴ См., например: Адибеков Г.М. *Коминформ и послевоенная Европа. М., 1994. С.6 – 10; Лебедева Н.С., Наринский М.М. Коминтерн после 22 июня 1941 г. Предисловие // Коминтерн и Вторая мировая война. Ч.2. С.57 – 71. Документы № 133, 134, 136 – 139, 141 – 143; Марьина В.В. Коминтерн: ликвидация или модификация? (1939–1943 гг.) // Славяноведение. 1994. № 5. С.22 – 28.*

создать четыре газеты (на немецком, румынском, итальянском и венгерском языках), а также можно создать отдельные антифашистские комитеты немцев и др.» (С.373).

Протоколы заседаний президиума ИККИ (13, 17, 19 мая) и редакционной комиссии направлялись Сталину и Молотову. 19 мая Димитров записал в Дневнике: «Ночью у Сталина. (Присутствовали Молотов, Ворошилов, Берия, Маленков, Микоян). Сталин предложил некоторые уточнения в проекте постановления: 1. Последний абзац выкинуть как ненужный. 2. Указать, что вопрос о роспуске во время войны обсуждался рядом секций КИ. 3. В пункте о 1-ом Интернационале подчеркнуть, что Маркс распустил 1-ый Интернационал "в результате назревшей потребности создания массовых национальных рабочих партий".

Договорились: 1. Предупредить секции, что подобное постановление будет опубликовано. 2. Через 10 дней опубликовать постановление. 3. Опубликовать его за подписями членов президиума (из ВКП (б) – Жданов и Мануильский). 4. После получения решений ЦК секций, утверждающих постановление, опубликовать коммюнике президиума об окончательном роспуске» (С.374).

На следующий день, 20 мая, – звонок от Сталина: «"Нельзя ли сегодня дать в печати постановление президиума? Следовало бы поспешить с опубликованием!" Разъяснил ему, что зашифрованное радио-сообщение посылаю сегодня днем, вечером и ночью разным партиям. Они его расшифруют и узнают содержание не ранее, чем завтра днем или вечером. Неудобно опубликовать до этого. Надо сдать в печать не раньше, чем завтра вечером, чтобы опубликовали 22 мая. На этом договорились» (С.374).

21 мая в кабинете у Сталина состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП (б), на которое были приглашены Димитров и Мануильский. В Дневнике зафиксировано:

«Молотов зачитывает постановление Президиума ИККИ о роспуске Коминтерна. Калинин отмечает, что враги используют этот шаг. Лучше сделать попытку перенести центр Коминтерна в другое место, например, в Лондон (Смех). Сталин разъясняет, что опыт показал, что и при Марксе, и при Ленине, и теперь невозможно руководить рабочим движением всех стран мира из одного международного центра. Особенно теперь, в условиях войны, когда компартии в Германии, Италии и других странах имеют задачу свергнуть свои правительства и проводить тактику пораженчества, а компартии СССР, Англии, Америки и другие,

наоборот, имеют задачи всемерно поддерживать свои правительства для скорейшего разгрома врага.

Мы переоценили свои силы, когда создавали Коминтерн и думали, что сможем руководить движением во всех странах. Это была наша ошибка. Дальнейшее существование Коминтерна – это будет дискредитация идеи Интернационала, чего мы не хотим. Есть и другой мотив для роспуска Коминтерна, который не упоминается в постановлении. Это то, что компартии, входящие в Коминтерн, лживо обвиняют, что они являются якобы агентами иностранного государства и это мешает их работе среди широких масс. С роспуском Коминтерна выбивается из рук врагов этот козырь. Предпринимаемый шаг, несомненно, усилит компартии как национальные рабочие партии и в то же время укрепит интернационализм народных масс, базой которого является Советский Союз. Постановление принято единогласно» (С.375).

22 мая оно было опубликовано в «Правде».

Димитров полностью приводит и ответы Сталина на письменные вопросы московского корреспондента английского агентства «Рейтер» У.Л.М.Кинга в связи с роспуском Коминтерна. Советский лидер полагал, что этот акт правилен и своевременен, так как облегчает организацию общего натиска всех свободолюбивых народов против общего врага – гитлеризма.

Роспуск Коминтерна, по словам Сталина,

- разоблачает гитлеровскую ложь о том, что Москва имела намерения вмешиваться в жизнь других государств и их большевизировать;
- разоблачает клевету противников коммунизма в рабочем движении, что коммунистические партии в различных странах действовали не в интересах своего народа, а по указке извне;
- облегчает работу патриотов в свободолюбивых странах по объединению прогрессивных сил, независимо от их партийной принадлежности и религиозных убеждений, в единый национально-освободительный лагерь в целях развития борьбы против фашизма;
- облегчает работу патриотов во всех странах по объединению всех свободолюбивых народов в единый международный лагерь в целях борьбы против опасности мирового господства гитлеризма, расчистку для них пути для организации в будущем объединения народов на основе их равноправия (С.377).

Партийный чиновник

Еще на заседании Президиума ИККИ 19 мая в связи с роспуском Коминтерна обсуждались вопросы, касавшиеся организации национального радиовещания, деятельности заграничных бюро отдельных компартий, способов поддержания связей с заграницей, судьбой телеграфного агентства «Супресс», архива, библиотеки и партшколы Коминтерна. По словам Димитрова, все эти функции должны быть сохранены в той или иной форме, а их урегулирование в новых условиях «должно произойти по линии ЦК ВКП (б)» (С.374).

31 мая в ЦК ВКП (б) у Маленкова подробно обсуждались все эти вопросы и принято решение сохранить национальное радиовещание, телеграфное агентство «Супресс»¹⁵, службу связи с компартиями¹⁶; библиотеку передать Институту марксизма-ленинизма, архив – в ЦК ВКП (б); при нем же оставить и издательство; учет кадров компартий организовать тоже при ЦК ВКП (б); хозяйственные объекты передать управлению «Делопроизводство» ЦК ВКП (б) (С.377).

Сталину и Молотову направляются сообщения о реакции компартий на решение Президиума ИККИ о роспуске Коминтерна. Сталин нетерпелив. Ночью 2 июня он звонит Димитрову: «Нужно ли ждать сообщений всех партий и тогда публиковать коммюнике?» «Ответил ему, – записал Димитров, – что, поскольку некоторые компартии назначили свои конференции на 7 – 8 июня, следовало бы подождать еще несколько дней. Так и договорились» (С.379).

7 июня Димитров направил Сталину и Молотову проект решения президиума о принятии секциями предложения о роспуске Коминтерна и текст коммюнике для печати. Ночью позвонил Молотов и сообщил, что «Сталин и он согласны с предложенным мной проектом». 8 июня Димитров провел последнее заседание президиума ИККИ. Было констатировано, что все секции Коминтерна единодушно одобрили сообщение о его роспуске (С.380). 10 июня «Правда» опубликовала сообщение об этом. Следующие дни были посвящены решению практических вопросов, связанных с ликвидацией Коминтерна, в том числе встречам с представителями госбезопасности (П.М.Фитин) и разведуправления Генштаба Красной Армии (Ильичев, Большаков).

¹⁵ Под контролем ЦК ВКП (б).

¹⁶ Радиосвязь, техника по изготовлению паспортов и т. д.

12 июня Димитров снова у Сталина в Кремле. В присутствии Молотова, Ворошилова, Берии, Маленкова, Микояна, Щербакова обсуждается «наш проект (направленный Димитровым Сталину 11 июня. – В.М.) создания немецкого антифашистского комитета "Свободная Германия". В основном проект был одобрен». Тогда же «было решено создать в ЦК ВКП (б) специальный Отдел международной информации (далее – ОМИ. – В.М.), которому поручить руководство антифашистскими комитетами, нелегальным национальным радиовещанием и связями с границей, телеграфным агентством "Супресс" и Издательством литературы на иностранных языках». «Чтобы враги не могли использовать тот факт, – читаем в Дневнике, – что отдел возглавляется Димитровым, решено было назначить Щербакова зав. Отделом, а Димитрова и Мануильского заместителями. Это решение и объявить, а работу отдела организовать и проводить внутренним порядком» (С.381).

14 июня вместе с Щербаковым и Мануильским Димитров обсудил у Маленкова конкретные вопросы, связанные с работой ОМИ, «чтобы избежать опасности использования противником этого для утверждения, что Коминтерн под другой формой продолжает существовать, а также какие функции на него возложить» (С.381). Распределены были и обязанности между Димитровым и Мануильским. «Основные функции – у меня, вопрос о военнопленных – у Мануильского», – записал Димитров 1 июля. Ряд объектов Коминтерна был передан Наркомату госбезопасности¹⁷. Его глава В.Н.Меркулов обсудил с Димитровым вопросы обслуживания загранбюро отдельных компартий «в деле переброски их кадров в страны» (С.382).

Вопросы, которыми раньше занимался Коминтерн, решено было передать в ведение специальных «научно-исследовательских» институтов. Институту № 99 поручалась организация работы среди военнопленных и политических эмигрантов, а также создание соответствующих национальных комитетов на территории СССР. Институт № 100, созданный на основе отдела специальной связи ИККИ, отвечал за осуществление курьерской и радиосвязи с зарубежными компартиями, подготовку документов для нелегалов, отправляемых за границу, переправку за рубеж «специальных грузов» (оружия, боеприпасов, медикаментов, литературы, шрифтов, матриц, радиоаппа-

¹⁷ Например в Подлипках (Мытищи) находился объект по изготовлению документов, микрофильмов, тайнописи (Димитров Г. Дневник. С.386).

ратуры). Институт № 205, возникший на базе отдела печати ИККИ, до лета 1945 г. занимался организацией нелегального радиовещания на различные страны мира, затем его деятельность стала носить информационно-аналитический характер¹⁸.

В ЦК ВКП (б) Димитров занял бывший кабинет Жданова, сын которого, Ю.А.Жданов, стал одним из помощников руководителя отдела. Напряжение последних месяцев (смерть сына, роспуск Коминтерна) отрицательно сказались на здоровье Димитрова. Осенью 1943 г. он снова тяжело и часто болел. Запись в Дневнике 13 октября: «Борьба между жизнью и смертью», а 31 декабря читаем: «Последние 4 месяца 1943 г. были особенно тяжелыми для меня. Едва не умер» (С.392, 400). В начале января 1944 г. Димитров постановлением Политбюро был официально назначен заведующим ОМИ ЦК ВКП (б), Мануильский остался его заместителем до лета 1944 г., когда занял пост заместителя председателя СНК УССР и наркома иностранных дел Украины. Первым заместителем Димитрова стал бывший советский посол в Китае А.С.Панюшкин, заместителями – опытный работник аппарата ИККИ Б.Н.Пономарев и бывший секретарь Челябинского обкома ВКП (б) Л.С.Баранов. Курировал работу Отдела Молотов.

В перерывах между болезнями и даже находясь на больничной койке Димитров продолжал заниматься делами:

- консультации и беседы с представителями КПЧ в связи с приездом в Москву Э.Бенеша и заключением Советско-чехословацкого договора о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве;
- обсуждение вопроса о создании и составе Польского национального комитета, который «должен иметь характер временного польского правительства»;
- организация Центрального бюро польских коммунистов. Запись 25 января 1944 г.: «Получил постановление ЦК ВКП (б) об утверждении состава Центрального бюро польских коммунистов и его функциях согласно моему предложению» (С. 415); и т.д.

Но в 1944 году внимание Димитрова все более и более переключалось на болгарские проблемы, хотя он занимался и решением вопросов, касавшихся других компартий и стран. Накануне и во время Словацкого

¹⁸ Адибеков Г.М. *Коминформ и послевоенная Европа. М., 1994. С– 13.*

национального восстания¹⁹ он, в частности, многократно встречался с представителями КПЧ, чтобы обсудить ситуацию. В Кремль к Сталину Димитрова в это время не приглашали. Вождь предпочитал теперь напрямую общаться с представителями национальных компартий, но те из них, которые удостоивались приема в Кремле, затем делились с Димитровым услышанным²⁰.

Но 10 января 1945 г. Сталин позвонил Димитрову и в связи с приездом югославской делегации сообщил ему свое мнение о взаимоотношениях Болгарии и Югославии, планах создания союзного государства между ними и по ряду других вопросов. В частности, он выразил свое несогласие с позицией югославы («в Белграде загибают»), советовал повременить с отъездом в Болгарию деятеля Коминтерна В. Коларова («распишут его биографию, поднимут шум, используют его присутствие для разговоров о советизации Болгарии и пр.»), говорил о своем недовольстве развитием событий в Греции и действиями коммунистов («они рассчитывали, что Красная Армия спустится до Эгейского моря. Мы этого не можем делать. Мы не можем послать и в Грецию свои войска²¹. Греки совершили глупость») (С.460).

28 января 1945 г. Сталин в присутствии Молотова, Маленкова, Берии, Димитрова принял у себя на даче югославскую и болгарскую делегации. «Исключительно душевная атмосфера», – записал Димитров. Речь шла о проекте союзнического договора между Югославией и Болгарией, создании федеративного государства. Димитров так зафиксировал позицию Сталина: союз между этими странами «положит начало союзу всех славянских народов. Эти народы должны друг другу помогать и взаимно защищаться. Германия будет разгромлена, но немцы – крепкий народ, с большим количеством кадров, они снова поднимутся. Славянские народы не должны оказаться врасплох, когда снова на них попытаются напасть, а это в будущем вероятно и даже наверняка будет. Старое славянофильство выражало стремление царской России подчинить себе другие славянские народы. Наше славянофильство – совсем

¹⁹ См. подробнее: Марьина В. Словацкое национальное восстание 1944 г. в военно-политических планах СССР // *Россия XXI*. 2003. № 3. С.154 – 179.

²⁰ Например, М.Торез, А.Паукер, Г.Георгиу-Деж (Димитров Г. Дневник. С.448, 458).

²¹ К этому времени была уже достигнута договоренность о так называемом процентном соглашении, о разделе сфер влияния в Венгрии, Румынии, Болгарии, Югославии между СССР и Западом. Греция оставалась «в ведении» последнего.

другое – объединение славянских народов как равных для общей защиты своего существования и будущего. Мы не хотим ничего навязывать другим славянским народам. Мы не вмешиваемся в их внутренние дела²². Пусть они делают то, что могут». Во время беседы Сталин также говорил о советской как лучшей, но не единственной форме, которая ведет к социализму. «Чрезвычайно много важного и интересного еще было в высказываниях Сталина на этом замечательном вечере!», – заканчивает свою запись о встрече Димитров (С.463).

Взаимоотношения между Болгарией и Югославией очень беспокоили Димитрова, и 8 апреля он послал письмо Сталину, в котором просил его во время пребывания в Москве И.Б.Тито рассмотреть и этот вопрос. В частности, считал Димитров, «у ряда югославских товарищей, видимо, имеются нездоровые настроения, известное головокружение от успехов и неправильное, высокомерное отношение к Болгарии и даже болгарской компартии». Вечером того же дня он принял Тито у себя на квартире: «Общее впечатление: недооценка сложности положения и предстоящих трудностей, слишком самонадеянный, большая доля зазнайства и несомненно "головокружение от успехов"» (С.474).

Были и другие вопросы, по которым советские лидеры считали нужным советоваться с Димитровым. Война шла к концу, и 17 марта 1945 г. Сталин и Молотов в присутствии Димитрова обсуждали вопрос о судьбе Германии: «Англичане хотят расчленить Германию (Бавария и Австрия, рейнская область и пр.). Всеми средствами добиваются уничтожения своего конкурента. Злостно бомбят немецкие заводы и фабрики. Мы не допускаем их авиацию в нашу зону Германии. Но они всячески стремятся и там бомбить. Немцы упорно продолжают драться. Идут на явную гибель. Гитлер чувствует свой конец и толкает вместе с собой и немецкое население в пропасть. Нужно, чтобы явились немцы, которые бы действовали, чтобы спасти то, что еще можно спасти для жизни немецкого народа. Организовать муниципалитет, например, хозяйственную жизнь и пр. На занятых и занимаемых Красной Армией немецких территориях создать местные органы управления, из которых впоследствии вышло бы и германское правительство. (Развил свой план, который был в основном одобрен)» (С.471).

7 июня 1945 г., уже после окончания войны в Европе, у Сталина в присутствии Молотова обсуждался проект воззвания Коммунистиче-

²² История показала, что это было далеко не так.

ской партии Германии. «Сталин предложил: заявить буквально, что в данный момент путь насаждения советской системы в Германии неправилен, необходимо установить антифашистский демократический парламентский режим. Компартия предлагает блок антифашистских партий на основе общей платформы. Не говорить в таком хвалебном тоне о Советском Союзе и пр.», – записал Димитров (С.481–482).

Требовала к себе постоянного внимания и Болгария, в которой предстояли парламентские выборы. Димитров рвался на родину, где не был уже более двух десятков лет. 6 августа он говорил с Молотовым о Берлинской (Потсдамской) конференции и, в частности, о решениях, относящихся к Болгарии и Балканам. «В основном эти решения выгодны нам. Фактически признана за нами (СССР) эта сфера влияния» (С.492), – записал Димитров в Дневнике. Видимо, во время этого разговора зашла речь и о его переезде в Болгарию с целью баллотироваться в депутаты парламента. На следующий день, 7 августа, Молотов сообщил, что советовался по этому вопросу со Сталиным и что выставлять свою кандидатуру на выборах Димитров не может, поскольку является советским гражданином и депутатом Верховного Совета СССР.

Димитров настаивал на личной встрече и обсуждении другого варианта – отставке с поста депутата Верховного Совета СССР, «чтобы стать болгарским депутатом, что более выгодно с точки зрения будущей перспективы» (С.492). 8 августа Сталин дал согласие на этот план. 20 августа Димитров направил Молотову проект сообщения Президиума Верховного Совета СССР об освобождении его от должности депутата и от советского гражданства в связи с предстоящим выдвижением его кандидатуры в депутаты Народного собрания в Болгарии. Поздно вечером Молотов сообщил Димитрову, что завтра сообщение будет передано в печать. 21 августа оно появилось в газетах под заголовком «Г.М.Димитров – кандидат в депутаты Народного собрания Болгарии» (С.493–494).

29 августа Сталин и Молотов приняли Димитрова и других болгарских деятелей. «Беседа со Сталиным исключительно важна в связи с положением в Болгарии», – записал Димитров в Дневнике. Тогда же был решен вопрос о направлении в Болгарию Коларова, а после него – и Димитрова. На следующий день, 30 августа, состоялась вторая встреча со Сталиным, на которой присутствовали Молотов, Хрущев, Булганин и С.С.Бирюзов. Обсуждался ряд вопросов советско-болгарских отношений и помощи Болгарии со стороны СССР (С.495).

13 сентября с наркомом госбезопасности Меркуловым Димитров обсудил конкретные вопросы, связанные с его отъездом в Софию («охрана и пр.»). В тот же день он принял сотрудников НКГБ – полковников Голубенко, Студникова и Зеленского, которые под псевдонимами соответственно *Голубов*, *Студеников* и *Зеленов* направлялись в Болгарию в качестве «инструкторов» при министре внутренних дел Болгарии Югове (С.504).

3 ноября перед своим отлетом в Болгарию Димитров направил письмо Сталину, который отдыхал в это время в Сочи: «Дорогой тов. Сталин! Уезжая в Болгарию в связи с депутатскими выборами, хотел бы выразить Вам свою глубочайшую благодарность за то, что я имел возможность на протяжении многих лет работать под Вашим непосредственным руководством и так много научиться у Вас, а также за то доверие, которое Вы мне оказывали. Разумеется, я приложу все усилия, чтобы и в дальнейшем оправдать Ваше доверие. Но очень прошу дать мне возможность и в будущем пользоваться Вашими исключительно ценными необходимыми советам. Желая Вам от всей души доброго здоровья и долгой жизни на благо великой советской родины и трудящихся всего мира. Ваш всегда преданный Димитров» (С.509–510).

4 ноября, вылетев из аэропорта Внуково, Димитров прибыл в Софию: «После 22 лет снова на болгарской земле». Постоянная связь с Москвой поддерживалась с помощью шифрограмм и по ВЧ. Кроме того, Димитров, который в ноябре 1946 г. стал премьер-министром, в 1946 – 1949 гг. многократно приезжал в СССР для советов с кремлевским руководством, получения его указаний и лечения. 18 декабря на V съезде БРП (к) Димитров был избран Генеральным секретарем партии, получившей название Болгарская коммунистическая партия.

В конце января 1949 г. Димитров опять заболел: острая кишечная инфекция и воспаление желчного пузыря с высокой температурой. 6 февраля – последняя запись: «Опасность осложнения после воспалительного процесса миновала. Состояние улучшилось» (С.651–652). На этом Дневник кончается. Что происходило с его автором в период с 7 февраля до 2 июля 1949 г., когда Димитров скончался в Барвихе (под Москвой)²³, не ясно.

²³ В одной из книг ошибочно говорится, что Г.Димитров погиб в авиационной катастрофе (Коминтерн и Вторая мировая война. Ч.2. С.520).

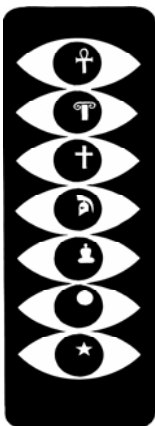
Георги Димитров. 1949 г. (www.anamnesis.info)

Возникает не один, а множество вопросов. Когда Димитров отбыл в Москву на лечение? Постоянно ли он в течение пяти месяцев пребывал в санатории или возвращался на какое-то время в Болгарию? С кем, кроме врачей, и с какой целью он общался в последние месяцы своей жизни? Какова история болезни Димитрова, что касается этого времени? Вел ли он Дневник? Учитывая, что Димитров вел записи ежедневно в течение 15-ти лет, в том числе и в самые тяжелые моменты своей жизни, трудно предположить, что он на протяжении пяти месяцев не делал этого. Если Димитров вел Дневник, то где он может быть? Просто утерян? Такие вещи просто не теряются! Уничтожен? Кем и зачем? Передан кому-либо из посещавших его в Барвихе? Маловероятно. Хранится в недрах архивов советских либо болгарских спецслужб? Возможно. Понадобился при подготовке политического процесса над Трайчо Костовым, который состоялся через пять месяцев после смерти Димитрова? Тоже возможно. Как относился Димитров к начавшейся по существу еще при его жизни подготовке этого процесса? Ведь Т.Костов был одним из наиболее близких к нему людей в последнее время. И вообще, как умер Димитров? Известно, что существует медицинское заключение о его смерти. Но известно также, как готовились эти заключения в те времена. Возможно, на какие-то из этих вопросов в современной болгарской историографии, которая, к сожалению, не достаточно хорошо известна автору статьи, уже дан ответ. А если нет, то историкам еще предстоит ликвидировать это «белое пятно».

Исаак Розенталь

ПРОГРЕССИСТ
ГОЛИЦЫН
И ЕГО ДНЕВНИК

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

The diary of Prince V.M.Golitsyn, a Moscow liberal public figure contains diversified information on life of Moscow and Russia in pre-revolutionary years. This valuable source also allows making an opinion on the personality of Golitsyn. In spite of his aristocratic ancestry Golitsyn's views made him closer to bourgeois circles than to the gentry. From the diary a researcher may derive new data on the progressists' party which emerged before WWI and on progressivism as a social-cultural phenomenon. Golitsyn's reflections covered a wide range of problems that excited him and his contemporaries. These included social, political, moral problems. Taken together, observations and opinions of Golitsyn create a multi-dimensional picture of the Russian reality of the early 1900s with all its inherent principal antagonisms.

«Я должен признаться, что я сознаю свое положение, которое стяжал себе здесь, свою авторитетность, свой престиж». «А надо признаться, что в настоящее время мало служил городу...»¹. Обе записи, спорящие между собой, – из дневника Владимира Михайловича Голицына (1847–1932), московского вице-губернатора и губернатора, затем городского головы, избравшегося на этот пост трижды (в отставку он вышел до истечения третьего срока). На страницах дневника, который он вел всю жизнь, не пропуская ни одного дня, перемежаются самооценки и автобиографические подробности, отклики на текущие московские и общероссийские события, размышления, развернутые обобщения и прогнозы.

Не пытаясь исчерпать все, что содержится в дневнике, ограничимся его презентацией как источника и выяснением взглядов автора. Преимущественное внимание будет уделено высказываниям Голицына, относящимся к началу XX века². Они лишь в самых необходимых случаях будут сопоставляться с историографическим освещением тех же сюжетов и с другими источниками.

Как вспоминал ближайший помощник Голицына Н.И.Астров, в бытность губернатором Голицын снискал «общие симпатии и уважение к себе», но он «никогда не был чиновником и бюрократом... и мало отвечал требованиям петербургских канцелярий»³. От перевода на должность губернатора в Полтаву он отказался, предпочел быть почетным мировым судьей, и это лишь прибавило ему популярности в Москве. На выборах городского головы в 1897 г. почти все гласные (всего их было в московской думе 160) решили, что только кандидатура Голицына может гарантировать от раскола и от «позора правительственного назначения»; против было подано 5 «черных шаров»⁴. Нельзя сказать, что только для гласных из купечества он был «нашим князем». Не вдаваясь в подробности практической деятельности городской управы под руководством Голицына⁵,

¹ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). Ф.75. Т.26. Л.23, 28.

² Некоторые из них ранее приводились в кн.: Розенталь И.С. Москва на перепутье: Власть и общество в 1905 – 1914 гг. М., 2004.

³ Астров Н.И. Воспоминания. Париж, 1941. С.248 – 249.

⁴ Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф.1337. Оп.1. Д.47. Л.94.

⁵ См.: Писарькова Л.Ф. Московская городская дума. 1863 – 1917. М., 1998.

достаточно указать на то, что именно Голицын и его сотрудники впервые стали обращаться с городскими служащими по найму («третьим элементом»), которых к 1912 году насчитывалось 22 тыс.) как с равными, а это были, в частности, первоклассные инженеры, архитекторы, статистики и другие специалисты.

Изображение прошлого, в том числе нарисованный Астровым в эмигрантских воспоминаниях портрет Голицына, носит отпечаток ностальгического чувства, но если и есть здесь невольное приукрашивание, то небольшое. Красивой наружности, изящный, благородный, просвещенный, Голицын, по словам Астрова, был вместе с тем прост, ласков, обходителен. «Культурный барин», он «охотно прислушивался к либеральным и прогрессивным идеям». И бесспорно, что перечисленные черты и качества были тогда востребованы. В неравноправном и сначала неполитическом диалоге-противостоянии с бюро-

кратическим Петербургом нужен был на роль «лица Москвы» именно такой глава городского самоуправления. Немаловажны были и внешность, и происхождение, и камергерское звание, и родственные и иные связи. Сам же Голицын был далек от самолюбования, и его дневник позволяет уточнить и скорректировать приведенную выше характеристику в последней ее части.

Дневник давно доступен, но изучен далеко не полностью. Можно предположить, почему. В первую очередь из-за огромного его объема. Вероятно, и по причине неординарности личности автора, мысли которого не вполне созвучны нынешним расхожим представлениям об эпохе, предшествовавшей событиям 1917 года. Наконец, и потому, что недостаточно выяснена природа политического течения, к которому Голицын принадлежал, хотя и не без оговорок, – прогрессизма. При том, что историческая литература о партии прогрессистов значительна и имеется ряд ценных исследований⁶.

⁶ Кроме монографий на более широкие темы, где речь идет также и о прогрессистах,

В пояснении нуждается, во-первых, это название, оно не настолько однозначно, как может показаться. Как не вспомнить строки Давида Самойлова: «Люблю обычные слова, как неизведанные страны. Они понятны лишь сперва, затем значение их туманно. Их протирают, как стекло, и в этом наше ремесло...». Приходится это делать и историку, сообразуясь с правилами своего ремесла. Кстати, Голицын размышлял и о связи между историей и искусством. Обучаясь в Московском университете на естественном отделении физико-математического факультета, он слушал лекции С.М.Соловьева и других профессоров-гуманитариев⁷, а впоследствии возглавлял попечительский совет Третьяковской галереи и Общество А.Н.Островского. Настоящий историк, по его мнению, – одновременно философ, поэт, художник; поэзия должна подкреплять историю⁸. Планка высокая, и мало кому удастся ее достигнуть, но помнить о ней, конечно, надо.

Итак, о названии. Среди названий политических партий нередко встречаются возникшие случайно, по стечению обстоятельств или даже навязанные в пылу борьбы противниками. Таковы тори и виги в Англии, а в России большевики, меньшевики, кадеты, черносотенцы. О прогрессистах начала 1900-х годов этого не скажешь. Но ведь носителями идеи прогресса (или веры в прогресс) вправе были считать себя и прочие крупные и мелкие либеральные партии. Чтобы понять, в чем тут дело, необходимо учитывать особенности политического словаря того времени. «Прогрессизм» был шире «либерализма», в границах этого понятия размещались и беспартийный либерализм легальных общественных объединений, неформальных групп и частных лиц, и либеральная пресса. Сотрудники «прогрессивных» газет обычно принадлежали к разным партиям.

К примеру, издатель московского «Русского слова» И.Д.Сытин пригласил фактическим главным редактором газеты меньшевика Н.Валентинова

см.: Аврех А.Я. Прогрессизм и проблема создания партии «настоящей» буржуазии // Вопросы истории. 1980. № 9; Вест Дж.Л. Буржуазия и общественность в предреволюционной России // История СССР. 1992. № 1; Вишневецки Э. Либеральная оппозиция в России накануне Первой мировой войны. М., 1993; Шелохаев В.В. Прогрессисты // Политическая история России в партиях и лицах. М., 1994; Селецкий В.Н. Прогрессизм как политическая партия и идейное направление в русском либерализме. М., 1996; и др.

⁷ См.: Голицын В.М. Московский университет в 60-х годах // Голос минувшего. 1917. № 11 – 12.

⁸ ОР РГБ. Ф.75. Т.30. Л.440 об.

(Н.В.Вольского). В «Киевской мысли» сотрудничал большевик В.Д.Бонч-Бруевич; накануне Первой мировой войны в этой же газете печатались корреспонденции эмигранта Л.Д.Троцкого⁹. Но вот уже некоторая, на первый взгляд, странность. В ноябре 1912 г. прогрессисты оформились, наконец, в партию и решили издавать свой неофициальный печатный орган – газету «Русская молва». Но и она не была строго партийной по составу редакторов и сотрудников, больше того, ведущую роль там играли не прогрессисты, а правые кадеты – А.В.Тыркова, Д.Д.Протопопов, Л.А.Велихов. Исходя из того, что, как заявила Тыркова, прогрессисты являются пока еще «бесформенным телом», свою задачу их союзники-кадеты видели в том, «чтобы помочь им сплотиться»¹⁰.

Камнем преткновения в постижении прогрессизма как исторического явления и его эволюции явились ленинские оценки. Это не значит, что в своем, как правило, одномерном анализе Ленин игнорировал факты. В данном случае он просто абсолютизировал факт несомненный – активную роль в этом движении так называемых «молодых» московских предпринимателей П.П. и В.П.Рябушинских, А.И.Коновалова, С.И.Четверикова и других. Представители «настоящей» буржуазии, заключал Ленин, хотя и создают свою партию, партию «либерального капитала», их не устраивают уже сложившиеся либеральные партии, так как, будучи буржуазными по сути своих устремлений, они объединяют главным образом не буржуазию, а интеллигенцию. К новой партии, предсказывал Ленин, отойдут все крупнобуржуазные элементы из партий кадетов и октябристов¹¹.

⁹ Большинство читателей таких газет было достаточно того, что они являются «прогрессивными». Иные же левые их авторы, пытаясь впоследствии «отмыться» от совершенного прегрешения, не могли свести концы с концами. Троцкий именовал «Киевскую мысль» «самой распространенной на юге радикальной газетой с марксистской окраской» и одновременно причислял ее к «буржуазной печати», отмечая, что сотрудничал в ней для заработка с согласия ЦК РСДРП. Ссылка на согласие ЦК не вполне понятна, так как в 1912 г. ЦК, признаваемый всеми фракциями РСДРП, уже не функционировал (Троцкий Л. Моя жизнь. Опыт автобиографии. М., 1991. С.225–226, 227). В комментариях к воспоминаниям Троцкого сообщается, что это была «газета буржуазно-демократического направления» (Там же. С.569).

¹⁰ Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии. Т. 2. М., 1997. С 36.

¹¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.22. С.244 – 245.

Дневник Голицына – одно из противоречащих этой схеме свидетельств, как противоречит ей и сама его биография. Каким образом попал в компанию Коновалова, Рябушинского и Четверикова князь Голицын? Прямое отношения к сфере промышленности, торговли и финансов он никогда не имел. Между тем добросовестные историки еще в советское время, продолжая цитировать, как полагалось, Ленина, установили, что «компания» прогрессистов, во-первых, вовсе не была сплошь торгово-промышленной и что, во-вторых, прогрессисты не стремились к обособлению от прочих либеральных партий и тем более от интеллигенции. Напротив, они использовали все возможные формы контактов с философами, экономистами, общественными деятелями, чьи взгляды им импонировали. Более всего известны «экономические беседы», которые систематически устраивались с 1908 года в домах Коновалова и Рябушинского, куда приглашали московских и петербургских интеллектуалов.

Нельзя говорить и о том, что целью «молодых» было создание однородно буржуазной партии, попытки такого рода были для них пройденным этапом. Но не оправдался и прогноз насчет грядущего дружного ухода к прогрессистам из сложившихся уже либеральных партий представителей деловых кругов, каковых было немало, например, в партии октябристов.

Образованный на съезде прогрессистов в Петербурге Центральный Комитет, как было принято тогда, состоял из двух отделений – петербургского и московского (до ноября 1912 г. они были «комитетами беспартийных прогрессистов» для проведения избирательной кампании в блоке с кадетами). В московское отделение как раз и входил В.М.Голицын вместе со своим сыном М.В.Голицыным. Прогрессисты-депутаты и III, и IV Думы принадлежали к разным социальным группам и сословиям, среди них были дворяне и купцы, священники и крестьяне. Единственный фабрикант-прогрессист появился в IV Думе – Коновалов¹². Накануне выборов в IV Думу о настоятельной необходимости объединиться «всем прогрессивным силам ... на почве взаимного доверия и уважения» писал, обращаясь к московским кадетам, прогрессист Д.Н.Шипов, он получил положительный ответ от Н.И.Астрова¹³. Если в

¹² См.: *Государственная дума Российской империи. Т.1. 1906 – 1917. М., 2006. С.521 – 523.*

¹³ *Государственный архив Российской Федерации. Ф.102 00. Оп.265. 1912. Д.569. Л.1337, 1391 об.*

московском отделении ЦК прогрессистов предприниматели составляли половину членов, то в петербургском их было лишь трое¹⁴.

В конце 1905 г. Голицын писал: «Участие в партии, к которой меня включили бы убеждения мои и образ мыслей, не представляется мне сколько-нибудь плодотворным, ибо пока ни одна из таких партий не проявила себя работоспособной, пригодной для созидательного труда»¹⁵. При всем том, что партии только сформировались и делать выводы было рано, принципиален здесь заявленный приоритет – пригодность партии к созидательному труду. В начале 1906 г. мы видим Голицына в числе основателей объединившего московских либералов-центристов Клуба независимых, он председатель президиума клуба.

Наконец, в дневнике имеется несколько лаконичных, но важных записей о событиях 1912 года, когда прогрессизм из беспартийного трансформировался в партийный, оставшись, однако, аморфным по сравнению с ведущими либеральными партиями. 6 апреля: «Был у Астрова ...долго беседовал с ним и его сослуживцами о моем участии в выборах государственных и городских, об избрании либо в Государственную думу, либо в головы»¹⁶. Ни то, ни другое не состоялось, но понятно, что на Голицына, почетного гражданина Москвы, не смотрели после отставки как на всего лишь свадебного генерала. Кстати, Астров был лидером московских кадетов, но в городской думе возглавлял группу «прогрессивных гласных», состоявшую из кадетов, прогрессистов и беспартийных. Два дня спустя Голицын приезжает к П.П.Рябушинскому для участия в беседах, долженствующих прояснить существо прогрессизма как идеологии. «...Собрались главы "беспартийных прогрессистов" – Ефремов, Н.Львов, симпатичный Новосильцев, много дельного было говорено, но все это как-то расплывчато. Нарекания на правительство или на ведомства. Львов: у нас правительства нет, а есть одни ведомства...»¹⁷ (Все, кто здесь назван, кроме Рябушинского, приехали из Петербурга; И.Н.Ефремов – председатель фракции прогрессистов в III Думе.) На следующий день, по поводу выборов: «Умеренные левые, прогрессивные и другие центральные что-то мало

¹⁴ Селецкий В.Н. Указ. соч. С.349 – 353; Шелохаев В.В. Указ. соч. С.51 – 53.

¹⁵ ОР РГБ. Ф.75. Т.26. Л.94. Так в тексте дневника.

¹⁶ Там же. Т.30. Л.438 об.

¹⁷ Там же. Л.441.

обещают, и притом они рассыпались...» («центральные» – центристские)¹⁸.

Имеет отношение к той же теме более ранняя запись, от 5 ноября 1910 г.: «У нас обедал кн. Трубецкой, все более завоевывающий наши сердца»¹⁹. Речь идет о Е.Н.Трубецком, философе и публицисте, одном из лидеров предшественницы партии прогрессистов – партии мирного обновления, редакторе журнала «Московский еженедельник».

Было бы ошибочно думать, что неудовлетворенность Голицына прогрессизмом обращена исключительно к его собеседникам, она и самокритична. Сам он политическим мыслителем не был и таковым себя не считал. Записи в дневнике, сделанные им в 1905 г., интересны как пример кристаллизации идеологии у рядовых либералов. Преобладают общие фразы, либеральные (прогрессивные) клише. 3 сентября Голицын записывает: «Могу похвалиться, что... давно я высказывался о неизбежности переворота у нас, и притом в смысле "света и обновления", в смысле свободы и падения чиновничьего самодержавия и произвола». 17 октября он разделил с гласными городской думы восторги по поводу «конституции» и произнес приветствие «свободной» Москве. Это «великий день для истории и современников», и «подъем духа в народе» опровергает тех, кто твердит, что «народ этот не дорос до свободы и гражданственности»²⁰.

Но есть и другая грань проблемы, выраженная в словах Голицына о «центральных» силах в либерализме. В исторической литературе последних лет прогрессизм оправданно рассматривается в долговременной ретроспективе, как одно из выражений внутрилиберальной центристской тенденции в развитии российской общественности. Центризм – явление не только политическое, может быть, в большей мере социокультурное и ценностное. Элементы «срединной культуры» легко найти в русской журналистике XIX века (самый яркий пример – «Вестник Европы» М.М.Стасюлевича и К.К.Арсеньева, этот журнал, по словам М.Горького, наиболее глубоко понимал значение культуры, был наименее партийным). Перспективна и уже реализуется мысль об изучении умеренного либерализма в аспекте распространения таких начал, как солидарность, доверие, терпимость (с учетом, конечно, действия проти-

¹⁸ Там же. Л.442.

¹⁹ Там же. Л.8.

²⁰ Там же. Т.26. Л.28, 58, 59.

воположных факторов и тенденций), и о необходимости создать научные биографии виднейших либералов-центристов²¹.

С этой точки зрения совсем не случайны в ряду прогрессистов, среди членов образованного в 1912 году ЦК новой партии (при том, что роль его в партии не была столь уж значительной) фигуры авторитетных деятелей. Таких как Голицын, гордившийся тем, что воспитывался на традициях и идеях 40-х годов XIX в.; или же председатель на протяжении многих лет Московского окружного суда, близкий Льву Толстому Н.В.Давыдов; или выдающийся ученый, министр народного просвещения в правительстве Витте, граф И.И.Толстой, избранный, подобно Голицыну, но уже в конце жизни, петербургским городским головой. Список легко продолжить, и общая черта всех, кто в этом списке окажется, – не вызывавшая у современников сомнений нравственная безупречность, на которой в первую очередь и основывался их авторитет, помимо конкретных заслуг – научных и прочих.

Анализ взглядов Голицына на предреволюционную Россию целесообразно предварить напоминанием о том, что о ней думают в наши дни, спустя столетие. В массовом историческом сознании за последние примерно полтора десятилетия утвердились на сей счет (не без участия некоторых историков) определенные стереотипные представления. Три наиболее часто встречающихся варианта мифологической ретроспекции, естественно, с вкраплениями того, что безусловно достоверно, в кратком изложении таковы.

1. Взгляд усредненный. Начало XX столетия было наилучшим временем из всех, когда-либо прожитых российскими гражданами или подданными, кому как нравится. Увы, воспроизвести, как хотелось, заново это благодатное время хотя бы в частностях не получилось. Взрастить, например, у современных бизнесменов поголовную якобы тогда купеческую честность или возродить благородство как отличительный признак исчезнувшего дворянского сословия. Монархические ценности в дистиллированном виде больше никого особенно не зани-

²¹ *О самой проблеме и имеющейся литературе см.: Хайлова Н.Б. Центризм в российском либеральном движении (к вопросу о методологии и источниковой базе исследования) // Политические партии в российских революциях в начале XX века. М., 2005. См. также подготовленный Н.Б.Хайловой сборник: Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906 – 1916 гг. Документы и материалы. М., 2002.*

мают и тем более не умиляют, как показали недавние акции – перезахоронение праха императрицы Марии Федоровны и др.

2. Взгляд человека искусства. Можно его проиллюстрировать красивым текстом. «...Серебряный век – это последний проблеск того сияющего, полнокровного русского дня, в котором жила страна. Она долго пребывала во мраке, потом наступил XIX век, над страной постепенно начинался рассвет, и в определенный момент Россия как бы просияла. А после этого на нее вновь опустился мрак, и этот мрак продолжается до сих пор»²². Иногда и артисты, обнаруживая некоторую эрудицию, дополнительно вспоминают Витте и Столыпина, как известно, к культуре Серебряного века вполне равнодушных. Главный же, если не единственный критерий – вершинные, непреходящие духовные ценности. Поэтому для исповедующих такое представление совсем не важно, что «проблеск сияющего дня, в котором жила страна», не заметило большинство ее жителей.

3. Взгляд идеологический, поучающий, обращенный и к современникам, и к предкам. Суть его в том, что последние (прежде всего интеллигенция, но не только) ничего не понимали в окружавшем их мире и «делали все не так». Поэтому они достойны презрения, если не чего-то худшего, и уж безусловно не представляют сегодня никакого интереса. Не имеют значения и оттенки их взглядов. Подобные обвинительные приговоры с претензией произносить их от имени «суда истории» всецело привязаны к потребностям политической конъюнктуры, как их разумеют обвинители.

Понятно, что есть и всегда будет спрос на облегченную картину прошлого без подробностей, существенных для современников, но стертых временной дистанцией и целенаправленными усилиями. Дневник Голицына в такую картину не вписывается, для подтверждения перечисленных вариантов исторического мифа он не годится. Как и неопубликованные воспоминания Голицына, дневник относится к источникам, выразившим в той или иной мере сложность эпохи. Их автору, не чуждому свойственных всем либералам иллюзий, все же важнее всего были «аргументы от жизни». Взгляды Голицына, пусть лишь в фрагментарной форме, обладают известной самостоятельностью и энергией умственного поиска. Дневник и воспоминания отразили самоопределение

²² Смирнова Д. «Связь» и другие киносценарии. СПб., 2006. С.346.

Голицына–прогрессиста, благодаря чему понятнее становится и его необычная популярность в буржуазных кругах.

Из всего, что можно прочесть у Голицына, видно, что прогресс в его понимании несовместим с тем, что представлялось ему, в отличие от современных мифотворцев, безнадежно устаревшим. Унаследованное от прошлого он не признает самоценным лишь потому, что оно освящено традицией. Еще в 1873 г., вспоминая Голицына, наблюдая за дворянскими выборами, «увидав все происходившее там открыто и подпольно, я почувствовал к ним такое отвращение, что больше никогда моя нога не ступала в эти сборища». «Враждебное чувство к дворянскому сословию как таковому, даром, что принадлежу к нему», в дальнейшем в нем окрепло, и не только по причине убежденности в равенстве людей перед религией, законом и правосудием. Дворянство, по наблюдениям Голицына, обнаруживало «полное непонимание... своей роли – государственной, общественной и землевладельческой» – и в то же время «исключительную... заботливость о своих сословных привилегиях и преимуществах». Немногие, пишет он, «наиболее добропорядочные», признавали, опустив глаза, несправедливость того, что налог с дворянской земли вдвое меньший, чем с крестьянской, остальные же принимали это как должное.

Не приходится удивляться тому, что Голицын, не чувствовавший «никаких сословных привязанностей» и видевший в «первенствующей» роли дворянства анахронизм, за которым нет ничего реального, навлек на себя «негодование наших доморожденных аристократов»²³. Следует иметь в виду, что скепсис аристократа в отношении сословного аристократизма был позицией далеко не новой. Еще в пушкинские времена князь П.А.Вяземский писал, что истинный аристократизм заключается не в титулах и не в родовитости, а в высоких качествах и заслугах, выделяющих личность. Эта просветительская идея нашла реальную опору в пореформенных социально-экономических процессах, в разрушении сословных границ. В начале XX века это означало сближение с теми взглядами, которые пропагандировали «молодые» московские промышленники: необходимо оттеснить силы, тормозящие прогресс, – «агариев» и «аграрную идеологию», привести политическую роль буржуазии в соответствие с ее определяющей и растущей ролью в российской экономике.

²³ РГАЛИ. Ф.1137. Оп.1. Д.47. Л.200 – 200 об.; Д.46. Л.141 – 142, 165.

И по дневнику, и по воспоминаниям прослеживается связанная с этими убеждениями Голицына многозначительная черта бытового его поведения: если сначала он чаще бывал (обедал, встречался по делу со знакомыми) в традиционной дворянской цитадели – московском Английском клубе, то в дальнейшем отдавал предпочтение Купеческому клубу.

В связи с «позорной» русско-японской войной («хорошо, что такое кончилось, а могло быть еще гораздо хуже») Голицын размышлял о подлинном и мнимом патриотизме. «Кто больше патриот – кто любит Россию или тот, кто ее ненавидит в том виде, в какой ее теперь привели, и желал бы видеть в другом? Любовь к ней, к родине вообще, – абстракция»²⁴. И позже, 7 марта 1912 г.: «Возбуждает во мне глубокое негодование» олицетворение «"святой Руси" в попе, офицере и батюшке-царе», такого патриотизма, «я совершенно определенно могу сказать ...во мне и следа нет...»²⁵.

Многолетний опыт общения Голицына с петербургской правящей элитой и ее окружением определил резкость в дневнике характеристик этого слоя и отдельных его представителей. «Встречаются явления – особенно часто в Петербурге – светской пустоты, олицетворяющие[ся] в таких [типах людей] известного пошиба, которые всегда глубоко меня возмущают и которые я желал бы видеть заклеятыми хлесткою, едкою сатирой. Что за богатейший материал представил бы сатирику современный Петербург. Таков, например, очень распространенный тип, являющий в себе сочетание афериста, царедворца, хама, вельможи и чуть не хулигана, и представители этого типа не в шутку воображают, что им сам Бог велел править Россией, быть ее хозяином, то есть эксплуатировать ее, а что Россия призвана только им служить. А петербургские женщины, воображающие себя призванными к политической роли! А военные, обворовывающие свои команды! Да всех подобных типов не перечтешь, и остается только [предполагать], что Ювенал уже родился и что скоро он проявит себя»²⁶.

«Поразительно, до чего доходит невежество наших государственных деятелей, выросших и воспитавшихся в смрадной атмосфере Петербурга, при дворе, в салонах, в военной службе. Невежество это проявляется

²⁴ ОР РГБ. Ф.75. Т.26. Л.11, 21.

²⁵ Там же. Т.30. Л.492.

²⁶ Там же. Л.414.

не только по отношению к интересам и задачам, возложенным на них службою, домом, но оно простирается вообще на всю культуру их, на образованность. Не в том ли заключается настоящая причина той бедности [в людях], на которую все так громко сетуют и которая действительно есть». И далее о том, что это «плоды предшествующего царствования», а ранее «пользовались людьми предшествующей эпохи». «Право, явись крупная личность, человек, головой превышающий современную мелочь, – молодой, полный сил, энергии и любви к делу (вроде Витте или Гамбетты), – его бы отдали под надзор полиции»²⁷.

Специально Голицын останавливается на принципах «набора» (то есть отбора) на высшие должности – тема болезненная, ее затрагивали тогда многие. «На Западе государственные люди, администраторы, даже общественные деятели вырабатываются, воспитываются, проходят практическую школу, подготовляющую их для дальнейшего. У нас эти люди только делают карьеру: из плохенького офицера или адъютанта делают губернатора, из корпусного командира – министра... Нам, русским, совершенно неизвестно, даже чуждо чувство служения делу по долгу, и притом не иначе, как во всеоружии знания этого дела. Нельзя учиться делу, руководить тем, отвечать за то, чего не знал хотя бы теоретически»²⁸. Впрочем, безоглядной идеализации Запада у Голицына нет. «В современной истории я не знаю ни одного случая, когда бы какое-либо правительство созналось в своей ошибке, прямо и откровенно. И надо сказать, что в Европе не один папа римский считает себя непогрешимым»²⁹.

И в дневнике, и в воспоминаниях Голицын набрасывал портреты государственных деятелей, с которыми ему пришлось соприкасаться, подтверждая примерами тенденцию «негативной селекции», которая бросалась в глаза многим современникам. С одной стороны, систематическое отстранение от деятельной роли «людей, чем-либо выдающихся, не подходивших под общий, всем привычный шаблон», таких, как великий князь Константин Николаевич, М.Т.Лорис-Меликов, М.Д.Скобелев, С.Ю.Витте. С другой стороны, выдвижение личностей совершенно неподходящих и бесперспективных, вроде московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, который

²⁷ Там же. Л.438 – 438 об.

²⁸ Там же. Л.446 об. – 447.

²⁹ Там же. Л.4.

за все годы пребывания в этой должности не обнаружил «ни малейшего успеха в знании служебного дела»³⁰.

Нельзя сказать, что проблема революции на страницах дневника Голицына господствует, но она присутствует, обнаруживая и то, что объединяло его с современниками, и своеобразное. Его не убеждал официальный оптимизм на сей счет. Он, по-видимому, не верил, что по мере раскрытия экономического потенциала страны все прочее «приложится», все проблемы решатся без усилий. Ближе ему А.И.Коновалов, заявивший в IV Думе, что расцвет промышленности «в рамках полицейского строя недостижим», ибо «без политической свободы самостоятельность населения атрофируется и в корне подрывается». Должных условий для «широкого потока русской самостоятельности» не было до 17 октября и нет в настоящем, говорил Коновалов. Эти условия – проведение в жизнь начал правопорядка, действительно широкое развитие общественных организаций, гарантии личной и имущественной безопасности и уверенность каждого в завтрашнем дне³¹.

Еще 7 декабря 1905 г. Голицын высказывался пессимистически насчет возможности достижения либеральных целей эволюционным путем. «Мой политический идеал – конституция с общим избирательным правом – вряд ли осуществим, благодаря неспособности и нежеланию правительства, с одной стороны, безумию и уродствам крайних, с другой»³². Позже он обращал внимание на то, что во всех монархических государствах, за исключением Англии, «монархическое начало трещит под напором новых общественных элементов, течений и идей». Но у российской монархии, писал он в 1910 г., не хватает духа осуществить те преобразования, без которых невозможно ее самосохранение. Наступление в скором времени революции представлялось ему неотвратимым³³. Впрочем, в этом он не был одинок, правда, больше было деятелей, в том числе из высшей бюрократии, кто связывал революционную перспективу с участием России в большой европейской войне.

У Голицына, не исключавшего революцию независимо от войны, столь же пессимистично настроенных союзников меньше, но среди них

³⁰ РГАЛИ. Ф.1337. Оп.1. Д.47. Л.193 – 193 об., 94.

³¹ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия I. Ч.1. СПб., 1913. Стб.659 – 660.

³² ОР РГБ. Ф.75. Т.26. Л.91 об.

³³ Там же. Т.30. Л.11 об. – 12.

В.О.Ключевский, предвидевший оба варианта³⁴. Голицын оригинален и в том, что, указывая на действовавшие в направлении если не революции, то дестабилизации общества факторы, выделяет при этом социально-психологическую и ментальную их основу. «Всеобщая деморализация, проникающая во все классы людей, во все области труда»; «порча», достигшая «угрожающих размеров». Люди, отмечает он, не приучены уважать чужую собственность, «воровство присуще нам, и никакие уроки, никакие кары не в силах нас исправить». Идейная нетерпимость (указание на это для позиции прогрессиста характерно). Со ссылкой на собственный опыт администратора, распространенность анонимных писем с доносами, сплетнями, площадной бранью – явление, «довольно характерное для русского человека, склонного нападать из-за угла»³⁵.

Все перечисленное, убежден Голицын, – «ужасные плоды современного нашего режима», в подтверждение чего он приводит только примеры, получившие всероссийскую известность: казнокрадство на голоде, во время русско-японской войны, в казенном хозяйстве. Вместе с тем он неизменно подчеркивает: все это «находит благодатную почву в нашей натуре», правда, не дотягивая до выводов о связи «порчи» с модернизацией в условиях разложения традиционного общества.

Говоря об отсутствии толерантности, Голицын основывался главным образом на наблюдениях в том кругу, от которого он себя не отделял. Но он не ошибался, когда экстраполировал эти наблюдения на все «образованное общество». «...В русских встречается так редко, что можно сказать, что мы [им] не обладаем, – уважение к своим противникам, – как к их мнениям, так и к самим личностям их. Слушая наши разговоры, кажется, будто каждый из нас считает тех, кто не разделяет его мнение о чем бы то ни было, мошенниками, а кроме того, несогласие с мнением своим личной обидой. А что если сказать такому человеку, что так же и к нему будут относиться, не будет ли это чудесным подтверждением христовых слов "каким судом судите вы других, таким же будут судить вас". Затем кажется мне, что у нас нет человека, который для оценки других людей не имел бы двух мер – одной для себя и своих близких, другой – для всех прочих. Эта двойственность проявляется ко всему – образу мнений, чувствам, деяниям, поступкам и т.д.» (запись от 10 марта 1912 г.)³⁶.

³⁴ См.: Розенталь И.С. Старые прогнозы // *Россия XXI*. 1998. № 3–4. С.180 – 183.

³⁵ ОР РГБ. Ф.75. Т.30. Л.447 об. – 448.

³⁶ Там же. Л.414 об.–415. – Ср. аналогичный вывод современного историка применительно

Автор дневника стремится избежать односторонности, и когда рассматривает первостепенную для либерала проблему власти и общества. «Трусость, – записывал Голицын, – лежит в основе всей деятельности нашего правительства, ее составная часть – страх за свою безопасность и свою неприкосновенность», оно «боится общества и потому держит его в дремоте, боится Европы и потому подличает перед нею». Но беда в том, что и многим общественным деятелям чужд «принцип самоопределения общественных единиц – общин, городов, профессий». В реализации этого принципа Голицын видел «единственный путь к прогрессу, к обеспечению благоустройства и порядка, к достижению политической и гражданской законности»³⁷.

Предпочтительным, по его прогнозу, был бы не новый подъем открытой борьбы с правительством, которое «само падает и с каждым днем все ниже» (вероятно, имелось в виду падение престижа), а бойкот его со стороны общества, приближающий его крах. Как Голицын себе это представлял, неясно, к тому же в потенции общества он особенно не верил, оно, писал Голицын, «отравлено "крайностями"». Во всяком случае, он считал, что 1905 год наглядно продемонстрировал преимущество эволюции перед революцией. В связи с этим он высказал (невольно) мысль, противоположную пропагандировавшемуся впослед-

ко всему спектру политических партий начала XX века: «...В чем российские партии явно превосходили своих западных собратьев, так это в полнейшей нетерпимости к инакомыслию. Межпартийная и внутрипартийная полемика всегда отличалась в России крайней грубостью и несдержанностью, личными выпадами и оскорблениями, производившими гнетущее впечатление на современников и потомков» (Тютюкин С.В. Рождение российской многопартийности // Политические партии в российских революциях в начале XX века. М., 2005. С.116). Конечно, гнетущее впечатление это производило далеко не на всех, в советское же время нежелание и неспособность большевиков вести с оппонентами цивилизованный диалог и соответствующая стилистика преподносилась как эталон «партийности». Нужно иметь в виду и генезис такой полемики, вошедшей в обиход в XIX веке усилиями не одних только радикальных публицистов. О стиле статей консерватора М.Н.Каткова, тогда еще непривычном, поэт Алексей Жемчужников писал: «Ишь сволочь! жулик! негодяй! Слова знакомы. Их значенье / Знакомо также. Этот слог, крепостникам кадя, пророк / С успехом ввел в употребление» («пророком» Жемчужников иронически называл Каткова. См.: Жемчужников А.М. Избранные произведения. М.; Л., 1963. С.296).

³⁷ ОР РГБ. Ф.75. Т.30. Л.9, 447 об., 492 об.

вии ленинскому тезису о «революционном творчестве масс». «В смутное время народное творчество малопродуктивно, оно словно замирает среди событий и волнений, которые поглощают общественное внимание, возбуждают страсти и двигают людей на напряженную работу рук»³⁸.

Определяя действия радикальных участников первой революции как «безумие и уродство», либерал Голицын, можно не сомневаться, вспоминал обстоятельства своей отставки в октябре 1905 г. Приведем несколько записей этого памятного года. 13 августа: «Революционное движение в Польше, Балтике и на Кавказе принимает очень серьезный оборот. Ненависть еще ни к чему не приводит». 20 сентября он записал, что удалось «уладить» забастовку московского трамвая, но она «предвещает начало нового рабочего брожения», 22-го – что «уже идет не борьба против правительства ... а междоусобие общества».

Очевидно, Голицын понимал, что во все более накаленной политической обстановке никакие напоминания о полезных населению трудах городской думы (которую имели право избирать всего лишь 0,6 % жителей Москвы) не остановят всеобщую стачку. Предотвратить паралич городских служб Голицын не мог, но не в силах был и удовлетворить требования рабочих и их «крикливых», как он пишет, предводителей. «Опять депутатии рабочих – дадут они нам хлопот!» – типичная запись тех дней. И тут же: «Все больше ощущаю отчуждение от внешней жизни»; «злобы дня не обогащают знание, а только раздражают душу»; «пример, достойный подражания», – Лев Толстой, он «бранит газеты и занимается литературой»³⁹.

15 октября московские социал-демократы потребовали от городской думы, чтобы она объявила о самороспуске, передав свои полномочия и кассу Совету общественных организаций, который заменит полицию милицией и подготовит новые выборы на основе всеобщего избирательного права. После этого Голицын заявил, что «почва под нами ускользает, если даже уже не ускользнула». 25 октября он подал в отставку.

К рабочему вопросу, к теме социализма он возвращается незадолго до войны. Побуждают его к этому массовые отклики на Ленский расстрел: «Фабричные забастовки в Петербурге, вызванные беззакониями в

³⁸ Там же. Л.12 об. – 13, 444.

³⁹ Там же. Т.26. Л.6 об., 8, 9, 10, 11, 14 об., 15., 35 об., 36 об.

Сибири, показывают, насколько наш рабочий наэлектризован...». Голицын, по его признанию, ценит «основную формулу» социализма – «возможно большее довольство для возможно большего числа при полной свободе жизни и труда и при полном обеспечении законности и правосудия». Идея диктатуры пролетариата ему, по-видимому, неведома, к тому же до большевистской ее интерпретации дело еще не дошло. Вообще партийные оттенки в социализме не кажутся ему важными – так же, как другим прогрессистам и их предшественникам.

По свидетельству П.Б.Струве, когда П.А.Гейдена, одного из основателей партии мирного обновления, кто-то спросил, какую программу он предпочитает, социал-демократов или эсеров, с какой из этих двух партий согласился бы скорее вступить в союз, тот ответил: это все равно, если бы меня спросили, из какого этажа я предпочитаю выброситься на улицу, из четвертого или из пятого⁴⁰.

Но Гейден умер в 1907 г., и прогрессисты – политические его наследники – сочли возможным пойти и на контакты с социалистами. Не потому, что идея социализма стала им ближе, а из-за того, что постепенно растаяли надежды на правительство. Прогрессисты пришли также к выводу, что оказать давление на власть нельзя без участия такой «активной силы», как рабочие (определение Коновалова; в том, что Голицын был посвящен в его планы, уверенности нет).

Голицын в своих несколько академических рассуждениях о социализме не касался вопросов тактики. У него три соображения. Во-первых, на формулу социализма в дальнейшем ее развитииросло «много ложного» (без конкретизации; видимо, с его точки зрения, ясно и так, что именноросло, но не сказано и о том, возможно ли «формулу» очистить). Во-вторых, остается много этой формулой неразрешенного. В частности, по мнению Голицына, сами социалисты не разработали удовлетворительно вопрос об обеспечении рабочего в старости и по болезни, о взаимопомощи и страховке (так!), «хотя они и двинули его куда лучше и дальше нас, довольствующихся платонической благотворительностью».

Ясно, что и здесь Голицын не имеет в виду социалистов радикального толка. Если же говорить о позиции деятельных прогрессистов, таких,

⁴⁰ Струве П.Б. *Patriotica: Политика, культура, религия, социализм. Сб. статей за пять лет (1905–1910)*. СПб., 1911. С.177. См. также: Шевырин В.М. П.А.Гейден // *Политическая история России в партиях и лицах*. М., 1994.

как тот же Коновалов или Четвериков, то они превзошли прочих фабрикантов не только масштабами благотворительности на своих фабриках. Сознавая невозможность заимствования их опыта владельцами средних и мелких предприятий, они подготовили широкую программу государственного страхования и ратовали за свободу рабочих союзов как инструмента установления социального партнерства. Другое дело, имелись ли шансы провести такую программу через законодательные учреждения. Депутатам-прогрессистам вменялось в обязанность специальной резолюцией ноябрьского 1912 г. съезда добиваться в Думе «минимума преобразований». Но с точки зрения правящих кругов это не было приемлемым минимумом.

Можно сказать, что прогрессисты пытались, но безуспешно смягчить социальную напряженность в промышленности через энергичную реформистскую деятельность государства – так, как это предлагали русским либералам германские мыслители⁴¹. Отклика, как известно, предложения прогрессистов не получили ни накануне, ни во время войны.

Особенно сложным представляется Голицыну «коренной вопрос» об эксплуатации наемного труда. Слово «эксплуатация» было бы в его словаре чужеродным, он его не употребляет, суть «коренного вопроса» он видит в «урегулировании пользования чужими трудами вообще во всех областях труда». Решать его он предлагает, конечно, не путем революции, а установлением вознаграждения, «справедливого, соразмерного с трудом и соответствующего реальным потребностям работника и его семьи», а также участием производителей в получении «пользы», то есть прибыли⁴². Но вопрос, как, каким образом это осуществить, он не ставит.

Завершая в 1927 г. воспоминания, Голицын объяснял уже свершившуюся революцию тем, что «органическую жизнь» России не знали и не понимали как высшие, так и низшие слои. «...Первые не знали народа, вторые – государства», «между этими двумя стихиями не было никакой связи, кроме поверхностной», верхи проявляли только властолюбие и жадность, низы – наружную покорность. «Жандармский строй не способствовал гражданскому воспитанию народа, развитию и возвышению

⁴¹ См.: *Модели общественного переустройства России. XX век. М., 2004. С.62 – 63.*

⁴² *ОР РГБ. Ф.75. Т.30. Л.449 – 450.*

его самосознания». Все это и привело к «поголовному увлечению коммунистическими доктринами»⁴³.

...О судьбе многочисленного семейства Голицыных в советское время рассказал в последней своей книге писатель, внук «нашего князя» С.М.Голицын⁴⁴. После 1917 года его дед жил в Богородицке Тульской губернии, в Сергиевом посаде и в Дмитрове. В 1918 и 1919 годах он арестовывался в числе других заложников. После второго ареста получил от председателя Моссовета Л.Б.Каменева (помнившего об отношении Голицына, в некотором роде его предшественника, к политическим заключенным) «охранную грамоту» за подписью своей и будто бы Г.Е.Зиновьева (не предвидевших в тот момент, что как раз из-за их подписей она станет для обладателей дополнительным источником опасности). В марте 1929 г. всех членов семьи, как бывших князей, лишили избирательных прав со всеми вытекавшими отсюда последствиями, но старшему Голицыну это было уже безразлично.

⁴³ РГАЛИ. Ф.1137. Оп.1. Д.47. Л.207 об., 282 об.

⁴⁴ См.: Голицын С. Записки уцелевшего. М., 1991.

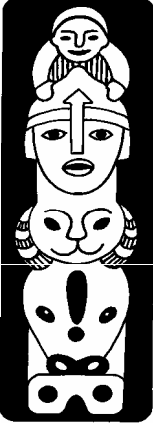
Мы можем восхищаться храмами древнего мира, будь то в Египте, Вавилоне или Греции; мы можем в восторге стоять перед статуями Фидия; и только, когда мы приближаемся к религиозным понятиям, которые находят свое выражение в храмах Афины и в статуях Зевса, мы отвращаемся и с жалостью называем этих богов простыми идолами и образами... Я не отрицаю, что религии вавилонян, египтян, греков и римлян несовершенны и полны ошибок, особенно на их поздних стадиях, но я утверждаю, что эти древние народы имели какую-то, пусть несовершенную, религию, и это возвышает их и приближает к нам больше, чем все их искусство, вся их поэзия и вся их философия. Их искусство, их поэзия, их философия были бы невозможны без религии; и если мы посмотрим без предрассудков, если мы будем справедливы, как должны быть справедливы всегда, с неустанной любовью и милосердием, мы изумимся, увидев новый мир красоты и истины, который, подобно лазури весеннего неба, возникает перед нами из-за облаков, скрывающих древние мифы.

Фридрих Макс Мюллер

Нет ничего чудного, если
невещественный борется с
невещественным; но то поистине
великое чудо, что дух, облеченный
в вещество, враждебное ему и
борющееся с ним, побеждает
врагов невещественных.

Иоанн Лествичник

Дмитрий Антонов

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

«БЕЗОБРАЗНЫЕ ОБРАЗЫ»:

К ЭВОЛЮЦИИ ДРЕВНЕРУССКИХ
ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ АНГЕЛАХ
И ДЕМОНАХ В XVII в.¹

In the final part of his article the author seeks for studying the evolution of canonical Christian ideas, common for medieval Russian literature, in some famous sources of the 17th century. Two autobiographical Lives of the first ideologists of the Old Belief schism, archpriest Avvakum and coenobite Epiphany, written in Pustozersk earthen prison, prove to present two different models of relations between man and God. While Avvakum followed the traditional hagiographical patterns in descriptions of miracles that had happened to him, Epiphany created a story, filled with bright ideas that appear to be both typical and new for the Old Russian literature. The phenomenon originally reflects the process of evolution that kept altering medieval Russian culture throughout the «transitional» century.

¹ Окончание. Начало см.: Россия XXI. 2007. №3.

Отношения человека с Творцом и с падшими духами

В памятниках XVII века топонимные сюжеты древнерусской книжности, связанные с Небесными и падшими духами, часто оказывались включены в нехарактерный контекст: новые объяснительные процедуры могли окружать известные мотивы, либо изменять конвенциональные представления о природе бестелесных существ. Формирование самодостаточной художественной реальности, позволявшей отходить от канонических идей – сложный процесс, «размывавший» изнутри конвенциональные объяснения традиционных произведений (как-то: Чудес, входивших или не вошедших в Жития). Сочетание неканонических утверждений и установки на истинность изложенного – характерная черта многих памятников эпохи.

Примечательную картину представляет в этом ряду известное сочинение XVII в. «Повесть о Горе и Злочастии, как Горе-Злочастие довело молотца во иноческий чин», сюжет которого типологически близок многим сказаниям, переведенным и созданным на Руси в «переходное» столетие. Начиная рассказ с грехопадения первых людей в рай, автор Повести переходит к описанию «рождения человеческого» – появления на свет некоего «молодца». Подросткового сына родители назидают о праведной жизни, однако тот, будучи «мал и глуп», оказывается прельщен и ограблен одним из своих друзей. Не решаясь показаться на глаза родителям, он уходит в иные земли, где начинает жить «умеючи», и, нажив богатство, решает жениться. Казалось бы, все складывается удачно, однако на этот раз молодца подводит «хвастанье»: услышав, как юноша хвалится своей удачей, его решает одолеть Горе-Злочастие:

*...а мне, Горю-Злочастию, не в пусте же жить –
хочу я, Горе, в людех жить,
и батагом меня не выгонить,
а гнездо мое и вотчина во бражниках².*

Горе прельщает юношу, дважды являясь ему во сне и убеждая отказаться от невесты и отправиться в скитание нищим. По дороге оно мешает молодцу покончить с собой от отчаянья и преследует его повсюду, намереваясь «помучится» с ним до смерти и подговаривая на различные преступления. Однако молодец вспоминает путь спасения и принимает постриг в монастыре, за порогом которого и остается Горе.

Как сюжет Повести, так и образ Горя-Злочастия очевидно фантастичны, нехарактерны для древнерусской книжности, однако конвен-

² Библиотека литературы Древней Руси (далее – БЛДР). Т.15. СПб., 2006. С.38.

циональные объяснения взаимоотношений добра и зла сохраняются в памятнике, особым образом сочетаясь со «сказочным» повествованием. Объяснения автора Повести во многом копируют традиционные агиографические модели. Прежде всего, хвастовство юноши и последовавшее нападение на него Горя происходят

*...по грехом молотцу
и по Божию поущению,
а по действию дияволу³,*

что полностью соответствует каноническим причинно-следственным связям. Действия Горя, прельщающего юношу, весьма интересны: потерпев неудачу в первой попытке соблазнить молодца, оно является ему во сне в образе архангела Гавриила и склоняет отринуть богатство и отказаться от невесты⁴. Подобный способ искушения хорошо известен в христианской литературе: соблазняя праведников, бесы предстают в образе ангелов или самого Спасителя, заставляя человека поверить, что он удостоился явления Высших сил, и тем самым улавливая его в свои сети. Смиренный монах не должен допускать мысли о том, что перед ним предстал Господь или Божий посланник⁵. Соблазнив юношу подобным образом, Горе вновь действует подобно падшему духу: оно заставляет молодца поклониться себе:

*Покорися мне, Горю нечистому,
поклонися мне, Горю, до сыры земли⁶,*

после чего несчастный окончательно попадает в его власть. Покаяние и постриг спасают юношу от, казалось бы, полного торжества нечистой силы.

³ Там же. С. 37.

⁴ Там же. С. 39.

⁵ В топомном ддя древнерусской книжности сюжете мудрый старец закрывает глаза, восклицая: «Аз Христа не хошу зде видети» (Древнерусские патерики. Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик. М., 1999. С.87). Ср. в Прологе XV века (Российский государственный архив древних актов. Ф.181. №355. Л.90). Аналогичное рассуждение существует в святоотеческих памятниках (См., напр.: Иоанн Лествичник. Лествица. М., 1647. Л.121, 188).

⁶ БЛДР. Т. 15. С.40. – Ср. характерные требования бесов, искушающих инока в «Повести Никодима Типикариса Соловецкого о некоем иноке» (1640–1650 гг.): «глас же кричания их сицев бысть: «Глаголи, черноризче: "Ваи есмь!"». Ови же глаголаху: «Отчайся! Яко уже несть ти спасения, понеже наш еси, нам предан» (Пигин А.В. Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности. СПб., 2006. С.241).

Как видим, «сказочный» сюжет Повести развивается по классической модели, ключевые элементы которой характерны для древнерусской книжности: общезначимые мотивы, определявшие описания бесов, переходят в рассказ о вымышленном Горе, а мысль о Высшем промысле определяет жизнеописание «молотца», ставшего иноком. Объединение топосов книжной культуры и фантастического сюжета обнаруживается во многих памятниках XVII столетия – оригинальных и переводных, пародийных и «сказочных», подобно рассмотренной Повести. При этом конвенциональные объяснения могут оставаться неизменными, но могут сами оказываться вовлечены в процесс эволюции, ведущей к художественному вымыслу. Примечательную картину представляют в связи с этим памятники, созданные во второй половине XVII в. идеологами старообрядчества – протопопом Аввакумом и иноком Епифанием. Бытование конвенциональных моделей древнерусской литературы в известных творениях «пустозерских сидельцев» заслуживает пристального внимания.

Чудо исцеления от блудного беса. Миниатюра, ок. 1592 г. Российская государственная библиотека, лицевое житие Преподобного Сергия (Троицк. III-21. Л.227 об.)

Природа чудес в «Житии» Аввакума

Два автобиографических Жития, написанные в пустозерской земляной тюрьме Аввакумом и Епифанием, имеют ряд весьма интересных отличий, касающихся принципов и природы отношений человека с миром духов. Относится это, прежде всего, к случаям изгнания бесов, описанным, в числе прочих чудес, в обоих Житиях.

О первом изгнании бесов Аввакум рассказывает очень осторожно, постоянно оговаривая, что все происходящее творится лишь Богом, но не им самим. «Простите, во искусе то на Руси бывало, – человека три–четыре бешаных, приведших, бывало, в дому моем, и за молитвы святых отец отхождах от них беси, действием и повелением Бога живаго...». Экзорцизм получает здесь четкие обоснования: «сила Божия отгоняше от человек бесы, и здрави бываху, не по достоинству моему, ни, никако же, – но по вере приходящих». Собственная роль обозначена автором с крайней степенью смирения: «древле благодать действовавшя ослом при Валааме, и при Улияне-мученике – рысью, и при Сисинии – оленем, говорили человеческим гласом. Бог, идеже хошет, побеждается естества чин ... и блудница мертваго воскресила. В Кормчей писано: Не всех Дух Святой рукополагает, но всеми, кроме еретика, действует»⁷. Тот же принцип утверждается в описании иных чудес, которые происходят «Божиим мановением» по вере просящих; сила чудотворения – в вере и смирении самих взывающих к помощи (С.369, 370).

Победить бесов удастся не всегда. Такое случается с бешеным Кириллушкой, который живет, одержимый сатаной, в темнице протопопа: несмотря на борьбу, тому удастся лишь «ослаблять» беса, «образумился» же одержимый только перед смертью. В изгнании дьявола воля «чудотворца» – отнюдь не определяющий фактор, только правильно ведя себя, верно выстраивая свои отношения с Богом, «чудотворец» может надеяться, что сила Христа изгонит нечистого. Ключевую роль играет здесь смирение экзорциста. Тщетно пытаюсь изгнать демона из брата, Аввакум падает на лавку и рыдает «на мног час». Смирение и раскаяние в собственных грехах помогает, и святая вода начинает отгонять беса – тот переходит на окошко, затем бежит на печь и, наконец, прячется под нее. Там Аввакум его и оставляет (С.390–391).

⁷ *Житие Аввакума // Памятники литературы древней Руси (далее – ПЛДР). XVII век. Кн.2. М., 1989. С.367. В дальнейшем ссылки на «Жития» Аввакума и Епифания приводятся в тексте по этому изданию.*

Описав изгнание духа из брата, Аввакум приступает к пространным самообличениям: «Слабоумием объят и лицемерием, и лжею покрыт есмь, братоненавидением и самолюбием одеян, во осуждение всех человек погибаю, и мнясь нечто быти, а кал и гной есмь, окаянной, – прямое говно! Отовсюду воняю – душою и телом. Хорошо мне жить с собаками да со свиньями в конурах ... да свиньи и псы по естеству, а я от грехов воняю ... спаси Бог властей тех, что землю меня закрыли: себе уж хотя воняю, злая дела творяще, да иных не соблазняю. Ей, добро так!» (С.391). Беспощадная характеристика – часть необходимого смирения, без которого невозможно было изгнание беса и без которого подобное самописание станет ярким проявлением гордыни.

После возвращения из Сибири Аввакум вступает в суровую борьбу с бесом, вселившимся в человека по имени Филипп: «молитвами святых отец сила Божия» отгоняет беса, однако его ум остается пока несовершенным. Казалось бы, все идет хорошо, но тут беда приключается с самим Аввакумом: вернувшись после жарких прений о вере и увидев, что дьявол «ссорил ни за што» его жену со вдовой Фетиньей, протопоп «бил обеих и оскорбил гораздо, от печали; согрешил перед Богом и перед ними». Изгнанный бес немедленно «вздвигал в Филиппе», и тот начал бесноваться. Аввакум хочет вновь укротить беса, «но не бысть по-прежнему» – бес хватает протопопа, бьет и «яко паучину терзает», приговаривая: «Попал ты мне в руки». Молитва без дела не помогает «чудотворцу»: избитый и раскаявшийся протопоп зовет обиженных женщин и со слезами просит прощения, а затем заставляет «всякого человека» высечь себя. Бес «видит неминучую», и ему не остается иного, кроме как выйти из Филиппа (С.392–393).

Принцип смирения оказывается ключевым в описании всех чудес Жития. Прежде всего, необходимо оно самому чудотворцу. Слезы – важный элемент внутреннего смирения: пытаюсь изгнать беса из брата, Аввакум терпит полную неудачу и отгоняет нечистого лишь «рыдав на мног час» (С.390); не только крестом, святой водой и маслом, но и слезами изгоняет Аввакум бесов в первом описании подобного чуда (С.367); утратив смирение, протопоп теряет всякую власть над бесом, находящимся в Филиппе. Это полностью соответствует каноническим представлениям: по словам Иоанна Лествичника душа соединяется с Богом «водою плача не ложнаго, от него же и возгоревся огонь Госпо-

день ... и оутверждается блаженное смирение»⁸. Сетование душевное – «плач по Бозе» – ведет к смиренномудрию, молитва со слезами «не оставляет упования» на собственную мудрость, порождающую тщеславие⁹.

Важнейший принцип определяет большинство описаний Аввакума. По замечанию В.В.Виноградова, в изображении «людей Божиих» в «Житии» чаще всего используются глаголы плакати, плакаться, а из «врагов Божиих» плачет только Пашков, да и то перед тем, как произнести покаянную речь Иуды¹⁰. Везде, где Аввакум говорит о слезности и плаче, понятие смиренномудрия оказывается ключевым. В то же время чудеса над другими людьми творятся по их смирению, причем протопопу приходится прямо *смирять* обратившихся за помощью¹¹.

Итоговые рассуждения автора «Жития» утверждают всемогущую добродетель как основу жизни всякого праведника: «Да полно тово говорить. Чево крестная сила и священное масло над бешанными и больными не творить Божию благодатию! Да нам надобе помнить сие: не нас ради, ни нам, но имени своему славу Господь дает. А я, грязь, что могу зделать, аще не Христос? Плакать мне подобает о себе. Июда чюдотворец был, да сребролюбия ради ко дьяволу попал. И сам дьявол на небе был, да высокоумия ради свержен бысть...» (С.396; ср. с.358).

⁸ Иоанн Лествичник. Указ. соч. Л.196.

⁹ Там же. Л.109 – 110. – Ср. наставление о слезах Нила Сорского, включающее заимствования из патристики (Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский. Сочинения. СПб., 2005. С.174–184).

¹⁰ Виноградов В.В. К изучению стиля протопопа Аввакума, принципов его словоупотребления // Институт русской литературы. Труды отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). Т. 14. М.; Л., 1958. С.372 – 373.

¹¹ «А ожидаю покаяние ея. Вижу, яко ожесточил дьявол сердце ея, припал ко владыке, чтобы образумил ея. Господь же, премилостивый Бог, умягчил ниву сердца ея: прислала на утро сына среднева Ивана ко мне, – со слезами просит прощения матери своей ... И я, **смирняя**, приказываю ей: Ввели матери прощения просить у Орефы-колдуна...» Смирение неотделимо от покаяния, которое и творит чудо («покаяние матерне колику силу сотвори: душу свою изврачевала и сына исцелила» С.369–370. Здесь и далее выделения в тексте источников мои. – Д.А.). Настолько же важно смирение при покаянии духовной дочери Аввакума Анны, которое окончательно изгоняет из нее беса: моля о прощении, она «плакала и рыдала, каюющаяся, безстыдно порицая себя. Аз же, пред человеки смирняя ея, многогажды на нея кричал ... и егда гораздо ея утрудил, тогда совершенно простил». Сам бес был напущен на девушку ради ее смирения: «Господь же попустил на нея беса, смирняя ея» (С.394–395).

В описаниях Аввакума всерьез принцип смиренномудрия был нарушен им лишь однажды. Эпизод на даурской реке ярко раскрывает принципы отношений «чудотворца» с Богом. После тяжелых избиений протопопа воевода Пашков велит сковать его и бросить в дощеник. На дворе стоит осень. Вскоре темнеет, начинается дождь, и всю ночь Аввакум лежит под ним, скованный и избитый. Наконец он не выдерживает, и на ум ему приходят весьма несмиранные мысли: «За что ты, Сыне Божий, попустил меня ему таково болно убить тому? Я веть за вдовы твои стал!»; далее следуют слова пророка Иова: «Кто даст судию между мною и тобою? Когда воровал, и ты меня так не оскорблял, а ныне не вем, что согрешил!» Сразу же вслед за этим приходит боль, которой не было даже во время избиений: у протопопа начало тянуть жилы и щемить кости, зашло сердце. Божественная помощь ушла, Аввакум встал перед лицом смерти уже не как праведник, но как грешник. Едва придя в себя, он кается и получает прощение, боль вновь уходит (С.364).

Следующий эпизод демонстрирует пример принципиально иного поведения. Когда речной поток уносит барку Аввакума, причем его самого едва спасают, а все добро размывает «до крохи», протопоп не только не позволяет себе горевать, но радуется: «Да што, петь, делать, коли Христос и пречистая Богородица изволили так? Я, вышед из воды, смеюсь, а люди те охают, платье мое по кустам развешивая...» (С.365). В результате таких действий «потерпевшего» Пашков начинает сердиться, считая, что тот «творит посмех». Подобный гнев грозит Аввакуму новыми избиениями, однако он уже не позволяет себе поставить земные горести выше памятования о благом Божьем промысле¹².

Помимо «сюжетных» актов смирения, совершаемых героем, аналогичные законы действуют и в «авторском плане» «Жития».

¹² Полнота смирения приближает праведника к юродивому. В «Житии» существует мотив, явно относящийся к этой традиции: обличая «никонианскую ересь» на соборе патриархов, Аввакум цитирует апостола Павла, вкладывая в уста оппонентов слова иудеев, распинающих Христа («всех нас обесчестил...»). Словами Павла останавливает он и начавшееся избиение. После этого, отойдя к дверям, протопоп «валится на бок» и заявляет всему собору: «Посидите вы, а я полежу». Окружающие не видят первоосновы юродского поведения: «Дурак, де протопоп-от! И патриархов не почитает!». В ответ следуют слова ап. Павла: «Мы уроди Христа ради! Вы славни, мы же безчестни! Вы сильни, мы же немощни!» (С.385).

«Анализируя» эпизод в дощенике, Аввакум не просто говорит об этом противном смиренню акте как об одном из страшнейших грехов, указывая на свое принципиальное отличие от пророка Иова: «Бытто доброй человек (другой фарисей з говенною рожею!) со владыкою судитца захотел! Аще Иев и говорил так, да он праведен, непорочен, а се и Писания не разумел, вне закона, во стране варварстей, от твари Бога познал. А я первое – грешен, второе – на законе почиваю и Писанием отвсюду подкрепляем <...> а на такое безумие пришел! Увы мне! Как дощеник-от в воду ту не погряз со мною?» (С.364). Подобный комментарий не что иное, как новый акт смирения. Без подобного «самоумаления» эпизод испытания веры напрямую уподобил бы Аввакума древнему пророку и описание стало бы гордынным отождествлением себя с ветхозаветными праведниками. Создатель «Жития» стремится быть смиренным до конца (и здесь «автора» и «героя» не разделить), и если сами описания начинают грозить отходом от принципа смирения, он прибегает к их прямому комментированию. Все жизнеописание «пустозерского сидельца» проникнуто красочными самоумалениями автора (С.357, 377, 382 и др.). Описания того, как «на самом деле» происходят совершаемые чудеса, – такие же «комментарии», призванные умалить образ «чудотворца»¹³.

Ключевые идеи «Жития», относящиеся к Небесному миру и миру бесов, традиционны для древнерусской книжности¹⁴. Конвенциональные

¹³ Смирennemудрие важно и в осуждении сторонников реформ: чем более «обличительствует» Аввакум, тем больше прибегает он после этого к «самообличениям», отгораживаясь от грозящей гордыни: «Простите, брате, никоняне, что избранил вас! Живите как хотите!», «А я ничто же емь. Рекох, и паки реку: аз емь человек грешник, блудник и хищник, тать и убийца, друг мытарем и грешникам, и всему человеку лицемерец окаянной» и т.п. (С.374–375, 388–389). Сам раскол Аввакум воспринимает как Божий промысел, которому в итоге подобает радоваться: «что, петь, зделаешь, коли Христос попустил?», «выпросил у Бога светлую Росию сатона, да же очервеленит ю кровию мученичскою. Добро ты, дьявол, вздумал, и нам любо – Христа ради, нашего света, пострадать!» (С.381–382). В «Книге бесед» мысль выражена не менее красочно: «не по што в Персы итьти печи огненные искать, но Бог дал дома Вавилон: в Боровске печь халдейская, идеже мучатся святци отроцы, херувимом уподобльшися» (ПЛДР. XVII век. Кн.2. С.419. Ср.: С.417).

¹⁴ Ср. описание призрачных видений, которыми бесы искушали Аввакума ночью в церкви. Скачущий столик, шевелящийся в гробу покойник, летающие ризы и стихари становятся на свои места, будучи осененными крестным знаменем. В полном соответствии с обще-

модели средневековья актуальны для Аввакума и утверждаются им на протяжении всего автобиографического рассказа¹⁵. Бесы призрачны и бессильны, они получают власть над падшим в грех человеком и изгоняются экзорцистом лишь в случае его крайнего смирения. Попущение беса – Божий промысел, никакой «самостоятельности» дьявола здесь нет. Отношения человека с Богом также определяются смирением, спасающим от погибельной гордыни, смиренномудрой готовностью принять любую кару и испытание с благодарностью, как благо¹⁶.

Природа чудес в «Житии» Епифания

Если смиренномудрие – естественная основа чудотворений Аввакума, то в «Житии» Епифания открывается совершенно иная картина. Здесь нет радости в бедах, однако повторяются сетования и горестные восклицания («Ох, ох! Горе, горе дней тех!» – С.325, 326, 327, 332). Интересно, что именно они ложатся в основу чудес, происходящих с иноком, что совершенно по-иному выстраивает взаимоотношения человека с Господом.

Одной из казней, принятых Епифанием, становится отсечение кисти руки. Сразу после экзекуции старец мечтает умереть, чтобы попасть на Небо страстотерпцем, однако смерть не приходит, и инок начинает сетовать: «О горе тебе, окаянне Епифане! Христос, сын Божий, тебя, вопиющая и молящаяся, не слушает, ни Богородица, ни святии его вси...» (С.326). Сам автор говорит, что «согрешил» такими словами, однако последствия «греха» оказываются необычными: вместо кары за неверие в Божий промысел

значимыми для древнерусской книжности представлениями бесы пугают призраками, которые не способны навредить сами по себе: когда Аввакум «пощупал, приступая» ризы, оказалось, что «оне по-старому висят» (С.396).

¹⁵ При этом в области догматического богословия знаменитый поборник старины отходит от канонического православного понимания Святой Троицы (Послание чадам церковным о дьяконе Федоре, Книга обличений или Евангелие вечное). См. также: Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. В двух томах. Т. 1. М., 2006. С.261 – 262; ср. описание догматических заблуждений «пустозерских сидельцев» у А.В.Карташева: Карташев А.В. История русской Церкви. М., 2004. С.631.

¹⁶ Ср. в Слове Кирилла Александрийского: «Терпяи со благодарением напасти, якоже исповедник венчается пред престолом Христовым ... кроткий и смиренномудрый благословен есть, роптаяи и стужаяи в случающихся бедах, и находящих скорбьх, тоскою и хоуля, сеи беспоутием заблудился, и оум глуох имать» (Соборник из 71 слова. М., 1647. Л.117).

Епифаний получает неслыханную награду – ему является сама Богородица и обеими руками гладит его рану, избавляя от боли. Прозрения Господне-го промысла здесь нет, происходит скорее своеобразное «исправление ошибки», когда праведник может справедливо посетовать, а Господь воздаст ему не по смиренной молитве, но по высказанному недовольству. Подобным образом происходит впоследствии иное чудо – возвращение Епифанию отрезанного в ссылке языка. Молитва инока прерывается восклицаниями: «Господи, свет мой! Куды язык мой ты дел?», «Господи, чем мне бедному, воспросити, а у мене и языка нету»? (С.329). В результате язык отрастает, и Епифаний радуется, чего никогда не делает он в горе, подобно автору первого пустозерского Жития.

Отношения Епифания с Господом достаточно требовательны, что немислимо для его знаменитого соузника. В своем автобиографическом рассказе старец может «наказывать» Богородице и ждать от нее выполнения своего «наказа», если же Епифанию кажется, что «наказ» не соблюден, он напрямую укоряет Богоматерь и вместо кары, подобной принятой Аввакумом на даурской реке, получает требуемое. Уже после этого праведник возносит хвалу Создателю.

Удалившись в пустынь и построив там келью, Епифаний обращается к Господу с весьма доверительной речью: «Ну, свет мой Христос и Богородица, храни образ свой и келейцу мою и твою!». Вернувшись через три дня и обнаружив, что келья объята огнем, старец не скрывает свое горе, но переходит к своеобразным «укорам» Божьей Матери: «О пресвятая госпоже, владычице моя, Богородице! Почто презрела еси бедное мое моление, и прошение отинула, **и приказу моего не послушала**, келейцы моя и своя не сохранила, но и образ свой не пощадила? <...> Где мне милости просити у Христа и у тебе»? (С.313). Подойдя к келье, Епифаний обнаруживает, что внутри она цела и огонь чудесным образом не тронул ее. Это сразу обращает печаль старца в радость.

«Требовательный» характер отношений с Богом ярко проявляется в одной из важнейших составляющих «Жития»: как и Аввакум, Епифаний посвящает много места описаниям своих «сражений» с нечистыми духами. Характерно, что борьба эта принципиально отличается от той, которую ведет протопоп. Противостояние Аввакума бесам происходит в реальности, речь идет прежде всего об экзорцизме, действующем через смирение и слезы: «бес-от веть не мужик, батога не боится» (С.367). В то же время для Епифания в сражениях с демонами смирению не находится места – старца охватывают отчаяние или гнев. Явление бесов происходит в реальности «тонкого сна», однако борьба наполняется массой бытовых

подробностей, напоминающих драку со вполне материальным существом: «И приидоша ко мне в келию два беса: один наг, а другой ф кафтане. И взем доску мою, на ней же почиваю, и начаша мене качати, яко младенца, и не дадяху ми опочинуть, играюще бо. И много сего было у них. Аз же, **осердяся на них**, востал со одра моего скоро и взем беса нагово поперек посред его (он же перегнулься, яко мясище некое бесовское) и начах его бити о лавку, о коничек». В то время как Епифаний занят первым бесом, избивая его в тесной келье об угол лавки, второй, одетый, стоит, как в кошмарном сне, прилипнув к полу. Нечистый дух старается уйти, но не в силах оторвать от земли ноги. Все это продолжается, по-видимому, долгое время, так как, очнувшись после побоев, грозный старец «зело устал, биюще беса». Примечательно, что руки инока и наяву оказываются мокры «от мясища бесовскаго» (С.314–315).

Мартин Шонгауэр. Искушение святого Антония. Ок. 1470 – 1480 гг.

Однажды ночью к Епифанию врывается лютый бес, «злой разбойник». Он хватается старца, складывает его пополам и сжимает так, что невозможно стало «ни дышать, ни пищать, только смерть». Едва собрав последние силы, Епифаний призывает на помощь Святого Николу, и бес пропадает, однако старец впадает в печаль и обращается к Богородице: «Почто мя презираеши и не брежеши мене, беднаго и грешнаго, я веть на Христа-света и на тебя, света, надеяся, мир оставил <...> Видишь ли, владычице моя, Богородице; в мале веть разбойник-от, злодей, мене не погубил, а ты не брежеши мене» (С.315). Описания не раскрывают суть произошедшего, в результате чего складывается представление, что бес может убить отшельника по своей воле, без Божьего промысла и без прегрешения человека. В то же время малосмирненные «увещевания» доходят до Богородицы, и Епифаний вновь получает требуемое «возмещение», на этот раз самое непосредственное: старцу дается возможность потешиться мщением и помучить беса в ответ. Явившись в келью, Богородица истязает в своих руках наглого «разбойника», что вызывает неподдельную радость Епифания: «Аз же зрю на Богородицу и дивлюся, а сердце мое великия радости наполнено, что Богородица злодея моего мучит». Дальнейшее еще более интересно: «И даде ми Богородица беса уже мертваго в мои руки. Аз же возьму у Богородицы из рук беса мертваго и начах его мучити в руках моих, глаголюще сице: О злодей мой, меня мучил, а и сам пропал!» В этом описании не происходит только смерти беса: выброшенный в окно, он встает, «яко пьян», на ноги и уходит, по повелению Епифания, в безлюдные места, что соответствует традиционной модели изгнания нечистого духа, восходящей к молитве Василия Великого (С.315–316).

Следующее сражение с бесами приносит Епифанию убедительную победу. Зашедший в сени кельи бес сам не рад, что забрел туда: старец выходит к нему и хочет «оградить» нечистого крестом. Тот пытается убежать, но Епифаний гонится вслед за демоном и по тем же правилам борьбы хватается его поперек, сгибает вдвое и начинает бить о сенную стену. Помощь приходит и свыше, так что бесу приходится нелегко, а Епифаний устает, мучая сатану (С.316). В отместку бес пытается поджечь всю келью, но Богородица вновь помогает старцу и спасает его жилище.

Нетрудно заметить, что в приведенных описаниях речь идет не о традиционной для агиографии духовной брани, где святой побеждает страсти, высмеивая немощь духа-искусителя, но о «физической» борьбе, происходящей в реальности видения. Увидев в аналогичной ситуа-

ции бесов и Антихриста, Аввакум хочет ударить нечистого посохом, однако, услышав от него традиционное утверждение: «Я нехотящих не могу обладать, но по воле последующих ми, сих во области держу», – ограничивается плевком¹⁷.

Мученик Никита, побивающий беса. Икона середины XVI в.

«Стремление к художественности», отмеченное А.Л.Юргановым в «Житии» Епифания¹⁸, проявляется в наполнении повествования увлекательными деталями, нехарактерными для конвенциональных объяснений подобных ситуаций в древнерусской книжности. Борьба с бесами для Епифания самоценна: бесы без причины мучают праведника, праведник в ответ мучает бесов. Примечательно при этом, что подобная

¹⁷ ПЛДР. XVII век. Кн.2. С.424.

¹⁸ Юрганов А.Л. Убить беса. Путь от Средневековья к Новому времени. М., 2006. С.309, примечание.

борьба вызывает греховное *роптанье* на Бога, вслед за которым происходит чудо, позволяющее иноку «отомстить» демону. В случае если сатана был попущен на праведника Господом для испытания веры, подобная последовательность была бы нелогичной, в случае самостоятельного нападения беса эта модель вполне оправдана.

«Самовластие» падших духов до определенной степени проявляется в рассказе о старце Кирилле, жившем, как и Епифаний, на Виданьском острове в четырехстах верстах от Соловков. В келье старца обитал бес, непрестанно мучивший подвижника. Однажды, отлучившись в Александров монастырь, Кирилл попросил своего отца и зятя следить за кельей, заповедав им при этом входить внутрь, чтобы уберечь родных от нечистого. Зять Ивана не придавал большого значения запрету и, сблудив с женой и не омывшись, пришел в келью выпасться, пригласив с собой приятеля и тезку – другого Ивана. В результате страдает не только блудник: его безвинному другу сатана выламывает руку и выносит искалеченного из кельи, так что тот едва уползает, пробудившись и нескоро придя в себя. Иван-зять получает в то же время чудовищное наказание: «бес же Ивана поганово до смерти удавил, и власы долгия кудрявыя со главы содрал, и надул его, яко бочку великую»; впоследствии у «надутого» трескается кожа (С.311–312). Кара, последовавшая за нарушением запрета старца, не противоречит традиции (подобные рассказы характерны, в частности, для патериков), однако власть беса, искалечившего друга грешника, велика, в то время как смысл его преступления не раскрыт, а Божья казнь не упомянута в тексте. Интересно, что в краткой «автобиографической записке» Епифания эпизод не включал даже запрета старца: два бельца заночевали в келье, где обитал бес, за что и заплатились – один здоровьем, другой жизнью¹⁹.

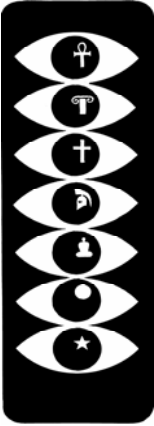
Описания Епифания не расходятся прямо с древнерусскими представлениями о взаимоотношениях человека с падшими духами: бес, живущий на определенной территории, может убивать людей; праведник может «мучить» беса; описываемые книжниками молитвы в отдельных случаях не проникнуты смирением, определяющим поведение святых в большинстве агиографических памятников. Жития Аввакума и Епифания, созданные в одно время, по сути, представляют два варианта рассказов о борьбе с демонами: более каноничный, характерный для агиографии, и более «простой», «плотский» по своей образности, также

¹⁹ *Материалы для истории раскола за первое время его существования. Т.VII. М., 1885. С.54.*

встречающийся в средневековых источниках. Однако совокупность деталей, наполняющих рассказы Епифания, создают картину, в целом нехарактерную для древнерусской книжности. Борьба с бесами тяготеет здесь к самодостаточному противостоянию, не мотивированному Божиим попушением. Испытания, которым подвергается отшельник, ведут его не к спасительному смирению, но к унынию и роптанию; «требовательный» тон молитв, несмотря на то, что сам автор осознает греховность подобных слов²⁰, приводит не к наказанию, но к поощрению. Все это кардинально отличает «Жития», созданные во второй половине XVII в. «пустозерскими сидельцами», а ряд черт, вторгающихся в автобиографический рассказ Епифания, оказывается весьма характерен для «переходной» эпохи.

Изменения традиционных представлений об ангелах и демонах, развивающиеся со второй половины XVII столетия, многоаспектны, они охватывают весь комплекс конвенциональных для древнерусской культуры идей о природе Небесных и падших духов и о способах их взаимоотношений с людьми. Важные элементы происходящей эволюции обнаруживаются в самых разных источниках, что подтверждает актуальность этого процесса для эпохи, когда синкретизм Средневековья вытеснялся художественным вымыслом Нового времени. Канонические представления не претерпели существенной эволюции в православии: художественный вымысел не расшатывал ядро святоотеческой экзегетической традиции, однако место самого православного мировосприятия в культуре стремительно сужалось. Россия вслед за Западом шла путем секуляризации, на котором фантазия, сатира и гротеск получали все большую возможность вторгаться в сферу сакрального. Уход от средневекового синкретизма способствовал распространению атеизма и агностицизма как популярных вер новой эпохи, чтобы в Новейшее время христиане вернулись на свой изначальный путь, став общиной верующих в недоверчивом, а порой агрессивном к христианству мире.

²⁰ *Горестные слова, обращенные к Богу в момент, когда Епифаний желал, но не получил мученической смерти, комментируются следующим образом: «Простите мя, грешнаго, отцы святии и братия! Согрешил аз, окаянный» (С.326). В автобиографической записке нескверное обращение Епифания к Богородице после нападения беса было объяснено как произошедшее «от невежества моего, паче же от болезни...» (Материалы для истории раскола... Т.VII. С.58–59).*

Джеймс Рассел

СВЯТИЛИЩЕ
ПОД ВОЛНАМИ*

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Using oral versions of the Armenian folk epic 'David of Sassoun' the author explores the first part of the epic which contains the narrative on birth from the rock of two ancestors of the Sassoun tribe heroes. Details given in these oral versions allow diving deep into mythological sources of this episode. These sources can be traced back to the most ancient periods of the Armenian nation formation and, at same time, have much in common with mythology of neighboring peoples and even of ancient Slavs. The author demonstrates that legends that emerged around the Armenian St. Grigor Narekats'i, are not just permeated with these mythological images but, in their turn, brought to bear mutual influence on the further development of the epic itself.

* Светлой памяти моего любимого учителя и друга профессора Мэри Бойс (2 августа 1920 г. – 4 апреля 2006 г.)

*Там башни (накренило их,
А все ж не рухнут), храмы, зданья –
Иные, чем у нас, живых...
Но чу! Вдруг ожил воздух стылый,
И зыбь поверхность вод всхолмила.*

Эдгар Алан По «Город среди моря»
(перевод Ю.Корнеева)

*Завороженно мы глядим в морские дали
И грезим девами давным-давно,
Но, пробуждаясь, мы идем на дно.*

Томас Стернс Элиот «Песнь любви
Дж. Альфреда Пруфрока»
(Перевод Я.Пробштейна)

Зороастрийский субстрат армянской культуры

Повсеместно можно наблюдать, что святое место остается объектом паломничества даже после того, как на смену религии, которая придавала ему святость, приходит иная. В Армении, особенно в районе озера Ван, многие христианские святилища, которые пришли на смену зороастрийским, остались святыми местами и для курдов-мусульман, лишь слегка изменив свои названия. Один из таких примеров – арм. *Путки Сурб Геворг* («Гостиница Св. Георгия»), курд. *Дира Хани* («Гостиничный монастырь»), тур. *Хорозванк* («Монастырь петуха») на перевале Мокс, к югу от озера Ван. Петух, которого лелеяли в этом монастыре, – птица, посвященная зороастрийскому божеству Сраоша (перс. Соруш), – служил для предупреждения путешественников о приближении снежных бурь. Монахи странствовали по стране, собирая милостыню для поддержания обители, вооруженные свитком, повествующим о чудесах петуха, который был изображен над текстом (он также вырезан над входом в монастырь). Когда петух умирал, его хоронили по христианскому обычаю и сразу начинали искать его перевоплощение¹. После геноцида 1915 года в обители Св. Георгия больше не слышно ни голосов монахов, ни петушиного кукареку – лишь руины, легенды и сохранившееся имя.

¹ См.: Russell J.R. – intro., tr., and annotated. *Karapet Sital, An Armenian Epic: The Heroes of Kasht (Kashti k'ajer)*. Ann Arbor: Caravan Books Anatolian and Caucasian Series, 2000. P.123–132, n.36.

Однако в иных случаях предназначение святых мест нередко оказывается поводом для споров. Так, Храмовая гора в Иерусалиме, где на протяжении византийского правления лишь руины напоминали о заброшенной и униженной Синагоге, после мусульманского завоевания страны Израиля была отождествлена с «далеким местом поклонения», откуда Мухаммед совершил свое путешествие на небо. Мечети Аль-Акса и Купол Скалы (построенная по модели византийской октогональной церкви) были зримым унижением Церкви. Сегодня евреи, пережившие рассеяние и геноцид, вернулись в Иерусалим, армяне же пока не увидели, как зачастую говорится у них, другой стороны Арарата.

До сих пор, однако, существуют священные места, которые, быть может, к счастью для этого мира, раздираемого политикой религиозного реваншизма, либо физически недоступны, либо видимы лишь тем, кто оказывается достойным того, чтобы увидеть их. Именно о таких святынях я буду говорить в этой статье. Армения с не меньшим основанием, чем Иерусалим, может претендовать на то, чтобы считаться центром мира: два ее культовых святых места хорошо известны и играют ключевую роль в Священной истории. Прошлое живо в их окрестностях.

Ноев ковчег покоится на горе Арарат (еврейское слово для обозначения Уарту; в названии озера Ван и города на его берегу сохранилось исконное название страны – Биайна). Когда св. Яков из Нисибина взойшел на Джебель Джуди, гору, которую ранние христиане отождествляли с пиком Ноя², ангел погрузил его в сон, прежде чем он смог достичь вершины. За свои праведные страдания он был вознагражден куском дерева из ковчега. Эдемский сад, физический доступ к которому запрещен потомкам Адама, расположен в небесах над мировой горой, возвышающейся над областью Харк (в Хнусе, тур. *Хинис*) в западной Армении, к северо-западу от озера Ван, откуда берут свое начало Тигр и Ефрат. Большинству не суждено увидеть сам сад, где воды четырех могучих потоков изливаются вниз на Землю. Четыре реки, символизирующие четыре стороны света, определяют Эдем как центр мира. Для

² *Большой Арарат, тур. Aghri dagh, совр. арм. Masis (от класс. арм. Azat («свободный, благородный») Masik', вероятно, от древнеиран. *masyah – со значением «очень большой»). Есть еще одна гора, Sip'an или Subhan dagh, к северу от озера Ван, называемая Nekh Masis, возможно, от nakhwa – «первый», расположенная за современной границей напротив Еревана. Эта гора, согласно мифам, является местом заточения апокалиптического царя Артавазда. Этот благородный титан, увенчанный снежной шапкой, возвышается над священным городом Эчмиадзином; фольклорные и церковные предания со временем приписали ему честь быть местом, где пришвартовался Ной.*

христианской экзегезы также очень важно, что они имеют форму креста. О таком устройстве Эдемского сада стоит помнить, поскольку в тексте, который мы будем рассматривать в данной статье, важную роль играет магический источник, вода из которого бьет в четырех направлениях.

Однако некоторые все-таки были удостоены видения Эдема. Согласно легенде, записанной в иллюстрированной армянской рукописи XV в. «Жития отцов пустынножителей», происходящей из Кафы (совр. Феодосия, Крым), группе странствующих монахов было позволено издали увидеть Рай во всей его красе: в углу миниатюры, на которой запечатлена эта сцена, облик одного из монахов схож с изображением патриарха св. Нерсеса Благодатного (арм. Шноргали, ум. 1173) в Хромкле в Киликии. Позднее он описал это в своем утраченном комментарии на книгу Бытия³. На миниатюре чудесными самоцветами разбросаны цветы и деревья Эдема, но ангел-страж, стоящий у ворот сада, не дал странникам в подарок ни единого цветка. Основу текста рукописи составляют «Изречения отцов», важный компендиум житий святых, которые жили в одиночестве в пустыне к западу от Александрии. Эта книга, как писал Блаженный Августин в своей «Исповеди», способствовала его обращению в христианство. Далее в армянской рукописи следуют рассказы о более поздних религиозных лидерах, в первую очередь, об отце исихазма св. Симеоне Новом Богослове, жившем в Византии в X в., и его современнике армянском святом Григоре Нарекаци (951–ок.1003). Сочинения этого святого и легенды, которые складывали о нем, играют важную роль в нашем исследовании.

Нарекаци провел большую часть жизни в монастыре Нарек, расположенном в центре маленькой деревни (курд. *Нерик*, тур. *Емишлик*) на холме, возвышающемся над возделанными полями. Монастырь, восстановленный в районе Себастии беженцами от сельджукского вторжения, также стоял на своем изначальном месте вплоть до его окончательного разрушения курдскими мародерами в 1912 году⁴.

³ См.: Stone N. *The Kaffa Lives of the Desert Fathers: A Study in Armenian Manuscript Illumination*. Leuven: Peeters, 1997; цит. в: Russell J.R. *The Credal Poem Hawatov Xostovanim («I Confess in Faith») of St. Nerses the Graceful // Armenian and Iranian Studies (= AIS)*. Harvard Armenian Texts and Studies 9. Cambridge, MA, 2004. P.1016, n.47.

⁴ Когда я впервые посетил Нарек (1994), на холме, где раньше стоял монастырь, строилась уродливая кубическая мечеть. При строительстве использовались камни с крестами, изображенными на них паломниками в Нарекаванк. Остались также фотографии большого крестообразного камня (арм. *хачкар*) с равнобедренным крестом, возможно,

Хачкар из деревни Нарек

Недалеко к северу находится берег озера Ван, прямо напротив острова Ахтамар, где в 920 г., за 30 лет до рождения Григора, царь армянской области Васпуракан Гагик построил церковь Св. Креста. Церковь богато украшена рельефами, из которых наиболее знаменито изображение Ионы и кита. Христианские экзегеты интерпретировали библейскую легенду как прообраз избранничества язычников; на рельефе в Ахтамаре «кит» Ионы на самом деле не кит, а *вишан*, морской дракон. Этим иранским словом было названо мифическое создание, побежденное урартским богом грозы Тейшебой, так как, когда армяне приняли зороастризм, этот подвиг был приписан аналогичному божеству, Вахагну (авест. Веретрагна). Имя последнего означает «преодолевающий сопротивление»; это сопротивление олицетворяется в змее: ведический двойник Веретрагны Индра побеждает дракона по имени Вритра (родственно иран. *веретра-*), после чего бог получает почетный эпитет Вритрахан (*хан-* – индийское отражение формы *ган-*, «удар»); иранский вариант – Веретрагна).

Х века, а также многочисленных камней с надписями, которые лежали неподалеку и использовались для переправы через арык. Когда я вернулся (1997), деревенские жители, которые по-прежнему называли деревню Нарик (хотя турки переименовали ее в Емишлик), рассказали, что вскоре после моего отъезда несколько лет назад приехали турецкие правительственные чиновники и раздробили хачкар на куски. Этот акт преднамеренного вандализма характерен для политики, проводимой государствами – наследниками архитекторов геноцида армян. Так, в последние несколько лет власти Азербайджана систематически уничтожают десятки тысяч армянских крестообразных камней в Джулфе и других местах.

Рельеф из церкви Св. Христа в Ахтамаре

Таким образом, армяне открыли буквальные и метафорические глубины, позволившие соотнести историю Ионы со страшными безднами уникального армянского внутреннего моря, озера Ван. Нарекаци использовал эти слои истории и образы в своих размышлениях об опасностях и спасении души, которые, в свою очередь, способствовали формированию легенд о нем и вписыванию места, связанного с ним, в тот самый устный эпос, чьи корни первоначально сформировали его собственное видение, – удивительный пример многообразного взаимовлияния письменных и устных повествований, а также церковных и фольклорных представлений.

Дальше в озере Ван, прямо к северо-западу от острова Ахтамар, где во времена Нарекаци располагались и церковь Св. Креста, и роскошный дворец Арцрунидов (от которого ничего не сохранилось), расположен крошечный, увенчанный монастырем островок Артер. Как мы узнаем дальше, Нарекаци в его монастыре посетил видение Пресвятой Девы,

парившей над этим островком. Он был волшебным образом перенесен к ней через воды. Вследствие легенды о вишапах и истории магического перемещения над островком, Артеру суждено было занять важное место в армянском устном героическом эпосе. В последние годы жизни св. Григор удалился в пещеру, расположенную над деревней Пакан, высоко над Нареком, в предгорьях великого хребта Мокс – в тех самых горах, где гостиница Св. Георгия предлагала свой приют странникам. Там он создал цикл из 95 лирических молитв, составивших «Книгу скорбных песнопений». Эти изысканные литании можно разделить на 3 группы, которые архитектурно соответствуют паперти, нефу и алтарю церкви; кроме того, они следуют порядку божественной литургии.

Нарек 1173 г. Григор Нарекаци, предстоящий перед Христом

В шедевре Нарекаци можно найти много общего с идеями и практиками исихастов (например, обретаемая посредством молитвы способность видеть небесный свет). Хотя некоторая традиция созерцательной молитвы существовала в Армении и до Нарекаци, он, однако, восстановил ее и по праву может считаться ее основоположником. Если в традиционном армянском доме есть книга, кроме Библии или Псалтыри, то это обычно именно сборник Нарекаци, именуемый просто *Нарек*. Считалось, что книга обладает магической силой, а в балладах и фольклорных историях, слагавшихся на протяжении следующего тысячелетия, воспевался сверхъестественный дар самого Нарекаци. Мы увидим, что эти истории придают новые краски тому эпизоду героического эпоса, где говорится о святилище, расположенном над или под водами озера Ван и недоступном или невидимом обычным людям.

Через два столетия после смерти св. Григора св. Нерсес (о котором мы упоминали выше в связи с посещением группой монахов подножия Эдемских гор) и его наследник католикос Григор (по прозвищу Тга, Отрок) продолжили древнюю практику созерцательной, покаянной молитвы. В особенности они стремились сохранить традицию, запечатленную Нарекаци. Нерсес в своих стихах, красота и прозрачность которых способствовала включению многих из них в сборники армянских церковных гимнов и божественную литургию, уделял особое внимание образам огня и света, что сразу вызывает ассоциации с исихазмом и хорошо согласуется с зороастрийским субстратом армянской христианской культуры⁵. Этот субстрат с очевидностью проявляется не только в дуалистической символике, но и в большом количестве парфянской терминологии, перенесенной на христианскую почву, в иконографических формах⁶, а также в использова-

⁵ О Нарекаци см.: Russell J.R. «A Poem of Grigor Narekats'i»; «A Mystic's Christmas in Armenia»; «On St. Grigor Narekats'i, His Sources and His Contemporaries»; «A Shipwreck Awesome and Marvellous: Chapter 25 of the Lamentations of Narekats'i»; «Two Notes on Biblical Tradition and Native Epic in the 'Book of Lamentation' of St. Grigor Narekats'i»; «Virtue and Its Own Reward: The 38th Meditation of the Book of Lamentation of St. Grigor Narekats'i»; «Armenian Spirituality: Liturgical Mysticism and Chapter 33 of the Book of Lamentation of St. Grigor Narekats'i»; «The Four Elements and the Cross in Armenian Spirituality, with an Excursus on the Descent in Merkavah Mysticism»; «Bedros Tourian's Cruciform Prayer and Its Antecedents»; «Loytsn matsuat: On Cosmological Mysteries in Armenian Tradition». Об образности Шноргали см.: «A Credo for the Children of the Sun» (repr. in AIS).

⁶ Один из примеров – армянская традиция изображения на рельефах креста, возвышающегося над парой крыльев (эмблема святости в зороастрийской иконографии) (См.: Russell J.R. *The Scepter of Tiridates* // AIS. P.1141, pl.2). Можно добавить также несколько

нии в агиографии дохристианских топосов, заимствованных как из зороастризма, так и из героического эпоса⁷. Эта связь очень важна, поскольку народная традиция наделяет великих святых чудодейственной силой, равно как и мистической набожностью и мудростью. В Армении эта традиция зачастую облачается в литературную форму баллад, как в случае с популярным средневековым стихотворением *Нарекаци*⁸, или легенд, в которых фигурируют детали ландшафта или места паломничества, освященные связью со святым человеком и его деяниями.

Хачкар в Мугни

В Армении обе эти формы – баллада и фольклорный рассказ или легенда – много заимствовали из эпических тем, образов и идеологии дохристианских религиозных систем, существовавших в стране. Это со-

крестообразных камней с подобными крыльями в монастыре Мугни около Еревана

⁷ См. об этом: Russell J.R. *Zoroastrianism in Armenia* // *Harvard Iranian Series* 5. Cambridge, MA, 1987; «Pre-Christian Armenian Religion» (the latter repr. in: AIS). О *monocax* см.: «Scythians and Avesta in an Armenian Vernacular Paternoster and a Zok Paternoster»; «A Bas-Relief on the Cathedral of the Holy Apostles at Kars, Armenia» (repr. in: AIS).

⁸ См.: Russell J.R. *Introduction* // *Grigor Narekats'i. The Book of Lamentations* // *Classical Armenian Text Reprint Series*, Caravan Books, Delmar, NY, 1981.

вершенно неудивительно: сходные процессы протекали, *grosso modo*, и в других христианизированных культурах, а, например, в кельтских и славянских странах, где индоевропейские субстраты кровно родственны армянскому, эти соответствия очень близки.

Случай Армении очень интересен еще и потому, что здесь мы имеем богатейший и цельный корпус документальных источников, записывавшихся на местном языке своим уникальным письмом на протяжении 15 столетий и содержащий свидетельства событий, уходящих в глубину веков еще на тысячелетие. Армения – единственная своеобразная и живая христианская цивилизация, где предшествующей религией был зороастризм, вера древнего Ирана. Важно также отметить, что сложно провести четкое разграничение между древнеиранской эпической традицией и героической поэзией и собственно зороастрийским корпусом писаний; рыцарский кодекс воинов не противоречил морали магов. Армянский устный героический эпос выступает как своего рода секулярное священное писание, укорененное в христианской традиции, но в то же время во многих важных аспектах отличающееся от ее догмы. Разумеется, между смелыми искателями бессмертной славы и викариями Князя Мира неизбежно возникают противоречия, поэтому армянские христианские авторы зачастую творчески и противоречиво переосмысляют имеющийся у них материал, придавая ему новую форму. Рассмотрим один хорошо документированный пример такого рода переосмысления и адаптации.

Анонимный летописец обращения Армении, Агафангел, описывает преследование св. Григора Просветителя (арм. *Лусаворич*) царем Тиридатом. За неподобающее обращение с посланцем Божьим царь был превращен в кабана (*вараз*). Как показала Нина Георгиевна Гарсоян в серии блестящих и новаторских исследований⁹, подобное видоизменение библейского сюжета превращения Навуходоносора в быка в книге Даниила представляет собой намеренную инверсию зороастрийского священного символа кабана, который является и тотемом бога Веретрагны (арм. Вахагн), и гербом царского дома Аршакидов. Вахагн также убивает драконов: он вытаскивает морских чудовищ (арм. *виуан*) из озера Ван и бросает их на Солнце, дабы они сгорели.

Следуя методу проф. Гарсоян, я показал, что эпизод заточения Григора в тюрьме Хор Вирап, где его мучают змеи, с одной стороны, напо-

⁹ См.: Garsoian N.G. *The Iranian Substratum of the Agat'angelos Cycle // East of Byzantium: Syria and Armenia in the Formative Period*. Washington, DC: Dumbarton Oaks, 1982; *Idem*. *The Locus of the Death of Kings: Iranian Armenia – the Inverted Image // Armenia between Byzantium and the Sasanians*. L., 1985.

минает о муках Христа в аду, а с другой стороны, инвертирует иранский миф о тиране Ажи Дахака (перс. *Зоххак*), которого мучили два змея, выросшие из его плеч. На рельефе в багратидской церкви Св. Апостолов в Карсе, построенной в IX в., где, по всей видимости, св. Григор был возведен в сан тринадцатого апостола, он изображен со змеем на плече. Однако, в отличие от Зоххака, он побеждает змея, и Аршакид, который заточил его, станет в конце концов христианским монархом. У Тиридата также есть могущественный меч, легендарный Хав(ха)луни.

Рельеф в церкви Св. Апостолов в Карсе

Я исследовал серию армянских легенд, в которых св. Григор буквально инвертирует орудие убийства, превращая его в Крест – оружие, посредством которого Христос победил смерть. Еще интереснее последующая судьба креста. Он либо отпечатан в камне в горном святилище над армянским городом Эрзнка (тур. *Эрзинджан*), где его могут видеть только праведники, либо затоплен в расположенном к северо-западу от Вана озере, именуемом *Хачлва*, букв. «омывающее крест»¹⁰. Обе эти детали¹¹ имеют от-

¹⁰ См. мои статьи о скипетре Тиридата и о церкви Св. Апостолов в Карсе (прим. 6, 7).

¹¹ Священное место, которое видят только праведники, и место, скрытое под водой.

ношение к нашему обсуждению святилища в озере Ван, фигурирующего в армянском эпосе. Мотив драконоубийцы Ваханга тоже, как мы увидим, не только использован, но и глубоко переосмыслен в подводном эпизоде эпоса. Меч также остается принадлежностью устного эпоса: в Сасунском эпосе, который мы рассмотрим, герои получают в море, а потом возвращают туда *тур кецаки*, или Меч-Молнию. Можно также предположить, что армянский мифологический материал мог, при посредстве нартовского эпоса алан, соседей армян, повлиять на формирование легенды об Эскалибуре, мече короля Артура (мече, воткнутом в камень/утес) и Леди Озера.

Монахов, пришедших в Харк, которым ангел-страж позволил взглянуть на Эдем издали, можно сравнить с рабби Акивой и его спутниками, которые, согласно знаменитой истории из трактата *Хагига*, совершают путешествие в небесные чертоги, божественные *Хехалот*. Эти видения служат наградой за благочестие, их можно понимать как метафоры, описывающие состояние, достигаемое душой. Но для нашей темы важно отметить, что ни в том, ни в другом случае праведники, заслужившие эти видения, отнюдь не отличались миролюбием. Св. Нерсес Шнорхали написал призывающий к отмщению плач на падение Эдессы (ныне Урфа), в котором призывал к новому франкскому крестовому походу, дабы уничтожить сарацинов, захватить черный камень Каабы и утопить его глубже, чем книгу Просперо. А рабби Акива в свое время поддержал вооруженное восстание против языческого римского владычества, возглавлявшееся Шимоном Бар Кохбой. Героев армянского эпоса, вся жизнь которых протекала в борьбе, также можно считать достойными того, чтобы увидеть иной мир.

Христианские святые как культурные герои

В 1874 г. епископ Гарегин Срвандзтянц впервые опубликовал устный героический эпос, различные варианты которого продолжали фиксироваться на протяжении всего последующего столетия. В центре эпоса – четыре поколения семьи, происходящей из региона озера Ван, потомков знатного рода, восходящего к царю Васпуракана Гагику. Они заложили крепость в горной области Сасун, к западу от озера Ван и к югу от равнины Муш, и вели бесконечные войны против вторгшихся войск Арабского Халифата, которые, не вполне справедливо, именуется *кранаит* («идолопоклонниками»). Хотя материал эпоса преимущественно архаичен и представляет особый интерес для изучения происхождения митраизма, эта история, однако, концентрируется на событиях Армянского восстания 851 г., которое в конечном итоге

привело Арцрунидов к власти в Васпуракане, а Багратидов – на северо-востоке страны. Последние претендовали на происхождение от царя Давида, а главный герой цикла, с которым связана большая часть повествований, Сасунци Давит (Давид Сасунский), принадлежал к третьему поколению *црер*, диких и безрассудно смелых героев его рода.

В повествовании подчеркивается приоритет Давида как культурного героя, приручившего различных животных; его битва с халифом Мсра-Меликом (букв. «Царь Египта») подводит итог всем предшествующим победам. Конец его жизни трагичен: подобно Рустаму, он сражается со своим единственным сыном, Покр Мгером («Митра Младший»); как и положено герою в славном финале героического века, он гибнет в результате предательства. Ему также было суждено обнаружить подобно Рахшу волшебного коня героев, Куркика Джалали («Свирепый жеребенок») и восстановить святилище героев, храм Св. Богоматери Маруты, который воздвиг его отец Мец Мгер («Митра старший») в Сасуне на горе Цовасар, «Морской горе». Все сасунские герои обращаются к Великой Св. Богоматери Маруте и к своему магическому оружию. Перед битвой Давид также заклинает «[молитвой] "Верую", / Святым Знаком Великой Маруты, / Иисус, Сын [Божий], помоги мне!», анахронистически (если считать, что он жил в IX в.) объединяя заклинание Маруты с двумя сочинениями св. Нерсеса Шнорхали: символом веры *Хаватов хостованим* и дидактической поэмой *Исус орди*. Таким образом, Нерсес включается в орбиту эпоса. В ходе другого обряда, который святой едва ли одобрил бы, Давид, следуя совету, полученному во сне, приносит в жертву Великой Маруте 40 телок, после чего омывается их кровью¹².

Одна из последних армянок в Дзярбакире, древней Амиде, которую армяне до сих пор называют Тигранокертом (ср. греч.: *Тигранокерта*), по имени столицы Тиграна II Великого, – женщина родом из Сасуна, в детстве обращенная в ислам. С детства она говорила по-курдски, а в зрелом возрасте поселилась неподалеку от разрушенной церкви Св. Стефана. Когда я встретил ее в 1997 г. и стал расспрашивать о разных армянских сюжетах, она, что вполне понятно, отвечала неохотно и нервничала. Однако, когда я спросил, говорит ли ей о чем-нибудь имя Марута, на ее лице отра-

¹² *Garegin Srvandztyants'. Erker, I. Erevan, 1978. P.99, 101, 105. – Нерсес мог не одобрить лишь непомерно большое, эпическое количество животных. Вообще армяне одобряли и практиковали кровавые жертвоприношения. В 1982 г. я наблюдал, как деревенские жители в Севане (Армянская ССР) перед хачкаром приносили в жертву петуха и рисовали кровавый крест на лбу больного ребенка. Армянская церковь также одобряет ритуальное жертвоприношение молодых животных (матах).*

зились удивление и восторг. Указав вверх и на север, она сказала, что простой взгляд Маруты может излечить от укуса скорпиона.

Епископ Срвандзтянц посетил этот регион в конце XIX в. и оставил следующее описание: «Гора Марута или Марату считается священной. Она названа, по-видимому, в честь аскета епископа Маруты, который перенес останки епископа Симеона и восточных мучеников из Персии, собрал десятки тысяч мощей и построил Город Мучеников, Нпркерт, недалеко от этой горы. Гора Сасунк или Сасно – сильнейший из братьев, несокрушимый, с железными боками и каменным челом. Тысячи лет назад она была гостеприимным обиталищем Адрамелика и Санасара (т.е. Сарасара), сыновей Сенекерима (т.е. Сеннахериба), царя Ассирии. Гора под названием Цовасар (букв. «Морская гора») – их прекрасная сестра, расположенная недалеко от монастыря Апостолов (арм. *Аракелоц ванк*), – называется так, поскольку на ее вершине расположено небольшое озеро. Вокруг озера цветут скромные фиалки, которые окрашивают луг в небесно-синий цвет, и бесчисленные разноцветные цветы ослепляют всех своими очертаниями и оттенками. И ремень на этой горе ни с чем несравним и прекрасен»¹³. История о мощах, собранных Марутой (вскользь упоминаемая Срвандзтянцем), и другие детали жизни этого святого отчасти объясняют, почему он стал столь популярен среди грубых армянских горцев Сасуна.

В IV в. некая Мариам, женщина благородных армянских кровей, вышла замуж за губернатора провинции Софанене и родила сына Маруту. Это арамейское имя: семья была сирийской, как и многие другие в южных пределах Великой Армении. Мальчик изучал медицину; позднее, сопровождая римское посольство в Ктесифон (399 г.), он вылечил сына царя Ездигерда то ли от одержимости бесами, то ли от мигрени. Версии рассказа разнятся, но, так или иначе, он тем самым оскорбил магов, которые, несмотря на свою репутацию искусных врачей, не смогли помочь принцу.

Девять лет спустя Марута обращается к шаху с призывом изменить к лучшему его отношение к персидским христианам. Когда ему предложили прощальный дар, он попросил мощи праведников. Согласно армянскому житию, он собрал их 280 000 и перевез их в Майферкат (сир.; арм. *Нпркерт* с суффиксом *-керт* («построен») свидетельствует об армяно-парфянском происхождении топонима) или Майафариккин (араб.) – в нескольких километрах от Амиды. Город, который сегодня называется Сильван и где, по мнению ряда исследователей, локализуется древний Тигранокерт, получил благодаря Маруте новое имя – Мартирополис¹⁴.

¹³ См.: *Srvandztyants'.* *Op. cit.* P.72.

¹⁴ См.: *Fowden E.K.* *The Barbarian Plain: Saint Sergius between Rome and Iran.* Berkeley:

Благородное армянское происхождение святого, его популярность как целителя и смелая защита христиан при сасанидском дворе стали теми причинами, которые всегда притягивали к нему симпатии армянского народа. Дополнял его харизму тот факт, что он собрал огромное количество святых мощей в древнем армянском городе, который к тому же, возможно, был царской столицей. Имя Маруты в его диалектной форме также могло связываться в сознании армян со второй частью названия волшебного цветка *хорот-морот*, названного в честь двух из семи авестийских *амеша спента* («Благодетельных Бессмертных»), которых звали Хаурватат и Амеретат (перс. *Хордад* и *Амурдад*, «Здоровье» и «Бессмертие»), отвечавших за воду и растения. В канун Вознесения девушки в армянских деревнях готовили для гадания чаши с водой и посыпали их сверху лепестками цветов: небеса (как, кстати, и пещера, в которой Покр Мгер, сын Давида, заперт до Судного Дня) ночью распахиваются, изливая космические секреты. В армянских диалектах название цветка (вкуче с рифмованной моделью и отрицательным префиксом *ма-*) повлияло на формирование выражения *хоротик-моротик*, «красивый». Связь между Марутой и Морот / Амеретат казалась бы слишком маловероятной и недостойной упоминания, если бы не фольклорная поэма, записанная Срвандзтянцем в том же регионе, где говорится о семи мужчинах, которые собирали траву на «склонах Маруты», причем двоих из них зовут Уртик и Муртик¹⁵.

Итак, мы собрали корпус источников из армянского устного героического эпоса и из легенд об армянских и общехристианских святых – Богородице, св. Нерсесе Шнорхали, св. Григоре Нарекаци, Маруте, – которые многогранным образом пересекаются. Герои и святые не обязательно абсолютно несовместимы, но христианизация старого топоса зачастую требует его видоизменения, а то и полного переименования. Эпос довольно беспорядочно заимствует сюжеты как из рассказов о святых, так и из дохристианского, в первую очередь, зороастрийского, субстрата: битва с драконом, волшебные мечи. География эпоса и христианской легенды также пересекаются: как сакральная (Эдемский сад и неприступная вершина Арарата), так и земная (монастырь Великой Богоматери и Святой Знак Маруты на вершине Сасунской горы, различные монастыри и острова региона Ван). Теперь мы рассмотрим одно из наиболее сложных сакральных мест в армянской традиции. Оно иногда представляется в виде скалы с

University of California Press, 1999. P.48–57.

¹⁵ См.: *Srvandztyants'.* *Op. cit.* P.606. *О цветах и ритуале на Вознесение (Хамбардзум) см.:* *Russell J.R. Zoroastrianism in Armenia.* P.375–398.

молочными источниками, бьющими в четырех направлениях, иногда – в виде подводной церкви, находящейся внутри дворцового комплекса с садом, иногда – в виде священного острова, а иногда – горной пещеры.

Различные версии Сасунского эпоса были опубликованы Академией Наук Армянской ССР в трех толстых томах в 1936, 1944 и 1951 годах. Варианты сильно отличаются друг от друга, и невозможно уверенно утверждать, что существовал единый прототекст, а в случае устного эпоса вряд ли можно надеяться на существование такого текста. Но в классическом литературоведении есть свои привычки, ему необходим прототекст. Националисты XIX в. мечтали найти армянского Гомера, а сталинские комиссары, управлявшие культурой в XX в., хотели видеть памятник первобытной народной культуры, который помог бы им сокрушить формализм. Так или иначе, скелет истории, которая была, наверное, во всех деталях известна кому-то из бардов, но пересказывалась большинством из них лишь фрагментарно, тем не менее достаточно связен, чтобы искусственный, составной текст, изданный в Ереване к 50-м годам и ставший основой для переводов на другие языки¹⁶, давал верное представление тем, кто хочет понять в общих чертах, о чем рассказывает Сасунский эпос. Но интригующие различия в деталях в нем, конечно, теряются. Именно эти детали требуются для изучения невидимого, недоступного или подводного святилища. Поэтому дальнейшее обсуждение будет основываться не на версиях, отраженных в этом составном тексте, а на калейдоскопичных, многоголосых свидетельствах, зафиксированных в текстах, которые приводятся в приложении к статье в моих переводах с различных армянских диалектов.

Озеро Ван и град Китез

Составной текст действительно дает общее представление об этой истории и начинается он следующим образом.

Армения, поклоняющаяся Кресту или Богу, воюет с языческим (!) Арабским Халифатом. Халиф Багдада (именуемого в тексте Месер, Египет) требует руки Цовинар, дочери царя Гагика, угрожая в противном случае опустошить Армению. Она соглашается принести себя в жертву ради своего народа, но просит прежде прогуляться по берегу озера Ван. Во время этой прогулки она захотела пить, и Бог сотворил источник воды на скале в озере. Она разделась, доплыла до скалы и выпила полторы пригоршни; через девять месяцев она родила двух неравных по размерам (в соответствии с двумя неравными глотками) близне-

¹⁶ Французский перевод Ф.Фейдита для серии ЮНЕСКО, английский перевод А.Шальяна.

цов – Санасара и Багдасара¹⁷. Через некоторое время оба сбежали от халифа, направились на север в Армению и, достигнув Сасуна, построили там церковь. Затем они отправились к озеру Ван в поисках коня, рожденного в море. Старший, Санасар, рискнул прыгнуть в воду, а младший, Багдасар, побоялся. Санасар опустился на дно и нашел там сад, дворец и шатер, где был привязан говорящий конь Куркик Джалали с Мечом-Молнией на седле. Он прошел в церковь, где заснул, и во сне к нему явилась Богородица, рассказавшая, как добыть магическое оружие. Проснувшись, он выпивает воды из фонтана и вновь засыпает, а просыпается сильным и могучим, так что доспехи героев приходится ему впору и он оказывается в силах приручить Куркика Джалали. Сын Санасара, Мец («Великий») Мгер, позднее строит монастырь Маруты¹⁸.

Озеро Ван считалось очень опасным местом и было известно своими морскими драконами (арм. *вишап*). Как мы уже говорили, в церкви Св. Креста в Ахтамаре есть рельеф с изображением истории Ионы, где один такой вишап глотает пророка. С древности армяне верят, что внезапные шквалы возникают на озере оттого, что вишапы молотят своими хвостами, когда бог Вахагн вытаскивает их из глубин, дабы их спалило Солнце. В одной из версий мифа, где Санасар (который именуется себя *цовойин* – рожденный в море) оседлал неистового Куркика Джалали, тот взлетает к Солнцу, чтобы спалить седока, но Санасар справляется с конем. Позднее Санасар сражается с вишапами, согласно одному из вариантов, в озере Ван.

Имя Цовинар, очевидно, включает в себя армянское слово *цов* «море», происходящее от урартского *суе*. В урартской надписи на поблекшей резной двери в Топрак-Кале (Ван), где, согласно армянским верованиям, укрылся Покр Мгер¹⁹, упоминается бог моря Суинина. Таким образом, в эпическом повествовании могут слышаться отзвуки древних представлений о священном браке (*hieros gamos*)²⁰. Источник, из которого пила Цовинар, после чего забеременела, иногда именуется Молочным Источником. Санасар, по всей видимости, пьет ту же жидкость, своего рода Божественное

¹⁷ Подробнее см.: Russell J.R. *Iran and Israel in the Epic of Sasun; Idem. Epic in the Armeno-Iranian Marchlands (repr. in AIS)*.

¹⁸ Shalian A.K. – tr. *David of Sassoun: The Armenian Folk Epic in Four Cycles. Athens, OH: Ohio University Press, 1964. P.5–13, 44–49, 149.*

¹⁹ Отсюда происходит название Мгери Дурн – «Врата Митры».

²⁰ Суффикс *-нар*, возможно, происходит от иранского слова «женщина» с оригинальным долгим *a*. Возможно, топоним Нарек представляет собой форму прилагательного, образованного от этого слова.

семя, чтобы обрести силу. Подобное сочетание молока, семени и силы, которое мы неоднократно встречаем и в иных армянских источниках, имеет также параллели в родственной индоевропейской традиции Индии, равно как и в сирийской христианской религиозной поэзии.

Молоко, как мы увидим, может изливаться из скалы в четыре стороны света; в Авесте воды мирового моря Вурукаша²¹ изливаются из мировой горы Хара Березайти (или Высокая Хара). В санскритском переводе зороастрийского писания Вурукаша именуется Кшира Самудра («молочное море»). Согласно Махабхарате, в нем обитают наги («змеи»), и к нему приходит герой Бхима (Махабхарата, кн.1.21)²². Анахита (букв. «незапятнанная») в древней Анатолии именовалась *барзохара* («с высокой Харь»). Она живет в этих потоках и способствует успешной беременности женщин. Можно вспомнить, что незапятнанная (арм. *анарат*) Богородица именуется Великой (*бардэр*, диалект. *бандзрик*). Эти детали авестийской сакральной географии и культа богини Анахиты, весьма почитаемой древними армянами, лежат в основе эпического повествования. Рождение Санасара и Багдасара напоминает нам как о рождении нартовских героев осетинского эпоса, так и о рождении Митры из камня в римском варианте его культа; можно также предположить, что посредством устной передачи эта мифология, зародившись в Восточной Анатолии, через алан – предков осетин – перешла в кельтскую Европу с ее Артуровским циклом.

Рассмотрим теперь место, где забеременела Цовинар и куда позднее вернулись ее сыновья, дабы стать героями, на основании версий этих эпизодов, которые приводятся в Приложении (ссылки на тексты здесь и далее – в соответствии с их нумерацией в Приложении).

Цовинар забеременела от того же источника, который позднее сделал героем ее сына Санасара; в некоторых версиях он также получает магическое оружие в том самом месте, где бьет родник. В некоторых вариантах специально подчеркивается параллелизм между мотивацией и опытом Цовинар и Санасара. В некоторых версиях принцесса готова скорее покончить с собой (3), чем выйти замуж за язычника-чужеземца; а когда ее сыновья возвращаются на то же место, они тоже предпочитают самоубийство принесению жертв идолам (4, 5). В других версиях, однако, ее склоняет к браку с язычником сверхъестественное вмешательство – старец, обращающийся к ней во сне (2). В этом случае ее

²¹ Букв. «с широкими границами». Заметим, что озеро Ван описывается в эпосе как «безграничное».

²² Russell J.R. *Some Iranica in Eznik* // AIS. P.1340–1343.

опыт параллелен общению Санасара во сне с Богородицей или (в версии источника 2) с тем же самым старцем.

В тех версиях, где это место расположено в море, она отправляется на лодке на безымянный остров (1), или на большую скалу (10), или на островок Артер (7, 8, 9). Санасар позднее отправляется либо на тот же Артер с его дворцом (8), либо под воду, где находятся дворцы, церкви и сад и где он спит и общается во сне с Богородицей (7). Он либо падает сквозь воду (5), либо проходит по ней как посуху, хотя его брат Багдасар с его робким сердцем и недостатком веры видит на этом месте лишь воду (4, 7, 8). Озеро – место опасности. Лишь герой может превозмочь все угрозы и получить сокрытые блага; в одном из вариантов Санасар напоил дракона, жившего в озере Ван, нырнул на морское дно и выкрал кольцо из уст дракона (6). Когда чудовище обнаруживает потерю, оно поднимает страшный шторм. В этой детали можно увидеть отражение древних мифов о деяниях Вахагна, в которых вода озера колыхается в результате единоборства героя-божества со змеем.

В тех версиях, где это место расположено на земле, девушка отправляется к горному святилищу Богородицы в Маруте (2) или к источникам в месте паломничества к Богородице в Хили (11). И в тех вариантах, где речь идет о море, и в тех, где действие происходит на суше, зачастую фигурирует также пещера (3, 8): этот факт отражает контаминацию первой части эпоса и его финального эпизода, где Покр Мгер заточен в пещеру в районе Ван, где должен пребывать до конца времен. Вода, которую пьет Цовинар, бьет из «бессмертного» (*анмакахан*; 1, 2), или «белого» (*свтак*; 10), или «молочного» (*катн[агбуур]*; 12) источника. Если из источника течет обычная вода, то все равно присутствует какой-либо знак святости, например, на этом месте находят священные облатки (*нихар, масунк*; 3), либо девушка пьет воду только после благословения священника (7). Живая вода изливается из скалы во все четыре стороны света – здесь можно вспомнить четыре райские реки.

Во всех версиях в качестве места, где зачала прародительница расы героев, называется источник. Поскольку скала возвышается из-под вод озера Ван, ее можно воспринимать как фаллос морского бога Суинины при бракосочетании с его морской невестой Цовинар, чьи дети становятся *цовайин* – рожденными в море. В ряде случаев это место помечено как сакральное: на островке Артер в озере Ван стоит небольшой монастырь. Герой Санасар пьет из того же источника, который, однако, находится на дне моря и окружен дворцами и садами; там также есть церковь. Богородица говорит там с ним во сне; ясно, что подводное святилище – двойник того, которое расположено на вершине горы в Сасуне:

святилища Великой Матери Божьей Маруты. Он должен проявить веру и отвагу, прыгнув в воды, после чего они либо расступаются перед ним, как расступилось Красное море перед израильянами во время Исхода из Египта, либо он прыгает сквозь глубины, не причинив себе никакого вреда. Его робкий брат, однако, не видит всего этого, поскольку и путешествие, и его конечный пункт принадлежат иному миру как с точки зрения пространства, так и с точки зрения восприятия. Его магическое оружие также происходит из подводной сферы и должно туда возвратиться. В версии, где искомое место локализуется на Резной Скале, где заключен Покр Мгер, источник также располагается вне обычного времени. Здесь также присутствует и аспект святости, обозначаемой наличием в пещере кусочков святых облаков.

В тексте 2 девушку зовут не Цовинар, а Сандух. Элемент *сан-* – общий для имени Санасар (от оригинального библейского Сарасар, возможно, путем ассимиляции с парфо-армянским Санесан) и для оригинальной формы топонима Сасун – Санасун. В монастыре Нарека недалеко от гробницы святого была также церковь св. Сандухт; а в нескольких версиях нашего текста место, которое посещают Цовинар и ее сын, локализуется на священном острове Артер, связанном с легендой о св. Григоре Нарекаци, во многом пересекающейся с нашим эпическим повествованием. Остров, который сегодня именуется по-турецки Куш Адасы, «Птичий остров», расположен к северо-западу от Ахтамара. Традиция объясняла название монастыря игрой слов. Когда Нарекаци молился в Нареке, у него было видение, в котором Богородица проплыла над островком на облаке с младенцем Христом на руках, и голос произнес: «Григор, приди к Господу (*арр Тер!*)!» Григор отвечает на это игрой слов: *Арр, Тер, зхогин им* («Возьми, о Господи, мою душу!») – в классическом армянском слог «арр» означает и «к» и «возьми». После этого Григор был таинственным образом перенесен на островок, где молился Пресвятой Богородице. В его память был выстроен монастырь Артериванк (найденные там надписи датируются периодом от 1292 до 1766 г.)²³. Нетрудно понять, как видение св. Григора и его сверхъестественное путешествие через воды на остров Артер в этой легенде могли повлиять на устную передачу эпоса. И, конечно, поскольку Нарек расположен в самом сердце того региона, где сформировались древние источники эпоса, сама легенда об Артере могла возникнуть из местного мифа.

Последний текст, который мы рассматриваем (13), происходит не из устных пересказов эпоса, а из рассказа о Нарекаци, очевидно, имеющего

²³ См.: Thierry J.M. *Monuments Arméniens du Vaspurakan*. Paris: Paul Geuthner, 1989. P.292.

местное происхождение и зафиксированного на позднем и испорченном классическом армянском в рукописи XIX в.²⁴ В этом рассказе бездетная пара из Ахтамара посещает Нарек, молит о заступничестве св. Григора и в результате рождает сына, названного в его честь. Когда мальчику исполнилось 7 лет, они снова отправились в паломничество, но их лодка сбилась с курса в результате шторма, обрушившегося на них напротив Арчеша, и мальчик, почти как Иона в сцене, изображенной на рельефе в Ахтамаре, упал за борт. Разумеется, сразу появляется морское чудовище, готовое проглотить мальчика, но вмешивается св. Григор, который своим посохом отгоняет вишапа и доставляет мальчика на морское дно. Там юный Григор счастливо проводит год, укрытый посохом и плащом святого. Нарекаци указывает Крестом на четыре стороны, и подводное убежище заливается светом. Он кормит мальчика святыми облатками. Тем временем родители мальчика ослепли от слез; на годовщину исчезновения сына они снова отправляются в Нарекаванк в надежде, что святой вернет им хотя бы зрение. Прибыв туда, они обнаруживают сидящего на гробнице Нарекаци сына, смущенного и мокрого, но живого и здорового. В этом рассказе мы встречаем множество уже знакомых элементов: шторм и чудовище, сверхъестественное путешествие, подводное святилище.

Интересная деталь. Артер находится неподалеку от Ахтамара, а от них обоих недалеко до южного берега озера Ван, где некогда стоял Нарекаванк. Однако шторм настигает лодку, в которой плыли Григор и его родители, напротив Арчеша, расположенного на северо-восточном берегу озера, за много километров в другом направлении. Если не рассматривать вариант, при котором они сели в лодку в Аванце, порту города Ван, чтобы вместе с другими паломниками совершить длинное путешествие до острова Лим, то упоминание Арчеша выглядит очень странно. Однако мы знаем два города с таким названием: один современный (на побережье) и второй древний и средневековый (внизу, под водами озера Ван). Быть может, именно притягательностью этой армянской Атлантиды оправдывается упоминание этого города, в противном случае необъяснимое: утонувшие города всегда привлекали человеческое воображение²⁵.

²⁴ *Сборник, написанный в Астрахани в 1837 г., содержит «Житие Нарекаци» Нерсеса Ламбронского, собрание молитв и молитвы св. Ефрема Сирина (Еганян О. и др. – ред. Каталог рукописей Матенадарана. Ч.II. Ереван, 1970. На арм. яз. С.1006).*

²⁵ *Город Данвич в Восточной Англии постепенно погрузился под воды Северного моря (см.: Parker R. Men of Dunwich: The Story of a Vanished Town. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1978). Г.Ф.Лавкрафт (H.P.Lovecraft, ум.1937, Провиденс, штат Род Айленд) в одном из своих рассказов назвал в честь пропавшего Данвича мифический город в Масса-*

Св. Григор Нарекаци на время требует обратно мальчика, названного в его честь и появившегося на свет благодаря его заступничеству. У этого аспекта рассказа, очевидно, имеющего фольклорное происхождение, есть параллель в русской былинке о новгородском куще Садко, которому водяной царь дал богатство, после чего в знак расплаты забрал в свое подводное царство²⁶. Армянские легенды о каменном фаллосе, вневременной пещере, священном островке и святилище под толщей вод озера Ван можно рассматривать как отражение последовательных слоев урартской, иранской и христианской религиозных традиций, сплетенных в великом национальном эпосе о потерянном рае (в роли которого выступает не Эдем, но Ван), донесенном до нас поколениями изгнанников и мертвецов.

На том же самом славянском севере, где Садко занимался своей морской торговлей, существовал город, который по воле Божьей был сокрыт под волнами озера Светлояр, чтобы не стать добычей татаро-монгольских язычников. Ему суждено оставаться невидимым до Второго пришествия Христа. Это русский Великий Китеж; его двойник, Малый Китеж, расположенный неподалеку, был завоеван ханом Батыем в XIII столетии. Можно было бы, конечно, осторожно сказать, что это всего лишь одна из параллелей, бесчисленное количество которых мы находим в фольклоре, если бы упоминание о Великом Китеже русских летописей не встречалось в сочинении «на память святого священномученика Григория Великия Армении»²⁷. Так что нельзя исключать, что в

чувстве. В его рассказе «Зов Ктулху» речь идет о полубожественном морском чудовище, подобном осьминогу, которое заключено в могилу в городе Р'льех глубоко под водами Тихого океана. Когда звезды сложатся соответствующим образом, оно проснется, неся разрушение и избавление. Его последователи повторяют мантру на выдуманном Лавкрафтом языке акло: Ph'nglui mglw'nafh Cthulhu Rl'yeh wgahnagl fhtagn («В своем доме в Р'льехе мертвый Ктулху дремлет в ожидании»). Такое впечатление, что Лавкрафт читал армянский эпос – и про Санасара, и про Покр Мзера! Но, хотя в Новой Англии в его времена жило немало армян, у нас нет свидетельств того, что он был знаком с Сасунским эпосом и его героями. Маловероятно, однако, что он не читал поэму лорда А.Теннисона «Кракен» о чудовищном гигантском осьминоге из сказаний северных моряков, о котором см.: Carrington R., Mermaids and Mastodons: A Book of Natural and Unnatural History, N.Y.: Rinehart and Co., Inc., 1957. P.49 (изображения морского монаха и морского епископа (с.59) могли повлиять на образ человека-рыбы и в рассказе Лавкрафта «Тень над Иннсмутом»).

²⁶ См.: Былины / Под ред. Б.Н.Путилова. Л.: Советский писатель, 1957. (Серия «Библиотека поэта») С.224 и след.

²⁷ См.: Комарович В.Л. Китежская легенда. М.: Издательство АН СССР, 1936. С.163.

знаменитой легенде о Китеже мы встречаем отголосок рассмотренного нами эпизода Сасунского эпоса и рассказов, окружающих другого святого – Григора из Нарека, которые, как мы видели, имеют много пересечений с нашим эпосом. В русской традиции его образ мог слиться с образом более известного св. Григория Просветителя, который тоже был героем одного из циклов рассмотренного нами эпоса. Тысячелетнее сокрытие Китежа напоминает о пещере Покр Мгера; Малый и Великий Китежи – о старом и новом Арчеше; а божественная защита от осквернения язычниками – о бегстве Цовинар и ее сыновей. Безусловно, в средневековье можно встретить немало случаев армяно-славянского взаимодействия²⁸, но мы оставим другие сюжеты для следующих работ, а данную работу на этом завершим.

ПРИЛОЖЕНИЕ: ТЕКСТЫ

№1²⁹.

Дочь царя Гумрика отправляется на прогулку к морю, т.е., к озеру Ван, перед тем, как выйти замуж за языческого (*хрпашт*, в данном случае мусульманского) царя. Деформация имени царя Гагика в Гумрик, вероятно, отражает название северо-восточного армянского города Гюмри (Александрополь, ныне Лениканан–Кумайри), судя по множеству русских заимствований в идиолекте повествователя.

Она прогуливалась вдоль морского берега. / И что же она увидела? В море она увидела остров. / Она спросила: «Что это за остров?» / Вестники ответили: «Не имеем понятия». / Царская дочь приказала им прождать лодку (*лоткен*, от рус. *лодка*). / Она села в лодку и отправилась к этому острову.

Поездка была короткой – она проделала этот путь и вышла. / Выйдя, она увидела двери зала (*заг*, от рус. *зал*). / Войдя, она увидела в этом зале маленький монастырь. / В том монастыре был источник, / который изливался в море.

Она попросила священника сотворить службу, сказав ему: «Да отворит Господь Бог наш врата над нами», – и выпила полторы пригоршни воды. Через девять месяцев родились Санасар и Багдасар.

Они отправились в землю своих отцов / и прибыли на тот остров в море, / где испила воды их мать. / «Сын мой, – сказала она, – ты тоже должен пойти / испить воды из того бессмертного источника». / Мальчики пошли туда и испили воды из источника среди монастыря. / Они напильсь и по Божьему велению превратились в могучих взрослых мужчин. / Выйдя из монастыря, они увидели стоящего наверху жеребенка. / Двое братьев схватили его, спустили вниз, / и он

²⁸ См.: Russell J.R. Solov'i, solov'i // *Studies in Honor of Prof. Nina Garsoian. St. Nersess Theological Review* 10. 2005. P.77–139. Сокращенный русский перевод см.: Рассел Дж. Соловьи, соловьи... // *Россия XXI*. 2006. № 4. С.156–197.

²⁹ *Сасна Црер* / Под ред. М.Абегяна и К.Мелик-Оганьяняна. Т.1–II. Ереван, 1936–1951. Т.II. С.238–240. – Рассказано Муратом Овсепяном из Айрарата и записано Саргисом Хайкуни.

СВЯТИЛИЩЕ ПОД ВОЛНАМИ

тоже, испив воды из источника, стал огромным. / Мальчики увидели дверь в стене монастыря и отворили ее. / Это была кладовая: на стене висел меч, / и шлем там лежал – они взяли их; / а также пара сапог – их они тоже взяли.

№2³⁰.

У господина Тер-Нерсеа была дочь Сандух, на которой хотел жениться царь-язычник. Во сне к ней является старец³¹ и советует прогуляться к горам напротив, сказав: «Придя туда, ты найдешь бессмертный источник». И она, и ее лошадь должны выпить из него. Она поднимается на *Марута панцр сар* («Высокую гору Маруты») и выпивает воды. Позднее старец вновь является к ней во сне и сообщает, что ее сыну суждено построить там церковь, которая будет называться *Марута Панцр Аспацацин*, «Великая Богоматерь Маруты».

После этих слов он берет несколько гигантских крестообразных камней-хачкаров, помещает их на этом месте в знак того, что он сказал, и немедленно исчезает.

№3³².

В этом рассказе принцессу зовут Пирзат Ханум (перс. «дочь старца/праведника»), а ее сына – не Санасар, а Мгер. Она обручена с мусульманским царем. Соответственно, место, где она зачала, похоже, отождествляется здесь с Мгери Дурн, «Вратами Митры», местом тысячелетнего заточения Покр Мгера. После того, как последний вступил в бой со своим отцом, Давид проклял его: «Ты Мгер – / так почему же ты приносишь мне боль эти три дня? / Попросил я Бога, / чтобы остался ты в Резной Скале, / пищей будут твоей три кусочка святых облаток в день, / и смерть не придет к тебе до Второго пришествия Христа». Вход в пещеру – поблекший урартский портал – чудесным образом открывается в канун Вознесения. Все остальное время с косяка капает моча Куркика Джалали: открывающиеся врата, хлеб причастия и каплющая жидкость – моча вместо семени? – все значимо в этой версии.

Девушка стоит в раздумье и говорит: / «Лучше дай мне пойти и покончить с собой, / не хочу становиться язычницей / и терять мою светлую веру.» / Девушка встает / на рассвете / и идет в горы: / она хочет покончить с собой. / Она идет, видит хачкар, стоящий в земле, / преклоняет колени и просит защиты у своего Бога³³. / И глаза ее пролила много слез, / потом взглянула она, и увидела дверь, / и заметила, что дверь открыта. / Она увидела там кусочки хлеба причастия, / вошла и стала молиться. / Было лето, и ей хотелось пить. / Она обошла вокруг и увидела, что из-под потолка капает вода, / вошла и выпила три пригоршни воды.

³⁰ *Сасна Црер. Т.II. С.392–393. – Анонимный рассказчик из Вана, опубликовано в Азгагран кандес («Этнографическое обозрение», Шуша и Тифлис) в 1910 г.*

³¹ *Халивор, от стандартного арм. алевора: похожий загадочный старец является к близнецам, чтобы указать им Сасун.*

³² *Сасна Црер. Т.II. С.92 и след. – Рассказано Аракемом Шакрыном из Нор Баязета и записано Ервандом Лалаяном в 1905 г.*

³³ *Йиран Аствац апавинец: это может отражать мусульм. tawakkul, но само последнее выражение происходит из зороастрийского среднеиранского apastan, «убежище (в Боге)», которое в свою очередь также было заимствовано армянским.*

/ Сердце ее сжалось, / она обернулась и вышла, а дверь захлопнулась. / Прошло шесть месяцев, и ребенок в ее лоне дал знать о себе. / Вестники сообщили ее матери новость: / «Твоя дочь беременна».

Мать возмущена. Дочь объясняет ей:

Мне было грустно, я встала и пошла / в наши горы, чтобы покончить с собой, / и увидела церковь³⁴. / Я вошла, помолилась и выпила воды: / ребенок появился из той воды / от Бога в месте Его; не запятнана я.

Ребенок родился.

За месяц ребенок вырос, как будто был ему год. / Когда был ему год, / он был словно двенадцати лет. / Ему не подходило ни одно имя. / Играя с другими детьми, мальчик / бил их, ломал им руки, ломал им ноги. / Соседи жаловались его деду: / «Он убивает наших детей». / Его дед пошел к своему господину Торосу³⁵: / «Посади его на коня, / пусть едет на охоту с друзьями, / и наложи заклинание (*сере*, от араб. *сихр*) на этого коня». / Они купили коня, дали его мальчику; / он прыгнул на коня и поскакал на охоту. / Он поехал прямо к той церкви. / Конь встал на дыбы, / мальчик упал лицом вниз и лишился чувств. / Когда он очнулся и вошел в церковь, то услышал голос: / «Твое имя Мгер. / Слезы твоей матери достигли Бога, / как жертва за тебя. / Ты появился благодаря Богу: твое имя Мгер. / Теперь пойдешь к царю, твоему деду, / и принеси в жертву десять телок. / Приведи священников провести службу, / дверь церкви откроется, / и ты сможешь наложить амулет³⁶ себе на грудь, / взять меч в руки, / взять жезл (*гюрзн*, от перс. *гурз*) в руки / и отправиться на битву с язычником, / чтобы не погибла армянская вера. / Твой конь, Курке Джалате, в пещере. / Так повелел тебе Бог».

Жертвоприношение было совершено Марии, Матери Божьей в месте, которое называется Маратук.

№4³⁷.

Они пошли вместе по берегу моря, / Санасар был старшим братом, Багдасар – младшим. / Санасар сказал Багдасару: «Давай прыгнем в воду, это лучше, чем идти. / Языческий царь хочет принести нас в жертву своим идолам». / Сердце Багдасара не лежало к этому, так что / Санасар сам нырнул в воду. / По Божьему повелению он прошел через море как посуху. / Море распахнулось, он вошел в сад / и увидел: там был привязан конь, / Меч-Молния висел на нем. / Он пожелал оседлать коня. Тот сказал: / «Рожденный на земле, что ты делаешь, что ты задумал?» / Он ответил: «Хочу скакать на тебе». / Конь сказал: «Я отдам тебя Солнцу, чтобы оно спалило тебя!» / Он сказал: «Я морем рожден (*цовойин*), я

³⁴ Арм. *матур(н)*, от греч. *martyrion*, букв. «святилище мученика».

³⁵ «Дядя» Кери Торос, фигура из эпоса.

³⁶ Хмайил; слово, используемое также для обозначения магических свитков.

³⁷ *Сасна Црер*. Т.1. С.130–131. – Записано от рассказчика из Мокса Гарегинюм Овсепяном и опубликовано в 1892 г.

повисну под твоим брюхом». / Когда конь понес его к Солнцу, он повис под его брюхом, / когда конь перевернулся, он вскочил к нему на спину. / Тот сказал: «Я – твой конь, ты – мой хозяин. / Ты из породы беспокойных, – / пойдем. Выпей воды и отдохни». / Он пошел и увидел шлем. / Он забил в него два литра хлопка, / но шлем все равно не держался на его голове. / И был там ремень. / Он обмотал его вокруг талии семь раз, но тот все равно не держался. / И была там пара сапог. Он засунул в каждый по литру хлопка / и надел, но они все равно были слишком велики ему. / Он не знал, что, когда выпьет воды, он уснет. / Он выпил воды и уснул. / Спал он недолго, и Бог дал ему свою милость. / Проснувшись, он вынул два литра хлопка из сапог / и надел их на ноги; / обмотал пояс вокруг талии и надел шлем на голову. / Он встал, оседлал коня, проскакал через сад / и снова увидел небо.

№5³⁸ .

Санасар и Багдасар встали и пошли вместе по берегу моря. / Они сели рядом и заплакали. / Санасар сказал: «Брат мой, / пойдем, прыгнем в море / и утонем. Лучше так, чем допустить, чтобы царь / принес нас в жертву идолам». / Багдасар сказал: «Брат мой, / жизнь сладка. Я не хочу прыгать». / Санасар встал и сам прыгнул в море. / Он воззвал к Богу / и полетел вниз головой (*шаллапутик*) сквозь море. / Он достиг дна, взглянул – и что же он увидел? / Он увидел там дворец и чертог / с бассейном между ними и прыгнул в него. / Там был привязан конь, и на четырех его ногах висели Меч-Молния, / пояс Атабен³⁹, маленький шлем на голову, / ремень на талию. / Он вошел и искупался. / Он оседлал Куркика Джелали и вылетел из моря. / Санасар был ребенком, когда прыгнул в море, / а вернулся взрослым и пламенным.

№6⁴⁰ .

Битва с драконом: Санасар здесь не сражается с драконом, а усыпляет его, чтобы выкрасть кольцо из его уст. Можно вспомнить гностический «Гимн жемчужины», написанный по-сирийски, где парфянский принц должен добыть бесценную Жемчужину, которую стережет дракон в Египетском море. Принц сам становится жертвой дурмана, но когда он приходит в себя, то волшебством побеждает дракона и достигает своей цели. Этот текст представляет собой своего рода сжатый эпос, очевидно, направленный на прозелитов, видимо, манихейских, в армяно-ирано-сирийском регионе.

Старец спал, но Санасар не мог уснуть. / Он увидел, что старец спит, / и отправился той ночью в город, / нашел сорок верблюдов и сорок бочонков вина. / Он взял их ночью и оставил на берегу моря. / Верблюды вернулись, а он остался там. / Он вылил вино в море, / дракон напился (*вишан сархоищав*). / Тогда он нырнул на

³⁸ *Сасна Црер. Т.1. С.311–312. – Рассказано Сахо из Мокса и записано Саргисом Хайкуни, опубликовано в 1901 г.*

³⁹ *Возможно, от тур. Atabay.*

⁴⁰ *Сасна Црер. Т.1. С.321–322. – Рассказано Сахо из Мокса и записано Саргисом Хайкуни, опубликовано в 1901 г.*

морское дно / и увидел, что дракон поднял голову. / Он протянул руку / и вырвал кольцо из уст дракона, / вернулся, пришел в трактир и лег. / На рассвете море взъярилось, / ветер дракона (*вишан камы*) обрушился на город. / Царь спросил вестника: / «Кто достал кольцо из уст дракона?» / Они искали и никого не нашли, спросили старца, / который сказал: «Прошлой ночью никто, кроме этого мальчика, не приходил в мой трактир. / Однако он, придя, рухнул и заснул». / Санасар спросил: «В чем дело?» / Они рассказали ему. / Санасар сказал: «Я сделал это. / Делайте, что хотите». / Они назвали свою цену, Санасар – свою, – и схватка началась.

№7⁴¹.

Месяц прошел, год прошел, / и вновь посетили они священников царя Гагика. / Они отправились в паломничество в монастырь Хили, над Востаном (ныне Геваш, город на берегу Вана напротив Ахтамара, недалеко от Нарека). / Там сидела она, ела и пила на лугу / меж двух ручьев. / Девушка взяла чашу и дала выпить своей двоюродной бабке, / напоив ее водой из этого источника. / Священник запечатал воду знаком Креста, / дал ее девушке, и она выпила. / Он дал ей еще воды из этого источника, / дал ее девушке с одной и с другой стороны, и она выпила. / Оба источника иссохли. / Они воздали хвалы Богу; / и, завершив паломничество, вернулись, / и пришли ко двору царя Гагика. / Через некоторое время девушка забеременела. / Сообщили об этом языческому царю и сказали: / «Твоя жена, дочь царя Гагика, беременна. / Ты обещал, что не войдешь к ней семь лет, / но сделал это. Что скажешь? Что нам делать?» / Он ответил: «Будьте настороже! / Когда родится ребенок, посмотрим, чей он. / Я господин, а она моя жена, не ввязывайтесь в это». / Он ждал, прошло девять месяцев, / и Бог даровал двух мальчиков: вот они. / Священник крестил их / и назвал старшего брата Санасаром, / а младшего Багдасаром...

Потом вышла между ними ссора. / Санасар и Багдасар встали, / забрали свое имущество, мать, священника / и пошли к своему деду, царю Гагику. / Они рассказали Гагику, / как было дело. / Царь Гагик сказал: / «Славные юноши, пойдите в Эртел (т.е. Артер), / и пусть все будет по воле Матери-Богородицы. / Если Вы достойны, Крест Битвы, / Меч-Молния, Куррик Джелали, / доспехи и все прочее, – / увидите, как все придет к вам. / Мальчики пошли / в долины Пшеванка / и бродили там. / По Божьему повелению, когда ходили они там, / море расступилось перед ними к Эртелю. / Пред глазами Санасара оно высохло, / и Санасар пошел прямо к Эртелю, / а Багдасар остался стоять, со словами: / «Увы! Мой брат ушел и пропал в море». / Санасар достиг дворца / и в церкви лишился чувств. / Он спал и видел сон. / Мать-Богородица чудесным образом пришла к нему во сне и сказала: / «Твой Крест Битвы здесь. / Встань и преклонись предо мной семь раз в молитве. / Если ты достоин, ты получишь / Куррика Джелали, /

⁴¹ *Сасна Црер. Т.1. С.476–477, 479–481. – Рассказано Варданом Мохси-Базикяном из Мокса и записано Арутюном Гиланяном из Мокса в 1911 г.*

кольчугу, / пояс Озени, / шлем Кезех, / сапоги Кюсюль, / Меч-Молнию, / клинок Нерез. / Возьми все это, / иди и добейся того, к чему стремится твое сердце. / Затем омойся в источнике, / и сила твоя возрастет всемеро: / ты один станешь сильнее семерых». / Он встал, омылся в источнике, / взял все это, / и Божье благословение было над ним. / Он оседлал Куррика Джелали, / море расступилось перед ним, / и вернулся он к своему брату.

№8⁴².

В этом варианте Богоматерь в инициационном сне говорит Санасару: «Ты станешь отважным героем». Армянские гражданские и религиозные братства, возникшие в Эрзнка (XIII в.), а позднее и на Украине, назывались «союзы *ктричей* (слово означает смелого, героического юношу)». Эти братства были схожи с иранскими организациями *джаванмардан*, «молодых людей», которые иначе назывались по-арабски *футува* – «молодые люди», *ахи* – «братство» и *айаран*⁴³. Этические представления этих иранских и армянских союзов близки к традициям эпических героев: их члены должны были быть бесстрашными атлетами и одновременно мистически религиозными альтруистами.

Случилось так, что он и его брат пошли домой. / Они взяли свою мать, священника Меликсета, свою двоюродную бабушку / и отправились в Ахтамар. / Санасар и Багдасар провели там некоторое время / и пошли прогуляться по берегу моря. / Пред глазами Санасара / море превратилось в сушу на всем пути к Артеру; / но перед глазами Багдасара оно осталось морем. / По суше, которую он увидел, Санасар / дошел до Артера через море. / Но Багдасар видел лишь море. Он закричал: / «Брат мой ушел в море и утонул». / А Санасар дошел до Эртера (Артер), / достиг его и увидел церковь. / Он зашел туда. / Войдя в церковь, / он лишился чувств, упал и заснул. / И увидел сон: во сне / к нему пришла Богородица и сказала: / «Встань, Санасар. / Вот пещера (*мегаре*), откопай ее. / В ней лежат доспехи: лежит кольчуга, / лежит ремень, / лежит шлем Кезех, / лежат сапоги Кюсюль. / Там же – большой котел, в котле – ножны, / а в ножнах – меч. / Меч зовется Меч-Молния. / На берегу моря – камень, / под камнем – уздечка. / Достань ее, / и из моря выйдет конь: это морской (*цовойин*) конь. / Коня зовут Кюрик Джелали. / Встань, Санасар, иди во дворец и омойся в воде. / Ты станешь сильным и могучим, станешь смелым героем. / Возьми все это себе». / Санасар проснулся, встал и сказал: / «Что за сон я видел! / Это правда или ложь?» / Он пошел туда, куда указала ему Богородица, / раскопал пещеру, нашел там / все, что видел во сне, и забрал себе. / Он омылся в воде во дворце, стал сильным и смелым, / надел доспехи: надел кольчугу, / перепоясался ремнем, / надел на голову меч Кезех, / надел на ноги сапоги Кюсюль, / взял Меч-Молнию, / пошел на

⁴² *Сасна Црер. Т.1. P.533–535. – Рассказано Варданом Мохси-Базикяном из Мокса и записано Сенекеримом Тер-Акопяном в 1915 г.*

⁴³ *Слово, происходящее от среднеперсидского и обозначающее «помощники», но позднее употреблявшееся также для обозначения безрассудного, преступного поведения, ср. армянское обозначение героев Сасунского эпоса как *цур*, «безумных, диких».*

берег моря, отвалил камень. / Ударил по морю уздечкой, схватил Кюрика Джелали, / взнуздal его, оседлал и умчался прочь из Артера.

№9⁴⁴.

В этом варианте на дочери Гагика хочет жениться не багдадский халиф, а сын курдского правителя Востана, который увидел ее прогуливающейся в Ахтамаре.

Они пошли и оставались там год. / Девушка послала весточку царю Гагику: / «Я не выживу здесь. / Возьми лодку ночью и заberi меня отсюда». / Когда он увез ее, девушка сказала: / «Конь унесет меня в Ахтамар, чтобы достичь Эртеля (Артер)». / Придя туда, она забеременела. / Три или четыре года она скрывалась там / и родила там двух мальчиков-близнецов. / Одного из них назвали Санасаром, а второго – Багдасаром. / Мальчики росли не по дням, а по часам. / Прошло десять лет. / Мальчики сказали друг другу: / «Мы не можем оставаться здесь. Что нам здесь делать? / Мы не можем оставаться на этом острове, в море. / Пойдем к другим рубежам, в другие земли». / Они встали и пошли в другое место. / Мальчики сказали: «Мы не пойдем в другие деревни, / построим наш дом здесь». / И построили они себе дом, / взяли гигантские камни и построили дом.

№10⁴⁵.

Жил да был армянский царь. / У него была дочь. / Она была очень красивой (*хорот*). / Взгляд царя Персии / упал на дочь царя Востока. / Царь Персии был очень могущественным. / Он послал весть к царю Востока: / «Отдай свою дочь за моего сына». / И еще дважды он посылал весть: / «Отдай свою дочь за моего сына». / Тот ответил: «Я армянин, ты перс. / Я не отдам мою дочь». / Персидский царь сказал: / «Если ты не отдашь свою дочь за моего сына, я убью многих из вас». / Когда девушка услышала это, она подумала и сказала: / «Из-за меня они убьют всех этих людей. / Их дети останутся сиротами и проклянут тебя. / Тогда они заберут меня силой...»

Девушка выходит замуж за сына персидского царя.

Они оставались во дворце полгода, / а потом послали ответ: / «Разве мы пленники здесь? / Ты не даешь нам выйти из дому». / Царь сказал: «Они правы. Пусть пойдут на прогулку». / Стражники позволили им выйти прогуляться. / Дочь царя никогда не видела моря. / Они гуляли по Царскому саду, / она вышла и увидела Синее море⁴⁶. / Не увидев границ моря, она подошла к нему, / встала на скале, глядя вокруг, / и увидела, что море безгранично. / Она испугалась, села и сказала: /

⁴⁴ *Сасна Црер. Т.1. С.609. – Рассказано Мануком Арутюняном из Мокса и записано Каранетом Мелик-Оганьяняном в 1933 г.*

⁴⁵ *Сасна Црер. Т.1. С.835–840. – Рассказано Егиазаром Хакобяном из Гаваша и записано Арутюном Авчяном в 1909 г.*

⁴⁶ *Капот цов, от арм. Капутан, наименования оз. Ван.*

«О, если бы было немного воды, я бы выпила». / Она прошла немного, но не увидела в скалах воды, / посмотрела на море и увидела огромную скалу, стоящую у морского берега. / Белый фонтан бил из скалы, / и вода из него была во все четыре стороны, / так что человек, не сняв одежды, / не мог дойти до источника и выпить воды. / Она сняла одежду и подошла к источнику, выпила воды, ушла / и вернулась в свой дворец. / Священник справил службы в соответствии с армянским обычаем, / провел мессу и заверил в безгрешности девушки. / Прошел год, и живот девушки увеличился. / Царь услышал от своей матери: / «Твоя невеста беременна». / Царь собрал совет (*диван*), позвал визиря и спросил: / «Что ты на это скажешь?» / Визирь ответил: «Да продлятся дни твои, о царь! / Приведи священника, который живет на половине твоей невесты. / Кто знает, может быть, священник делает такие вещи?» / Царь спросил: «Визирь, что мы будем делать потом?» / Визирь отвечал: «Потом мы убьем обоих». / Они сказали палачу: «Иди отруби головы обоим». / Палач пошел во дворец к невесте и сказал: / «Царь велел мне перерезать тебе горло». / Невеста отвечала: «Твой царь неправ: / перерезать горло беременной женщине – значит убить двоих»...

Родились близнецы.

Однажды они опять пошли на морской берег погулять. / К ним подошел старец и сказал: / «Санасар, пойдем, я возьму тебя на остров среди моря. / И там я дам тебе Меч-Молнию, / Курку Джалали, Седло Мать Жемчуга и Грозный Жезл». / Санасар сказал своему брату: «Багдасар, / оставайся здесь, а я пойду. / Если я утону в море, / ты останешься в живых». / Багдасар сказал: «Брат, ты оставайся здесь, а я пойду». / Старик сказал: «Ты оставайся здесь, / а Санасар вернется к тебе. / Он силен, он принесет Грозный Жезл». / И пошел Санасар со стариком на остров в море. / Там старик показал ему Курку Джалали, / Меч-Молнию, Жемчужное седло и Грозный Жезл. / Санасар сказал: «Отче, / откуда пришли мы на остров? / Ни следа не осталось. Мы не утонули в воде, / но отсюда со всеми тяжелыми вещами / как сможем мы уйти и не утонуть?» / Старик сказал: «Оседлай коня, / возьми оружие, возьми мою руку, / крепко закрой глаза, призови Бога, / и я унесу тебя отсюда». / И старик унес его оттуда к его брату.

№11.⁴⁷

В тексте упоминается «яма» Гаваша. Это может быть связано с легендой о «глубоком» [хор] хранилище или хлеву (*гом*) в деревне Хоргом (зап.-арм. Хорком) к востоку от Востана/Гаваша в сторону города Ван. Уроженцем Хоркома был знаменитый американо-армянский художник-экспрессионист Аршил Горький.

Давным-давно в деревне Гаваша стоял языческий храм. / А в Ахтамаре и долине Хаву⁴⁸ жили верующие в Бога. / Но было их немного, а царство было в ру-

⁴⁷ *Сасна Црер. Т.1. С.875–877. – Рассказано Григором Поханом Егизаряном из Гаваша и записано Сенекеримом Тер-Акобяном в 1916 г.*

⁴⁸ *Хаву цор, т. е. курд. Хавацор, от арм. Хайоц дзор, «Долина армян».*

ках язычников. / Язычники ходили среди верующих в Бога. / И был в Ахтамаре священник, / а дочь его была очень красива (*хорот*). / Когда они увидели эту девушку, то послали к царю со словами: / «У священника в Ахтамаре очень красивая дочь». / Царь ответил жителям Ахтамара: / «Возьмите ее, вашу дочь, и приведите ко мне. / Если вы не сделаете этого, я истреблю вас всех...»

Она выходит за него замуж.

Резиденция царя была на равнине Нор Гега. / Там он воевал, и там же было место его молитвы. / И там были все храмы идолопоклонников. / Они отмечали свадьбу семь или восемь дней. / Шатер епископа и его племянницы стоял / неподалеку от царского. / Оба они жили в одном шатре. / Царь издал указ: / «Сорок дней царь не войдет на половину своей жены». / Через тридцать девять дней / епископ обратился к царю со словами: / «Вели, чтобы я завтра вместе с моей племянницей / пошел в Хилю прогуляться у источников. / Я прогуляюсь, вернусь и уйду к себе». / Царь сказал: «Велю тебе / взять свою племянницу / пойти на прогулку и вернуться». / И он пошел вместе с племянницей в Хилю. / Придя туда, они помолились Богоматери Сорока Аларей. / Помолвившись, они сразу поспешили оттуда, / вышли из церкви и спустились в Хилю. / Там епископ отодвинул камень, / и оттуда хлынула вода. / Епископ поставил чашу себе на грудь, опустил ее под воду / и наполнил до краев. / Он сказал: «Девочка, возьми эту воду и выпей». / Он поставил чашу перед ней, наполнил еще раз, / но она была уже не так полна, как в первый раз: / воды было чуть меньше, и она была мутноватой. / Он снова дал чашу девушке, и она выпила. / Он поставил камень обратно, они развернулись и пошли обратно. / Епископ сам привел ее / к шатру царя и ввел туда. / На сороковой день / они вошли в шатер и сели. / Епископ, показав / своей племяннице все, / встал и с разрешения царя отправился к себе. / В тот вечер царь должен был войти к своей жене. / Она послала царю письмо, в котором говорилось: / «В тот миг, когда я вошла в твой шатер, / то ли от любви к тебе, то ли от страха я забеременела. / Так что ты не сможешь войти ко мне еще девять месяцев. / Если ты веришь, / то с момента, как я вошла в твой шатер, / отсчитывай время, когда родится ребенок. / Если это случится хотя бы на полчаса раньше или позже, отруби мне голову». / Царь не вошел к ней. / Он подумал: «В чем же дело? / Надо посмотреть и посчитать, ложь это или правда». / По прошествии девяти месяцев она родила двух мальчиков-близнецов. / Царю сообщили: / «У тебя мальчики-близнецы». / Царь был мудр. Он позвал секретаря и сказал ему: / «Отсчитай от такого-то дня и часа до нынешнего момента. / Не ошибся ли я?» / «Нет, ни больше ни меньше». / Царь согласился. / Девушка послала своему дяде весть, что он должен прийти. / Ее дядя встал и пришел. / Втайне он крестил обоих мальчиков / и назвал одного Санасаром, а второго Багдасаром. / Четыре или пять дней он оставался там, / а потом ушел оттуда.

№12⁴⁹.

Качет – вариант названия деревни Кашт, в Моксе, которая славна своими храбрыми героями, чью безрассудную отвагу порой принимали за глупость. Это качество жителей Кашта вошло в поговорку, в результате чего люди стали считать, что «молочный фонтан», который вспоил героев, лишает людей разума, и его засыпали⁵⁰.

Гагик был царем в Керманачегке, напротив Ахтамара. От также правил Гевашем, Хави Цором⁵¹, Шатахом⁵², Моксом, Спаркертом, Хизаном, Каркаром и Карчваном.

И был у него летний дворец, который назывался Хили. Там было триста благоуханных лугов, а также Молочный источник.

В деревне стояло здание храма идолов. Это было высокое здание без знаков⁵³ на нем. Говорили, что там были только буквы А или С⁵⁴. Перед входом располагалось сорок небольших хижин, где раньше располагались идолы; большой идол находился внутри монастыря (*ванк, sic!*). Таков был летний дворец царя Гагика⁵⁵.

Дочь царя Гагика тоже была там. / Она пошла прогуляться вокруг Молочного источника, / пришла туда и выпила воды. / Говорят, что она забеременела от этого источника. / Так девушка сказала своему отцу. / Когда отец ей не поверил,

⁴⁹ *Сасна Црер. Т.1. С.1091–1092. – Рассказано Хованом Зограбяном из Качета и записано Карпетом Мелик-Оганьяняном в 1934 г.*

⁵⁰ *См.: Russell J. R. – intro. // Karapet Sital...*

⁵¹ *Т.е. Хайоц дзор, см. выше.*

⁵² *Главный город Мокса.*

⁵³ *Ншанер, т. е. крестов?*

⁵⁴ *Армянские буквы, обозначающие звуки А и С, похожи на английскую заглавную U. Так что, возможно, рассказчик имеет в виду мусульманский полумесяц, а быть может, и напоминающий знак двойных рогов зороастрийский символ на куполах храма огня в Каркой. Сасаниды, впрочем, тоже использовали символ полумесяца еще до мусульманского вторжения.*

⁵⁵ *Напомним, что средневековый армянский историк Мовсес Хоренаци описывал укрепленный комплекс в Гарни, включавший бани, храм или гробницу, а также дворец, как «летний дворец» дохристианского армянского царя из династии Аршакидов Трдата (Тирдата): там есть греческая надпись Трдата I (I в. н.э.). Если в этом странном описании есть зерно истины, то здание, представляло собой зороастрийский багин («святилище богов»), в котором располагались небольшие статуи тридцати трех язтов и семи амеша спента (общим числом 40. Хотя надо заметить, что число 40 вообще широко употребляется на Ближнем Востоке с самыми разными целями), а также большая статуя Бога-Творца, Ахура Мазды (арм. Арамазд) в главном зале. В столице парфянских Аршакидов Нисе в храме есть многочисленные ниши с раскрашенными культовыми статуями, а армянские цари из династии Аршакидов часто совершали паломничества туда, на родину своих обожествленных предков.*

все набросились на девушку. / Девушка позвала доктора и попросила его осмотреть ее. / Доктора сказали: «Это не от человека». / Но отец по-прежнему не верил ей. / Девушка взяла с собой одного из слуг / и убежала в земли Сасуна. / Там она жила / и родила двух мальчиков, / Санасара и Багдасара. / Они выросли там и стали красивыми (*хорот*) мужчинами / и силачами⁵⁶, удивительными силачами. / Они тоже построили там себе дом / и заложили замечательную крепость. / Они закончили строительство крепости...

№ 13.⁵⁷

Этот рассказ, написанный на позднем классическом армянском с турецкими и персидскими заимствованиями, во многом пересекается с эпической традицией. В тексте упоминается лодка паломников, которая затонула в шторм напротив города Арчеш (урарт. Аргиштихуна, греч. Ардзес, тур. Эрчиш), расположенного на северо-восточном побережье озера Ван. По всей видимости, они плыли из дома, с острова Ахтамар, в порт Гаваша / Востана на южном побережье, в нескольких километрах отсюда в глубь материка располагался Нарекванк. Арчеш, однако, находится далеко в стороне, и, возможно, в истории упоминается средневековый город, поглощенный волнами и покоящийся на дне озера Ван напротив Орорана между Плурум и Плурмаком. Современный город расположен в 6 км к северо-востоку. Эти развалины будили воображение рассказчиков, которые сочиняли истории о драконах и подводных городах, фигурирующие как в этом тексте, так и в эпосе.

В Ахтамаре жил человек по имени Андреас. Его жена была бесплодна, и у них не было детей. И пошли они к гробнице Григора Нарекаци попросить святого даровать им сына. Св. Григор заступился за них, и Бог подарил им сына. Они очень обрадовались, крестили его и назвали Григором. Когда мальчику было семь лет, отец и мать решили взять его с собой к гробнице святого. Они сели в лодку и в субботу, в день Вардавар⁵⁸, оказались посреди моря. По дьявольской воле поднялся страшный ветер и унес лодку от Арчеша к Каракашишу. Мальчик упал за борт. Отец и мать рыдали так, что ослепли от слез. Они высадились на сушу и искали всюду, но не нашли тела своего сына. Рыдая, вернулись они домой, и оставались там до Вардавара следующего года. Соседи сказали Андреасу: «Твой сын упал в море и погиб. Ты ослеп от слез. Пойдем к гробнице святого, и он вернет свет твоим глазам». Они прибыли к водяной мельнице монастыря, и соседи пошли вперед, чтобы поцеловать гробницу святого. Открыв ворота гробницы, они увидели маленького Григора. Он сидел на гробнице, и с него капала вода. Изумленные и обрадованные, они вернулись к родителям мальчика, чтобы сообщить им радостную весть: «Ваш сын жив, он сидит на гробнице святого». Но те не верили, пока сами не узнали сына. Они попросили его рассказать, что же с ним случилось. Он ответил: «Когда я упал в воду, меня схватило

⁵⁶ Пелеван, от перс. пахлаван, букв. «парфяне».

⁵⁷ Ганалаян А. *Авандапатам («Традиционные повествования»), в рус. пер.: «Армянские предания»*. Ереван: Издательство АН АрмССР, 1969. С.313–314. № 774.xv, из ереванского Матенадарана MS 9861. Л.19b–21b.

⁵⁸ Праздник Преображения.

чудовище⁵⁹ и хотело утопить меня в море. Но тут появился Григор Нарекаци с посохом⁶⁰ в руке, отстранил⁶¹ чудовищного демона⁶² и освободил меня из его лап. Он повел меня на морское дно, ударил по дну посохом и накинуд свою мантию (*тилон*) на посох, так что получилось подобие шатра. Вода была надомной наподобие свода. Он осенил крестом, как знаком (*хачакнкчац*) на четыре стороны, и все залил свет. Я покоился там, будто во дворце света⁶³. Он сказал: «Оставайся здесь, пока я схожу исполнить просьбы паломников». В понедельник он вернулся и принес мне две святые облатки (*нихарк*); я съел их и стал сильнее. С тех пор каждую субботу он приносил мне по две святых облатки. Но сегодня он сказал мне: «Послушай! Сегодня твои отец и мать придут в паломничество к моей гробнице. Я возьму тебя и отдам им». Он взял меня и вынес из моря; внезапно я понял, что сижу на его гробнице. Он дал мне пелену⁶⁴ из своих рук, сказав: «Это вернет свет глазам твоих родителей». И когда они поцеловали священную пелену⁶⁵, их глаза прозрели. И все, кто видел и слышал это, изумились и поразились и воздали хвалы Богу и св. доктору Нарекаци.

Св. Григор Нарекаци, «Книга скорбных песнопений»⁶⁶

(I)

*О Господи, щедры Твои даренья,
Ты – жизни свет, души успокоенье,
Во имя нас страдал Ты и скорбел,
Идя путем Своим неизреченным,*

⁵⁹ *айлакерп ми*: букв. «ксеноморф».

⁶⁰ *Гавазан*: букв. «палка для погона быков», термин, которым обозначался епископский посох.

⁶¹ *Састеац*: отыменной глагол от древнеиран. *састи-* «заявление».

⁶² *Дивин*, д.п. от *дев*, ср. *среднеперс. деу*, *авест. даева-*, и т.д.

⁶³ *И хангстеан ибреу лусеген дарпаси*: для обозначения «дворца» здесь употребляется то же слово, *дарпас*, что и в повествованиях о подводных приключениях *Санасара*.

⁶⁴ *Тур. Аглухн*.

⁶⁵ *Дастаракн*: здесь – слово, использовавшееся в классическом армянском для обозначения священной пелены, на которой запечателся лик Христов.

⁶⁶ *Арм. Матеан огберзутеан*, гл.82. По изданию: Св. Григор Нарекаци. *Книга скорбных песнопений / Хачатрян П., Газинян А.* – ред. Ереван: Издательство АН АрмССР, 1985. – В рукописях эта глава обычно дается с заглавием, указывающим на то, что она адресована Апостолам (арм. *Аракец*о). Однако образ спасения от дракона (*вишиапа*) показывает нам, как эта молитва могла способствовать складыванию легенд о св. Григоре, спасающем тонущего мальчика. В большинстве изданий текст печатается в прозе; мы приводим здесь поэтический перевод Н.Гребнева, с небольшими изменениями (Библиотека всемирной литературы. Т.55. *Поэзия народов СССР IV – XVIII вв. М., 1972. С.103–107*).

Спасая нас, Ты муки претерпел
 Пред тем, как вознестись в иной предел
 И слиться с Духом наисовершенным.
 Во имя всех апостолов святых,
 Во имя благоизбранных Твоих,
 Благословляемых Твоею дланью,
 Создавшей твердь и все, что в мире есть,
 Которым я в другом своем писанье⁶⁷,
 По мере сил воздал хвалу и честь;
 Во имя их любви и совершенства
 Без милости меня Ты не оставь
 И на стезю желанного блаженства⁶⁸
 Их указаньем пастырским направь.
 О Господи, надеждой на спасенье
 Отметь меня, как тех отцов святых⁶⁹,
 Прославленных чредою⁷⁰ поколений⁷¹,
 И языками всех краев земных.
 Наставь меня, как тех святых людей,
 Увенчанных венцами светозарными,
 И песнопениями благодарными
 И озаренных милостью Твоей.

⁶⁷ Скорее всего, отсылка к его «Славословию апостолам».

⁶⁸ Букв. «труппе исходов», арм. *shavigh elits'*. Первое слово заимствовано из арамейского, ср. евр. *shavil*, араб. *sabil* (например, в метафорическом кораническом выражении *fi sabil Allah*, «путем Бога»). *Elits'* – род. п. мн. ч. от *elk'* («исход»). В данном контексте выражение означает отделение души от тела в момент смерти и ее последующий переход в иной мир. Здесь Нарекаци напрямую использует образ горных пастухов – привычная сцена для любого армянина. Однако, как мы увидим далее, у армянского читателя также должны возникать ассоциации с библейскими коннотациями безопасного прохода по дну моря. Нарекаци использует эти образы фигурально, тогда как благочестивые верующие из области Вана, очевидно, воспринимали их буквально, когда, используя фольклорные и эпические мотивы, складывали легенды о святом.

⁶⁹ Т.е. Апостолов, которые первыми были отмечены благодатью высшего служения Господу: Григор сам был епископом.

⁷⁰ Отсылка к ангельским чинам, о которых пишет Псевдо-Дионисий Ареопагит.

⁷¹ Арм. *getots'*, «рек», встречаемое во многих изданиях, безусловно, ошибочно. Можно предположить чтение **ditats'*, род. п. мн. ч. от *det* – («ангельский» страж». Это слово может одновременно быть переводом греч. *egregoros* (арам. *'irin [qadishin]*, «святые стражи»), «неусыпный ангел», а также быть скрытым указанием на имя самого Григора.

(II)

*Всегда Ты, Господи, тех отличал,
Кто проповедовал твое ученье,
Их частые молитвы принимал,
И фимиам, и жертвоприношенья.
И хоть их кровь обильная текла,
Они при жизни были непреклонны.
Неверие в Господние законы
Вовек не омрачило их чела.
Пусть им порою не хватало сил,
Они Твое несли повсюду слово,
И Ты их, Милосердный, возродил
Из праха, из ничтожества земного.
Ученики апостолов святых,
Они сумели, претерпев страданья,
Увидеть в слепоте сует земных
Заметное не всем Твое сиянье.
И, к пириштвам причастны неземным,
Теперь они блаженствуют, провидцы.
Наставь меня, чтоб я, подобно им,⁷²
Спасенье принял из Твоей десницы⁷².*

(III)

*Блажен, кто в пламени горел, кто пролил
И кровь и слезы, избранный Тобой,
И те блаженны, что по доброй воле
Ушли навек от суеты мирской,
Попрали смело⁷³ все свои сомненья,*

⁷² В оригинале «как говорил пророк». Видимо, отсылка к Самуилу или Илии, ср.: I Царств 28:13-14 и 4 Царств 2:11.

⁷³ Хотя слово *arġ*, «смелый, мужественный», встречающееся в тексте несколько раз, и *k'aj* «смелый», употребляемое здесь, полностью совместимы с христианской концепцией солдата-мученика и аскета-воина, сражающегося против искушений (ср. выше о Городе Мучеников), однако оба слова имеют также прочную связь с дохристианской традицией, которая в значительной мере сформировала героический Сасунский эпос. Арм. *arġ* связано и со словом *arġ*, «мужчина», и с эпитетом *arġa* – «благородный, иранский, арийский(!)»; кроме того, в эпическом фрагменте этим эпитетом характеризуется царь II в. до н.э. Арташес (Артаксиас I, ср. Мовсес Хоренаци II.50. – См.: Russell J.R. *Bosphorus Nights: The Complete Lyric Poems of Bedros Tourian* // *Harvard Armenian Texts and Studies* 10. Cambridge, MA, 2006. P.149, о непрерывном отражении этого отрывка в армянской поэзии). Слово *k'aj*, «смелый», непрменный эпитет в героическом эпосе, в армянской мифологии отсылает также к высокородной расе горных гигантов и сходным образом отра-

*И велиар не смог их побороть
На бранном поле жизни, где в боренье
Извечно пребывают дух и плоть.
В морских волнах они достигли суши⁷⁴,
Обетованный отыскав предел,
И возродились легкие их души,
Плывя в ковчеге их тяжелых тел⁷⁵,
И заблестели неземной красюю
На их главах венцы в сиянье дня...
Поддержанного их мольбой святою,
Причисли к ним и грешного меня.*

(IV)

*С молитвой старцев, славящих Тебя,
С молитвой, что достигнет небосвода,
Свою мольбу соединил, скорбя,
И я, как каплю дегтя с бочкой меда.
Пусть их моления с моей мольбой
Предстанут, как уродство с красотой,
Хоть на мгновенье сливишься воедино,
Как с грязью изумруд, со золотом – глина
Или с никчемным камнем серебро,
С неправдой правда и со злом добро.*

жается вплоть до наших дней (см.: Russell. Tourian // Ibid. P. 64).

⁷⁴ Сложность этой фразы типична для поэзии Нарекаци. Она драматически привлекает внимание читателя к вводимой здесь важной теме моря, которая будет неоднократно встречаться до конца молитвы. Арм. *laynatsaval tsp'anats' ashkharhis tsovu*: пример аллитераций, где трижды повторяется звук /ц/, в третий раз – после появления аллофона, который усиливает общий резонанс, вызванный повторением спиранта /в/ (*tsav... tsovu*); /о/ и /у/ в третьем элементе также отличают его, учитывая предшествующее преобладание гласной /а/.

⁷⁵ Ковчег (арм. *Tarap*) покоится на горах Арарата, так что Нарекаци вновь вводит многочисленные отсылки к мотивам потопа, спасения и восхождения, а также указывает на армянский locus превосходения Исхода израильтян, подтверждая таким образом не только превосходство христианской Армении перед древними евреями как истинного Израиля, но и ее большую древность. Другое значение слова *tarap*, как и в языках других христианских народов, – гроб, так что метафора вознесения души из тела в гробу вновь повторяется в той же фигуре речи. Арм. *Navahangist* (букв. «отдых корабля») вновь повторяет тему Ковчеге и Арарата, тогда как *t'rruts' eal*, каузативное прич. от *t'rrch'im* («летать»), несет в себе многочисленные значения, связанные с парусом, с освобожденной крылатой душой и с голубем (мира, Святого Духа), вылетающим из ладоней Ноя, чтобы вернуться с оливковой ветвью добрых вестей.

*О Боже, выслушай, не отстрани,
Молитву нашу! Не суди сурово
Их слово ради грешного меня
И ради них мое приеми слово.
О Совершенный, о Благословенный,
Несотворенный, Несказанный и Нетленный⁷⁶,
Ты, Господи, Источник всех даров,
Всех добрых дел Начало и Причина!*

(V)

*Не осуждаешь Ты Своих рабов,
В отличие от людей не мстишь безвинно.
Не умерщвляешь их, но оживляешь
И обретаешь их, а не теряешь,
Не изгоняешь Ты, а собираешь,
Не предаешь, не губишь, а спасаешь,
Ты оступающих не толкаешь⁷⁷,
Погрязнувших в грязи – Ты поднимаешь,
Не проклинаешь, а благословляешь,
В грех не вергаешь – веру возвращаешь,
Ты грешных не казнишь, Ты их прощаешь,
Ты не колеблешь нас, а утверждаешь,
Не попираешь Ты, а возрождаешь,
Спасаешь грешных Ты, а не караешь,
Ты безутешных в горе утешаешь,
Жизнь сохраняешь, а не убиваешь,
Не укоряешь Ты, а наставляешь.
Мы забываем – Ты не забываешь,*

⁷⁶ Арм. *ancharr aneghts ev ansteghts*: похоже, что во фразе некоторым образом закодирована Троица: *charr* («речь») означает «Логос», *egh-* – начало Творения, и *anegh* – Бога без начала. Фраза также содержит анаграмму *a-st-va-ts* («Бог»). В гл. 3:1 «Книги скорбных песнопений» Нарекации именует Бога *hastogh hogvots' hats'* («хлеб, Опора души»). Так же, как фраза в нашей главе объединена тремя апофатическими определениями с негативными префиксами *an-*, так и та фраза обозначена тремя словами на *h-*. В ней тоже закодировано *ast-ov-ats* («Бог»), на этот раз не как анаграмма, а в акрофонической последовательности; три существительных Опора, Душа и Хлеб (ср.: *Nis est corpus...*) вновь, еще очевиднее, символизируют Троицу: Творца, Святого Духа и воплощенного Сына. Арм. *Astuats* («Бог»), весьма вероятно, происходит от *hast-em* («творить, поддерживать»).

⁷⁷ Эти эпитеты вызывают образ спасителя утопающих, который народные легенды перенесли из области метафорической спасительной силы Бога в сферу местных чудес, которые творил сам святой. См. также ниже, прим. 81.

Мы отступаем – Ты не отступаешь.
 В отличие от суицид на земле
 Ты милостью вражды не вызываешь,
 Презренному злословью и хуле
 За доброту Себя не обрекаешь.
 Тебя не осуждают за терпенье,
 Лишь Ты не заклеимен за всепрощенье,
 Не обречен за кротость на гоненья,
 Единственный, кому на все даренья
 Ответствует не брань и не хула,
 Не слово осуждения и презренья,
 А истая молитва и хвала.
 Так отпусти, о Господи, мой грех,
 Спаси, о Милосердный, от проклятья.
 Прости меня, хоть я грешнее всех,
 И долг скости, что не сумел отдать я!
 Лишь перст поднимешь Ты⁷⁸, и сгинет зло,
 Нам к совершенству путь в Твоей лишь воле.
 Тебе меня спасти не тяжело,
 А для меня что можно сделать боле?
 Вдохни в меня, о Боже, образ Твой⁷⁹,
 Навстречу протяни Свою десницу,
 И дух мой грешный обретет покой,
 Спасенье обретет и возродится.

⁷⁸ В армянском тексте употреблено выражение *tato matn*; здесь достаточно четко рисуется картина, в которой рука и палец Бога символизируют Его волю – как в армянской иконографии, так и в сцене сотворения Адама в Сикстинской капелле.

⁷⁹ В оригинале арм. *kendapnagrea* («нарисовать портрет», 2 л., имперфект) – калька с греч. *Zógraphō* (букв. «писать жизнь»). Здесь автор просит Бога вновь вдохнуть в него, обновить Его собственный образ, *k'ouinasteghts ratker*. Последнее слово – заимствование из парфянского (ср. перс. *raukar*). Первое слово сложено из арм. *k'o* («твой»), усиленного адъективированным суффиксом принадлежности *-uñ*, к которому добавлено слово *steghts-* («творить»). Такие неологизмы типичны для *Нарекаци*, которому необходимо было приспособить язык к своим сложнейшим концепциям. Иранское слово обозначает как изображение, так и образ: в Сасанидской надписи в *Наки-е-Ростам* в качестве его греческого эквивалента используется слово *prosōpon* (букв. «лицо»). (Об употреблении слова *ratker* в армянском см.: Russell J.R. *The Scepter of Tiridates // Le Muséon* 114.1-2. 2001. P.190–191, n.11 [=AIS. P.1138–1139]). Таким образом, поэтико-мистическое умножает измерения *ut pictura poesis* в своего рода (позволим себе неологизм) **метекфрасис**: Адам, сотворенный по образу Божию, преобразуется перстом Бога (см. выше игру слов с *matn*, «палец») и пламенным дыханием в Нового Адама.

(VI)

Не приближай, Господь, мой смертный час,
 И мой последний вздох не торопи Ты,
 Чтоб я без очищения и защиты
 Не отошел в путь дальний, ждущий нас⁸⁰.
 Я жив надеждою, как смертный каждый,
 Не дай испить мне желчь, когда возжажду,
 Пусть не придет мой смертный час во сне,
 Как вражие нашествие⁸¹ ко мне.
 Пусть лихорадка не охватит вдруг
 Моих корней, не пережжет случайно,
 И пусть безумье иль другой недуг
 Моей душой не овладеют тайно⁸².
 Дай искупить при жизни грех мирской,
 Да не умру я, задремав средь ночи,
 Пусть не сулит мне гибели покой,
 Пусть забыть мне смерти не пророчит.

⁸⁰ Использование в строфе трех отрицаний должно немедленно привлечь любопытство внимательного читателя Нарека. Речь идет о пути в иной мир, так что используемое в оригинале слово «несовершенный» (*ankatar*) отсылает к тем, чьи жизни были «кусовершено» мученичеством: арм. *katarem* – обычный термин для обозначения смерти святого человека. В других местах Нарекаци употребляет выражение *aradzern ant'oshakut'iuns*. Первое слово означает «с пустыми руками» и, возможно, метафорически относится к собственным деяниям. Арм. *t'oshak*, иранское заимствование, означает, как и персидское *tûsheh*, «припасы в дорогу». Так, Санаи писал: «О, виночерпий! Дай вина мне, ведь без него не избежать пути аскетов-материалистов. / Зороастризм или путь каландари станет подмогой на духовном пути». Проф. М.Субтелны из Университета Торонто отмечает: в поэме Низами «Лейла и Меджнун» влюбленная девушка говорит матери, что она возьмет свои любовные муки, как припасы в дорогу (*râh-tûsheh*), для Меджнуна, т.е. в могилу и дальше. В современном армянском *t'oshak* – это не то, что человек сберегает для себя, а стипендия или грант. Так что, возможно, в Нареке *aradzern* обозначает то, что человек не взял сам, а *ant'oshak* означает то, что человек не **получил**, и относится именно к благодати.

⁸¹ В оригинале арм. *asratak*, от иран. *asr* («лошадь»), и *hap*, от авест. *Haep* – «(вражеское) войско», вызывает в воображении яркую картину полукочевых разбойниково-наездников, которые терроризировали армянскую территорию, делая жизнь оседлого населения ежеминутно опасной. В следующих строках в оригинале продолжается сравнение с сельскохозяйственными занятиями.

⁸² Здесь Нарекаци в оригинальном тексте использует арсенал армянской ономапии, вызывая образ утопления, к которому он обращался ранее: *ughkh-k'* («река, ручей») и *oghogh-ests'en* («заливает», 3 л. сослагательного аориста).

*И пусть во время сна последний вздох
Навеки не прервет мое дыханье,
Пусть не застанет смерть меня врасплох
Без памяти и слова покаянья!*

(VII)

*О Господи, Твое долготерпенье
Спасает от отчаяния нас,
Твое всесилье – наше озаренье,
Спасенье от безумья в черный час.
Ты – от недугов наших исцеленье,
И воскрешенье, и животворенье,
Ты – наша вера, наше искупленье,
Сколь многих Ты из темной бездны спас!
Ты слабых духом к жизни возвращаешь,
Нас из драконьей пасти вырываешь,
От губельных страстей освобождаешь,
Чтоб видеть рядом с праведными нас!
Все в мире павшие и вознесенные,
В грехах погрязшие и возрожденные,
Тобой спасутся, ибо Ты – родник⁸³
Надежды и раба и властелина .
Сознаем не постичь, сколь Ты велик,
Единственный для всех нас и Единый,
Все под тобою: и моря, и реки,
И прах пустынь, и камень всех твердынь.
Да будут прославляемы вовеки
Отец, и Сын, и Дух Святой.
Аминь!*

⁸³ В оригинале в этих строках рисуется образ человека, тонущего и схваченного водным драконом-вишапом, а затем спасенного, возвращенного к солнечному свету и воссевшего во славе. В этой метафоре, по всей видимости, можно увидеть отсылку к рассказу о пророке Ионе, который изображен на рельефе в Ахтамаре, недалеко от Артера, напротив Нарекаванка. Еще сильнее она отразилась в сложившихся в районе Вана фольклорных повествованиях о вишапах. В свою очередь, эти строки, очевидно, повлияли на складывание легенды о спасении Нарекаци тонувшего ребенка, а также, с добавлением легенды об Артере, на те версии Сасунского эпоса, в которых упоминается островок святого.

Наши авторы

Кургинян Сергей Ервандович

кандидат физико-математических наук, политолог,
Президент Международного общественного фонда
«Экспериментальный творческий центр»,
главный редактор журнала «Россия XXI»,
главный режиссер театра «На досках»

Гриневский Олег Алексеевич

доктор исторических наук,
чрезвычайный и полномочный посол в отставке
руководитель Центра Европа–США, ин-т Европы РАН,
профессор РГГУ и МГИМО.

Марьина Валентина Владимировна

профессор, доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

Розенталь Исаак Соломонович

доктор исторических наук, профессор,
главный специалист Российского государственного архива
социально-политической истории

Антонов Дмитрий Игоревич

кандидат исторических наук,
преподаватель Института русской истории Российского
государственного гуманитарного университета.

Рассел Джеймс

Профессор, филолог,
заведующий кафедрой армяноведения
Гарвардского университета, Кембридж, США

Our authors

Kurginyan Sergey Ervandovich

Ph. D. in physics and mathematics, specialist in political sciences,
President of the International Public Foundation
«Experimental Creative Center»,
Editor-in-chief of «Russia XXI»,
Chief producer of the Theatre «On the Boards»

Grinevsky Oleg Alekseevich

D. Sci., historian,
Professor of Russian State University for the Humanities (RSUH)
and Moscow State Institute of International Relations (University),
Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary,
Director of the Center «Europe–USA»,
Institute of Europe, Russian Academy of Sciences

Mar'ina Valentina Vladimirovna

D.Sci. in history, Professor, head specialist of Slavic Studies RAS

Rosental Isaak Solomonovich

D.Sci., historian, Professor,
head specialist of Russian Record Office of Social-Political History

Antonov Dmitriy Igorevich

Ph.D., historian,
the teacher of Institute of Russian History,
Russian State University for Humanities

Russell James R.

Professor, philologist,
Head of chair Armenian studies Harvard University, Cambridge, USA

Учредитель
«Экспериментальный творческий центр»

Главный редактор

С.Е.Кургинян

Редколлегия:

Бялый Ю.В. (зам. гл. ред.),

Мамиконян Е.Р. (зам. гл. ред.),

Каравашкин А.В.,

Куриленкова А.А.,

Петрова И.Н.

Перепечатка допускается
по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются

Позиция редакции не всегда совпадает с мнением авторов

Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года

Регистрационное свидетельство 011074

Юридический адрес редакции:

123001, Москва, Вспольный пер.,18

Редакция располагается по адресу:

Москва, Садовая-Кудринская, 22

телефон (495)291-74-79

факс (495)694-17-54

E-mail russia21@ecc.ru

<http://www.russia-21.ru>

© «Россия XXI» 2007

Цена свободная

ISSN 0869—8503

**Подписка на газеты и журналы по Москве
через Интернет: www.GAZETY.ru**

Подписано в печать 12.07.2007. Формат 60x88 1/16.

Печать офсетная. Бумага офсетная 1. Объем 12,5 печ. л.

Тираж 2000 экз. Заказ

Отпечатано в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНТИ».

140010 Люберцы, Московской обл., Октябрьский пр-кт, 403.

Тел. 554-21-86

4. 2007 july-august

S o c i a l , P o l i t i c a l a n d

Theory and Practice of the Political Games

Sergey Kurginyan

Dead-lock of Pragmatism: on the Genuine Cause
which Generates New and New failures in Russian
Domestic and Foreign Policy _____ **4**

Geopolitics and International Policy Issues

Oleg Grinevsky

How Germany Unification had Started
(the continuation) _____ **66**

Pages of History

Valentina Mar'ina

Georgi Dimitrov as a Soviet Citizen:
1934–1945. Based on G.Dimitrov's
Diaries (the end) _____ **94**

Isaak Rozental'

Progressist Golitsyn
and his Diary _____ **118**

Labels and Myths

Dmitriy Antonov

«Images of no Image»: To the
Evolution of Medieval Russian Ideas
of Angels and Demons in the 17th
Century (the end) _____ **140**

James Russell

The Shrine beneath the Waves _ **156**